

П. А. Кропоткин

Корреспонденции из Сибири

Под таким названием Кропоткин объединил свои путевые заметки и другие публицистические статьи 1862–1867 гг., составляя библиографический список своих работ. Большая часть этих корреспонденций печаталась в «Современной летописи» — воскресном приложении к «Московским ведомостям», с 1861 г. выходявшем отдельным изданием, еще несколько — в газетах «Московские ведомости», «Биржевые ведомости», «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости», «Сибирский вестник», журналах «Записки для чтения», «Книжный вестник», «Русский вестник».

Часть корреспонденций была перепечатана в сборнике П. А. Кропоткина «Письма из Восточной Сибири» (Иркутск, 1983) и в виде приложения к «Дневнику» Кропоткина (М., 1992). В обеих этих публикациях есть сокращения, иногда обширные, вызванные как стремлением устранить встречающиеся повторы, так и (в первом сборнике) вмешательством цензуры. Здесь я постарался дать все сибирские корреспонденции, сверив новейшие перепечатки с оригинальными публикациями. (К сожалению, несколько статей я пока не смог разыскать; надеюсь устранить пропуски в самом ближайшем времени.)

Научные статьи, печатавшиеся, как правило, в изданиях Русского Географического общества, в эту под-

борку не включены, — в том числе и те, которые имеются в библиотеке (см., например, Кропоткин П. А. «Поездка в Окинский караул»).

fb2: таблица

Содержание

На пути в Восточную Сибирь	0006
I	0006
II	0012
III	0021
IV	0029
Из Восточной Сибири	0037
[I]	0037
[II]	0048
[III]	0063
[IV]	0080
[V]	0090
[VI]	0107
[VII]	0120
[VIII]	0133
[IX] Из Иркутска	0153
[X] Из Иркутска	0165
[XI]	0194
[XII]	0208
[XIII]	0215
[XIV]	0227
[XV]	0241
[XVI]	0251
[XVII]	0260
[XVIII]	0282
[XIX]	0308

Другие корреспонденции	0326
Поездка из Забайкалья на Амур через Маньчжурию	0326
Путешествие по Лене	0362
Письма в Распорядительный комитет Сибирского отделения Русского Географического общества	0390
[I]	0394
II	0402
III	0418
Письмо кн. Кропоткина	0441
Письмо П. Кропоткина	0448

П.А. Кропоткин
Корреспонденции из Сибири

На пути в Восточную Сибирь

I

Пермь, 6 августа 1862 года.

Через несколько времени после того, как наш пароход повернул из Волги в Каму, стала заметна сильная перемена в характере местности; сперва берега делаются отложе; нет уже резкого разграничения между низовым и нагорным берегом, — холмы подступают то справа, то слева, и только позднее нагорною стороною становится правая. Затем, вместо пашен, отличительной черты волжских берегов от Нижнего до Казани, начинают показываться леса, сперва урывками, перемежку с лугами, а потом сплошною массою по обеим сторонам реки. До Елабуги они состоят из березы и сосны; но чем далее мы подвигались вверх по замечательно извилистой Каме, тем реже становились береза и сосна; место их заступала ель. Наконец, около Сарапула к самой реке начинают подступать холмы, кончающиеся крутыми, размытыми во-

дою обрывами, ярами, и всплошь поросшие густым ельником: береза попадается изредка, дуба вовсе не видно, — везде ель. Она беспрестанно напоминает вам близость севера и придает оригинальный характер холмам. Издали они имеют вид лохматых шапок: еловый лес никогда не бывает так ровен, как березовый, верх его весь иззубрен остроконечными верхушками отдельных деревьев. По всей окрестности стелется сизый туман, неизменный спутник хвойных лесов, с берега тянет крепким, смоляным запахом.

Изобилие леса выказывается и в прочных избах с тесовыми крышами, и в расточительном употреблении топлива. Например, в Елабуге много занимаются выжиганьем алебаstra, и это выжиганье производится самым дотопопным образом: накладывают костер из длинного, сухого леса, на него кладут камни и зажигают; такой костер пылает часов семнадцать, и алебастр готов. Вы легко поймете, милостивый государь, сколько тут даром пропадает тепла. Печей же не строят, оттого что и в печи не всякий камень прогорит, а тут чего: наложил, зажег, завтра и готово, — толочь

будем. — Да дров много идет. «А печку, поди, тоже строить надо». — Печку построил раз, оно не хитро; а дрова каждый раз надо возить лишние. «Ништо, надо; а все больше кострами жгут». Действительно, печей только две, а костров зажжено было много.

В Сарапугле меня удивило множество сапог на пристани: оказалось, что тут целый город сапожников; действительно, в каждом доме либо выделывают кожи, либо шьют сапоги. Что за причина? Да часто и причины не доищешься; иногда просто, ни с того, ни с сего, какой-нибудь городок прославится чем-нибудь, да так и передается этот промысел из рода в род. Однако тут сыскалась причина: обилие кож и удобство сбыта. Кожи идут из Мензелинска, а козлы из Сибири через Ишим; действительно, товар очень хорош, работа недурна, и сапоги находят себе сбыт на ярмарках, которых здесь много в окрестностях и которые следуют одна за другою: теперь в Нижний, там в Ирбит, в Ишим, а то так и просто сбывают вниз по Волге, в Саратов и далее.

Однако я отклонился от своего рассказа.

Приехав в Пермь, я еще более заметил, как отодвинулся к северу: уже на пароходе видел я, что туда везут арбузы, вишни, крыжовник, даже смородину, даже огурцы... Неужели там ничего не родится? — Огурцы родятся, но их мало, очень дороги (15–20 коп. с. десяток несколько дней тому назад); смородина есть, да дикая, садовой не разводят; у дикой малины только завязи пошли, и теперь, в августе, в Перми есть только одна туземная ягода — земляника... Яблонь не растет, и вообще растительность очень бедная.

Зато, казалось бы, что в городе, находящемся на берегу Камы, следовательно, в прямом сообщении с хлебными губерниями, лежащем на большом сибирском тракте, где число проезжих и провозимых товаров постоянно увеличивается, не должно бы быть дороговизны, а между тем все жалуются на дороговизну: ржаная мука 72–75 к. сер. пуд, говядина теперь 8–10 к. фунт, хлеб 2 к., рыбы и той мало, и та дорога; а под боком такая рыбная река, как Кама, которая даже славится своими стерлядями; квартиры дороги и неудобны. Город должен бы развиваться, а нет[1]. Пермь

велика, это правда, и есть в ней много миленьких, по наружности, каменных домов; улицы широки, правильны, с порядочными деревянными тротуарами; но в этом большом городе, на этих прямых улицах вы очень, очень мало встретите народа: сегодня праздник, я изъездил и исходил чуть ли не весь город, а встреченных прохожих, не говорю уж о проезжих, почти могу пересчитать. Торговля идет плохо, и мне говорили, что многие купцы, начинавшие торговать очень удачно, скоро обанкручивались; даже лавок как-то меньше, чем в других городах, и та книжная лавка, на которую г. Завалишин, в «Описании Западной Сибири», указывает как на единственную на огромном пространстве от Казани до Иркутска, существует только на бумаге, — она давно уже закрыта.

Вообще Пермь, после шумного Нижнего, после оживленной Казани, показалась мне очень скучным городом. То же подтверждают и здешние жители, находя ее гораздо скучнее многих окрестных заводов. Затишье!.. и это затишье нарушается подчас только звоном цепей: в Перми, как и в Казани, партии

ссылных останавливаются довольно долго для поверок, расчетов и т. п.; а потому, кроме проходящих партий, часто встречаются здешние арестанты, которые в больших ушатах несут щи для проходящих. Большой ушат наливается полный, и два арестанта с большим трудом несут его; конвойным часто приходится понукать их, что делается очень бесцеремонно. Еще одно зрелище для пермских жителей: часто, чаще, чем где-либо (например, 6 раз в течение июля) с барабанным боем и прочими атрибутами проезжает мимо окон известная колесница с столбом и с привязанным к нему преступником... В Перми это никогда не делается утром, а в 12 часов, в торговый день.

Кончая, милостивый государь, это письмо, я должен извиниться за его беглую краткость, и изъявить надежду, что впредь будет больше материала для писем. Сибирь менее знакома нашим читателям, а Амур интересен и сам по себе.

Тюмень, 13 августа 1862 г.

Проливной дождь лил, когда я выезжал из Перми, и вот прошло пять дней, а дождь перестает иногда лишь на несколько часов; холодно, сыро, петербургская изморось пробирает до костей. Хлеб везде стоит еще на корню, потому что не созрел, да и начать уборку невозможно; надежды на хороший урожай лопаются. Хлеб выходит соломой хорош, зерном же очень плох, а как еще удастся собрать?.. И вот, цены, начинавшие было падать, приостановились в понижении. Везде жалуются на необыкновенный холод: когда я был в Перми, максимум температуры достигал только 7 или 8°, а на восточном склоне Урала в одной из деревень говорили мне, что были уже три раза морозы, из которых один, 27 июля, такой, что вода в кадучке замерзла ночью более нежели на палец; конечно, вследствие этого зелень у овощей вся почернела, даже картофель начал гнить. Дожди развели на дорогах такую грязь, что колеса уходят в нее по ступицу... Но позвольте ска-

зять вам несколько слов про дорогу. От Перми до Екатеринбурга она имеет одну интересную особенность: тут не существует официально-го шоссе, но шоссе образовалось доморощенное и очень порядочное, из галек, которыми изобилуют тамошние реки [2]. Насыпалось оно постепенно обывателями и теперь чинится ими же; при этом в иных местах повинность отправляется натурой; в других мир платит известную сумму, и починка дороги находится в ведении казны. Там, где исправляют, «ладят» сами крестьяне, шоссе прекрасно: гладко, и камня насыпано достаточно; там же, где исправляет казна, просто ехать нельзя: «все зубы повыбьет», как выразился ямщик: насыпаются не галька, а крупные, плоские камни, что делает из шоссе что-то вроде мостовой губернского города.

От Перми дорога все шла по горам: мы переезжали отроги Уральского хребта, которых здесь бесчисленное множество. Вдали по горам виднеются заводы, белая церковь с чугунною решеткой на синеватом фоне сосновых лесов; вокруг нее разбросан чуть ли не целый городок. Аккуратные домики с тесовыми кры-

шами и прямые улицы, вдали доменная печь, массы красноватой руды вокруг нее — вот общая их физиономия. Заводы очень людны: есть иные, где число рабочих доходит до трех тысяч.

Наконец, за Билимбаевским заводом, сквозь туман, показалась синеватая грядой главная цепь Урала. Мы стали подниматься, проехали еще один из множества заводов и взобрались на самый верх хребта. Тут, на высшей точке главной цепи, в нескольких шагах от дороги, стоит окруженный чугунной решеткой сероватый мраморный столб. На одной стороне его вырезано «Европа», на другой «Азия». Я оглянулся в последний раз: сзади виднелись крупные холмы, спутники главной цепи, белые колокольни на горизонте; впереди пологие спуски восточного склона, кругом невообразимые леса...

Мы въехали в Азию, физическую; но административная Европа еще продолжалась. Пермская губерния зашла частью и в Азию, и два ее города, Екатеринбург и Камышлов, лежали еще на нашем пути.

Не скажу вам многого про Екатерин-

бург, — я пробыл в нем слишком мало, несколько часов. Одно я заметил: Екатеринбург — город живущий и живучий. Он не заглохнет, ему смело можно предсказать хорошую будущность, особенно когда приведется в исполнение сибирская железная дорога, которая, конечно, не минует его. Самое лучшее доказательство значения Екатеринбурга то, что он хотя и не губернский город, а гораздо больше, красивее и богаче многих губернских: в нем жизнь видна на улицах; торговля идет хорошо, жители не жалуется на скуку, напротив, говорят, что живется весело; наконец, образовавшееся тут педагогическое общество свидетельствует, что деятельность в нем не одна промышленная и торговая.

В Екатеринбурге меня, разумеется, осадили резчики и гранильщики всех калибров: иные приносили с собою целые лавки печатей, запонок, пресс-папье из дымчатого топаза, горного хрусталя, яшмы и пр., другие — несколько десятков запонок собственной работы; я постарался отделаться от них и выехал. Но выехал же не на радость!.. Дорога в Тобольской губернии отвратительна. По це-

лым верстам тянутся бревенчатые гати посреди болотистых лесов; лошади вязнут в грязи, экипаж подпрыгивает как мячик. Обыкновенно, чтобы дать понятие о такой гати, говорят: «проведите пальцем по фортепьянным клавишам», я, пожалуй, согласен с этим сравнением, но с оговоркой: «неприменно проведите по черным». И это большой сибирский тракт, по которому в год провозят до 200 000 мест чаю!.. Я старался добиться, отчего дорога в таком состоянии, средств, что ли, нет? Но песня по всей Руси одна и та же: крестьяне поклонятся исправнику, он их и распустит, только песочку велит побросать.

Но зато если дорога за Уралом так гадка, то есть и утешительные стороны: чистота на станциях везде необыкновенная; уверяю вас, что полы, которые, большей частью, покрываются ковриками, чище стола подмосковного крестьянина; постройки прочны, аккуратны, щели везде замазаны, и я не видел еще ни одного насекомого, кроме, и то изредка, «резвых» прусаков, как их назвал Тургенев. Посуда подается всегда чистая на чистом подносе, самовар блестит. Везде чистота, трудолюбие и

довольство, несмотря на то, что мы теперь находимся в одном из самых бедных округов Тобольской губернии. Пахотной земли здесь около 4 десятин на душу, и видно, что тут дорожат тем, что возрастят: пашни везде огорожены крепким забором, скота в хлебах вы никогда уж не увидите. Хлебопашеством, однако, прокармливать трудно, и жители уходят на заработки в извозничество; дома ткут ковры в большом количестве, делают колеса и т. п. Ковры находят себе сбыт в Тюмени, откуда расходятся повсюду; они очень хороши, прочны и недороги.

Чем объяснить это довольство на болотистых тюменских равнинах? Главная причина, конечно, предприимчивость и трудолюбие, свойственные всем выходцам, а потом отсутствие крепостного права.

Сегодня я приехал в Тюмень. Она состоит из двух частей, нагорной и нижней, за Турой. В нагорной много церквей, каменные дома; там присутственные места и чиновная аристократия; в нижней мещанские деревянные домишки и везде, как тут, так и там, страшная грязь на улицах; такой нигде, положи-

тельно, не приходилось мне встречать. Тюмень с каждым днем становится все важнее и важнее вследствие возникающего здесь сибирского пароходства по Иртышу и Оби до Томска. Число буксирных пароходов постоянно возрастает: в 1860 г. их было всего девять; теперь тринадцать, из которых семь больших, от 80 до 120 сил, один в 50 и пять маленьких от 25 до 35 сил. Теперь строится еще один пароход, который скоро будет спущен. Одного надо пожелать: побольше знания и умения при постройке, а то, например, пароход Рязанова «Иоанн» вышел так плох, что чуть ли не его самого приходится буксировать. А затем пожелаем устройства пассажирского пароходства. Буксирные пароходы хотя и берут пассажиров, но ходят редко и слишком долго, от 16 до 18 дней от Тюмени до Томска, между тем как на почтовых этот переезд совершается в семь, восемь дней. Впрочем, замечу, что эта мысль уже заявлена здешним купечеством, и, следовательно, надо полагать, скоро приведется в исполнение. Устройство правильного пассажирского сообщения между Тюменью и Томском могло бы заста-

вить проезжих ездить на Тюмень лучше всевозможных предписаний почтового начальства. Надо вам сказать, что проезжающие обыкновенно минуют этот город, сворачивая из Екатеринбурга на Шадринск и потом выезжая на большую дорогу проселками. Это составляет большую экономию в прогонах, так как на тракте вольных почт неизвестно на каком основании назначена неслыханная здесь цена по 3 коп. за лошадь. Проселком платится по 3—4 коп. за тройку; кроме того, дорога на Шадринск прямее. Вот отчего большинство туда и едет. В охранение же выгод содержателя вольных почт почтовое начальство издало запрещение всем едущим в Сибирь по казенной надобности сворачивать с тюменского тракта и заставляет делать крюк и платить дорожке. Конечно, это предписание, как и многие другие, не приводится в исполнение, да, кроме того, все купцы, которых проезжает такое множество на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки, всегда ездят на Шадринск. Пассажирские пароходы с недорогой платой, конечно, заставили бы их ездить на Тюмень.

Прежде чем кончить письмо, позвольте сделать еще одна замечание; я хочу подтвердить сказанное г-ном Завалишиным о стремлении здешнего купечества к образованию, так громко заявленном пожертвованиями г-на Шешукова и других на устройство учебных заведений. Это стремление составляет особенность не одного здешнего купечества: из разговоров с людьми низших классов я убедился, что самый бедный мещанин и тот непременно старается выучить своего сына грамоте, и действительно училище в Нижней Тюмени постоянно полно. Наконец, число выписываемых журналов и газет сравнительно очень велико: одного «Сына Отечества» получается в город более 50 экземпляров, не говоря уже о других.

Современная летопись. — 1862. — № 36. — С. 30–31.

III

Томск, 25 августа 1862 г.

Уже из Омска собирался я писать вам, чтобы отдать отчет о тех прекрасных, богатых местах, о той роскошной равнине, которую я проехал между Тюменью и Омском; но пробыв в Омске очень недолго, я не успел этого сделать. Зато теперь, не распространяясь о Томске, расскажу, какое впечатление произвела на меня Сибирь, или, вернее, южные округа Тобольской губернии, Ялуторовский, Ишимский и Омский.

Да, странное впечатление должна производить Сибирь на каждого приезжего, как бы мало он ни был предубежден против нее. С самого детства все мы наслышались про эту страну, как про место ссылки, про какую-то низменную покатость к Ледовитому океану, только на юге плодородную, а то всю покрытую болотами и тундрами, и привыкли представлять ее себе чем-то диким, пустынным... страшным.

Такою, правда, и явила мне себя Сибирь в Тюменском округе. Куда ни оглянитесь, кру-

гом болота, заросшие густою травой да мелким, жиденьким, кривым березняком. На больших пространствах этот березняк по-сох — его губит избыток воды. Трава поднимается высокая, густая, жесткая; из-за нее не видно воды, которая разве только проглянет в виде отдельных болотных озерков. Казалось бы, перед вами луг, но стоит отойти на три шага от дороги, чтоб окончательно завязнуть в жидкой трясине, выбраться из которой уже нет возможности. Да и дорога-то какая? Нескончаемые гати, покрытые жидкой грязью, с убийственными «сланями» под нею, которые целые десятки верст извиваются по болотам, выбирая менее топкие места. Кругом все глухо. И птицы-то никакой не слышно...

Таков весь Тюменский округ.

Но, проезжая по бесконечным хлебородным степям Тобольской губернии, я с удивлением вглядывался в окружающее и задавал себе вопрос: отчего всем нам знакома только та безотрадная Сибирь с ее дремучей тайгой, непроходимыми тундрами, дикою природой-мачехой, где случайно заброшенный человек из сил бьется, чтобы прожить кое-как, а

между тем всем нам там мало знакома та чудная Сибирь с ее богатыми, необозримыми лугами, где наметаны сотни стогов сена, да каких, каждый с порядочную избу, с ее бесконечными пашнями, где рослая пшеница так и гнется под тяжестью огромных колосьев, где чернозем так жирен, что пластами ложится на колесах, а навоз, как вещь бесполезная в хозяйстве, гниет в кучах позади деревни, — эта благодатная страна, где природа — мать и щедро вознаграждает за малейший труд, за малейшую заботливость? Отчего? Или оттого, что мы знаем Сибирь только как страну ссыльных, или оттого, что, по природной беспечности, кто и знает ее, то лишь для себя, а с другими не делится сведениями? Не знаю, не берусь решить, но со своей стороны заявляю только замечательное богатство проеханных мною южных округов Тобольской губернии. Земли самого чудного качества здесь много, слишком много: на целые сотни верст раскинулись Иртышская и Барабинская черноземные степи, где плодородные нивы сменяются густо заросшими лугами, где всякой птице привольно, где около дороги трещат сотни со-

рок и, распутив хвосты, хлопотливо перелетают с места на место, или утки беззаботно полощутся в озерках и подпускают человека на близкий пистолетный выстрел, да громадные орлы царят на телеграфных столбах и, спугнутые колокольчиками, медленно, кругами улетают в степь.

Конечно, о недостатках земли тут не может быть и помину: крестьянин, распахивающий ежегодно 25 десятин и более (до пятидесяти) — не редкость [3]. Пшеница родится превосходно; во ржи (которой, впрочем, здесь сеют очень мало) редкий колос содержит менее 60 зерен. Понятно, что цены на хлеб должны быть очень низки, и теперь, после трехлетних неурожаев, пуд ржаной муки стоит 35–40 коп., пшеничной 50–70 коп.; но ввиду замечательно хорошего урожая эти цены начинают падать. Огромное количество лугов [4] даст возможность содержать много скота, и молочной пищи всегда вдоволь. В любой, даже бедной избе, вас накормят за бесценок прекрасными щами, жареною говядиной, кашей, пирогами (это не русский ситник без начинки), таньгами (род ватрушек) и везде най-

дете хороший пшеничный хлеб. И это еще теперь, когда дома сидит только какая-нибудь старуха, а все на заимке (что-то вроде хутора). Лошади у крестьян красивые, здоровые, сытые и очень дешевы. При дороге не особенно грязной в мой легкий, парный тарантас впрягли постоянно 4 лошади (за парные прогоны, которые здесь $1\frac{1}{2}$ коп. за версту). Однажды приходит на станцию староста. «Сколько прогонов? — спрашиваю я. — На пару платите?» — «Да, двадцать две версты — 66 коп., ваше благородие». Я плачу. «Да не прикажите, ваше благородие, ямщикам запрягать больше четырех коней, дорога ровная, сухая». — «Хорошо, да и тройки много, если сухая». — «А они, ваше благородие, шестерик запрягают». Я выхожу: действительно запрягают 6 лошадей. На все мои убеждения, что при двух седоках и восьми пудах клади в этом легком тарантасе и тройке делать нечего, мне отвечают: «Ничего, ваше благородие, коням легче будет». Конечно, можно себе представить, как ково везут — 14 верст в час при хорошей дороге считается не особенно скорою ездой.

Совокупное влияние всех этих благоприят-

ных условий сделало то, что здешний народ далеко превосходит во всем великорусского крестьянина: сибиряк вежлив, но в нем нет заискивающей услужливости; как он, так и женщина-сибирячка свободно относятся к вам, как равный к равному, без холопских замашек; вы пьете чай, и хозяйка приходит, садится против вас и бесцеремонно вступает в разговор. Сибиряк смотрит бодро, весело, большею частью очень толков, сметлив, удивительно опрятен и любит чистоту в избе; но вместе с тем он хитер, надувает вас, если вы поддаетесь, и много слишком материально относится к жизни; в русском крестьянине больше симпатичности, сочувствия к собрату, больше поэзии, мне кажется. Сибиряк большой щеголь: как мужчины, так и женщины охотно тратятся на наряды: любо глядеть на них, когда они выходят на сенокос в ярких рубахах и платьях или, еще лучше, когда в базарный день приезжают в город на прекрасных лошадях с щегольской сбруей, в широчайших бархатных шароварах, в поддевках из тонкого сукна. Крестьянки все носят платья немецкого покроя, одеваются очень ярко

и пышно, говорят, даже кринолины заходят в деревни.

Зато сибиряк и сознает свое превосходство над русским: крестьянином. О России и «расейских» они отзываются с презрением: слово «расейский» считается даже несколько обидным.

— Вот, м[илостивый] г[осударь], какую явилась мне эта страшная Сибирь: богатейшая страна с прекрасным, не загнанным населением, но страна, для которой слишком мало еще сделано. Ощутительно необходимо увеличение числа школ, учителей, медиков и всяких знающих людей. Не менее необходимо улучшение путей сообщения, а то в дождливое время дороги делаются просто непроходимыми. Впрочем, дело Сибири еще впереди; теперь в ней лишь подготавливаются превосходные материалы для будущей жизни.

Вам, может быть, покажется странным, что я ничего не пишу о проеханных мною городах. Писать нечего. Вот физиономия Ялуторовска и Ишима: широкие улицы, на которых лежит густая черная грязь по колена; домики деревянные той же архитектуры, как и в де-

ревнях, несколько церквей и каменных домов — отличие городов от сел. Омск — город, идущий вперед, с признаками жизни на улицах, город военный, центр управления Западною Сибирью. Томск — довольно большой, красивый губернский город, по-видимому оживленный, весь обстраивающийся, и, к счастью, не совсем похожий на русские губернские города; в нем скука, говорят, не заедает обитателей, как, например, в Перми. Больше ничего не пишу, потому что остановился в Томске на самый короткий срок; впереди Амур, на котором скоро (в конце сентября) прекратится пароходство, а до Амура еще около 3000 верст. Тогда пришлось бы спускаться на лодке, осенью, со всевозможными лишениями. Потому я так и спешу.

Современная летопись. — 1862. — № 33. — С. 10–12.

IV

Иркутск, 16 сентября 1862 года

Во время пребывания моего в Томске, куда я ни показывался, везде меня стращали дорогой. «Ну, батюшка, понатерпитесь вы, пока доедете до Мариинска, особенно после бывших дождей», — говорили мне мои знакомые, по большей части из-за карточного стола. «А что, уж очень плохо?» — «Да как же плохо-то не быть? Во-первых, чернозем да болота, а во-вторых, дорог никогда уж не чинят. Вот сколько лет живем, а про починку дорог и не слыхивали».

Все это наводило на не совсем приятные размышления; к тому же небо заволокло, целый день шел дождь, мелкий, осенний, петербургский. Когда я выехал, стало холодать, дождь усиливался и наконец перешел в снег, который повалил такими хлопьями, что засыпал землю более чем на четверть. Всю ночь валил он, и утром мне представилось довольно интересное зрелище: целые леса на громадные пространства были положительно засыпаны; а в то время деревья были еще в ли-

стях; от тяжести навалившегося снега они гнулись и наконец совершенно полегли; только изредка попадались высокие взерошенные ели и лиственницы. Это происходило 27 августа. Я начинал уже бранить сибирский климат; но оказалось, что такого раннего снега не помнит в Сибири ни один старожил. Неужели и у вас, в Москве, было такое же холодное, дождливое лето, как по всей Западной Сибири? Между тем за Байкалом происходило совершенно противное — невыносимая жара, страшная засуха, так что урожаи плохи, травы мало; на Амуре такое мелководье, что в верховьях его, на Шилке, с трудом проходят лодки, и пароходы стоят в Сретенске, не имея возможности двинуться, а корабли, пришедшие из Америки с товарами, должны были остановиться верстах в четырехстах ниже Сретенска, не имея даже возможности отправить товары вверх на лодках; пароход же «Ингода», силлившийся пройти по Шилке, получил две пробоины и чинится в Муравьевской гавани.

Впрочем, если урожай так плох в Забайкалье, то в Западной Сибири он везде великоле-

пен. В Томской губернии снова потянулись на необозримые пространства черноземные пашни, уже установленные длинными рядами крестцов; лишь бы удалось свезти их домой, тогда цены на хлеб, и без того невысокие, еще упадут. Этому особенно радуются переселенцы и поселенцы, которых я обгонял очень много. Кстати, о переселенцах скажу вам, что прежде, когда они только что появились в Томской губернии, их очень не любили, говорили: «вон черти идут». А теперь не нахвалятся: действительно, они сделались кормильцами остальных; большая часть хлеба обрабатывается ими, так как сибиряк вообще несколько склонен к лени, а переселенцы на новом месте принялись за дело очень усердно.

Что до дороги, то предсказания моих томских знакомых вполне оправдались, впрочем, мой спутник, хорошо знакомый с этими местами, не мог удивиться, отчего дорога так поправилась против прежнего. Это, однако, объяснилось, когда мы узнали, что губернатор ездил на какой-то прииск в нескольких десятках верст за Мариинском: дорогу чини-

ли, то есть вырыли по бокам канавки в один фут глубиной и вырытою землею слегка засыпали выбоины.

Но вот показался белый столб, граница Енисейской губернии, следовательно, начало Восточной Сибири, и дорога стала совершенно другою. По всему этому тракту насыпаны галька и дресва. Дресва — это чрезвычайно мелкий камешек, который, насыпанный сверху гальки, оседает после первого дождя и образует очень твердую кору; получается прекрасное гладкое шоссе, требующее очень мало починок; колеса не делают в нем выбоин, как на прочих шоссе, усыпанных битым камнем. Но всего лучше то, как содержится это шоссе обывателями: его мосты, спуски, канавы для отвода воды в горах можно поставить в пример не только начальству Западной Сибири, но и всевозможным инженерам в Европейской России.

Правда, и в Восточной Сибири, между Красноярском и Иркутском, есть около трехсот верст прескверной дороги; но там это сколько-нибудь извиняется тем, что приходится проезжать огромную тайгу с чрезвы-

чайно редким населением и где нет в окрестности ни дресвы, ни гальки.

Не одно шоссе составляет особенность Восточной Сибири. Начались горы, крутые подъемы в версту и более, множество чрезвычайно быстрых рек с чрезвычайно медленными переправами на веслах и, наконец, большая тайга, вся выгоревшая весной, с обугленными великанами лиственницами. Везде недостаток земли[5], где только окажется малейшая возможность распахать клочок земли после лесного пожара, непременно уже копошится крестьянин со своею сохою.

Наконец 5 сентября увидел я быстрые воды Ангары; через несколько времени, на другом ее берегу, засерели и забелели домики и дома Иркутска; мы переехали Ангару при помощи хорошо устроенного самолета (не мешало бы подумать об их устройстве и на других реках) и въехали в город.

Вот и все; вот и все трудности.

Я нарочно так подробно рассказывал вам свой переезд: мне хотелось опровергнуть одно из мнений, укоренившихся в Европейской России. Там все считают этот переезд чем-то

особенно ужасным: мне часто случалось слышать от людей, которые знают, что служба в Восточной Сибири имеет много особенностей, делающих ее гораздо интереснее, легче и привлекательнее, чем где-либо, что они охотно перешли бы туда, но «послушайте, говорят, с лишком 5000 верст только до Иркутска!.. Подумайте — 5000 верст!.. Наконец, там с тоски умрешь». На первом шагу два препятствия: длинная дорога и нераздельное с понятием о Сибири представление о странной глуши и скуке. Не решаясь еще говорить о втором, то есть о том, как идет жизнь, я позволю себе сказать несколько слов о первом препятствии.

Летом путь от Москвы до Перми и считать нечего — в неделю вы доберетесь до Перми без малейшей усталости, но до Иркутска остается еще 3800 верст... Однако, во-первых, нужно вспомнить, что срок, даваемый правительством для того, чтобы доехать до места службы в Восточной Сибири, шесть месяцев, позволяет ехать не спеша, даже с большими остановками; а во-вторых, 3800 верст при хорошей сибирской езде не так страшны, как

кажутся. Я, несмотря на неблагоприятные обстоятельства — дожди и слякоть, сопровождавшие меня на большей части пути, как вам известно из моих прежних писем, несмотря на то, что употребил более семи суток на ночевки и остановки в городах, проехал это пространство в четыре недели. И я поручусь, что при такой езде дорога никого не утомит: человек удивительно свыкается со всем, следовательно, и с тряской в экипаже, а пять-шесть ночевок в значительных городах дают возможность вполне отдохнуть после четырех-пяти дней непрерывной езды.

Что до скуки в дороге, то человеку наблюдательному, едущему в первый раз в Сибирь, нечего ее бояться, — на пути представится много интересного.

Словом, я держусь того мнения, что первое препятствие — дорога — только мнимое: этот большой путь разбивается на несколько отдельных переездов, которые, каждый в отдельности, нисколько не утомительны. А жизнь, я полагаю, при известных обстоятельствах, не должна быть скучна в Сибири.

Впрочем, об этом откладываю до следую-

щего письма.

Современная летопись. — 1862. — № 44. —
С. 27–28.

Из Восточной Сибири

[I]

Иркутск, 30 сентября 1862 г.

В прошлом письме я обещался поговорить об Иркутске и его жизни; приступаю к исполнению своего обещания.

Иркутск довольно большой город, в котором считается в настоящее время до 28 тыс. жителей, город красивой наружности, с несколькими каменными и другими хорошенькими деревянными домиками[6], со множеством лавок (и несколькими фотографиями), расположенный на берегу Ангары, на большой равнине, обставленной горами. Впрочем, во всем этом нет еще ничего особенно оригинального. Но стоит пробыть в Иркутске два-три дня, чтобы убедиться, что этот город нимало не похож на любой из великорусских губернских городов. А подумав немного, легко убедиться, что иначе и быть не может.

Иркутск — столица самостоятельной части Восточной Сибири, которая в высшей степени

своеобразна; своеобразность страны должна была, конечно, означиться и на столице. При растянутости страны, при недостатке хороших людей на мелких местах требуется частая поверка действий чиновников при помощи доверенных людей, посылаемых от высшего начальства. Вот уже причина скопления в Иркутске множества молодых, деятельных людей. Постоянная бродячая их жизнь придает обществу особый колорит; в городе вечный прилив и отлив: стоит выехать из него на два года, чтобы, вернувшись, встретить наполовину новых лиц: тот уехал за Байкал, тот на Амур, а того взяла тоска по своим, уехал в Россию, и всё это заменилось новыми приезжими, которых, особенно в последнее время, стало прибывать очень много.

Далее, Иркутск лежит на перепутье к новой стране, где несколько лет тому назад загорелась сильная деятельность; это сообщило сильный толчок иркутскому обществу, заставило его больше думать, говорить, горячее спорить.

Большое влияние оказали еще на Восточную Сибирь политические ссыльные, в числе

которых было довольно много умных людей и из которых иные, имея право возвратиться, остались жить в Сибири. Наконец, и сама отдаленность послужила Иркутску на пользу: отдаленность от патентованных центров тем уже полезна, что дает более простора самобытности. А главное, лишая возможности каждого выписывать себе все нужные вещи из Москвы, как это обыкновенно делается в других менее отдаленных городах, эта отдаленность развила торговлю, которая должна снабжать жителей всем нужным на месте, и действительно, в Иркутске, хотя и за дорогую цену[7], можно достать почти всё, даже всякие мелочные галантерейные вещи.

Вот целый ряд обстоятельств, которые должны были сообщить Иркутску особенный характер.

Чем же он выразился?..

Прежде всего, оживленностью, положительно несвойственную русским губернским городам: оживленностью на улицах, в гостиницах, вообще в разговорах. Но мне могут заметить, что это еще не есть особенно оригинальное качество; называл же я сам, напри-

мер, Казань оживленную. Совершенная правда; но внутри России оживленность является исключительно следствием развитой промышленности или торговли, а потому замечается только в низших классах. Иркутск же не особенно торговый город, и его оживленность есть принадлежность образованного класса.

Далее, во всяком городе[8] вы встретите кружки, но кружки только по состоянию и по общественному положению; в Иркутске, напротив, есть признаки кружков по мнениям. Впрочем, я спешу сделать оговорку, чтобы кто-нибудь, любя воображать себе все в розовом свете, не поспешил сделать заключения, что Иркутск какой-то особенный оазис, где и на положение в обществе, и на состояние совсем не смотрят — подавай только свои убеждения. Я хочу сказать, что в Иркутске смотрят на это менее, чем обыкновенно в России. Мне кажется, он столица, где лица высшего круга менее обыкновенного заражены свойственною им замкнутостью и что хотя и туда пробирается петербургский элемент, который не прочь образовать свой кружок, но столкнове-

ние с действительной жизнью, разъезды по голым степям имеют удивительно отрезвляющее влияние.

Те же причины, которые породили благоприятные последствия, дали начало и темным сторонам сибирской жизни. Приезжего, следовательно, остановившегося в гостинице (надобно сказать, что в гостиницах здесь крайний недостаток, их всего две и обе плохи), прежде всего поражает класс загулявшего военного люда, который, к сожалению, довольно многочислен. Разговорившись подчас с такими господами, ежедневно приходившими в гостиницу с утра уже выпивши и тут доканчивавшими задачу своего дня, и доискиваясь причин, заставлявших их пить, я не раз становился в тупик, встречая людей неглупых, говоривших красно и, по-видимому, с убеждением. Но потом всегда оказывалось, что в деле эти люди никуда не годились, ни к какой деятельности не были способны, хотя предметы для деятельности были под рукой; и вот, попав в эту маленькую столицу, эти люди начинали пить и под конец обращались в героев гостиниц, бильярда, карт и вод-

ки. В другом месте, быть может, они безвредно коптили бы небо, а тут безлюдье и одиночество заставляют их выкидывать разные штуки. В Сибирь часто едут искать счастья неудавшиеся люди.

Чтобы расстаться с этой темной стороной, я лучше перейду к «умственной жизни» Иркутска.

Здесь получается множество журналов и газет; почти в каждом доме вы найдете что-нибудь. Но, кроме того, существуют еще две библиотеки; казенная, императорская, как ее называют, и частная, просто публичная. Эти две библиотеки представляют довольно интересное явление, а потому я поговорю о них подробнее.

Прихожу в казенную; на столах навалена целая масса новых журналов, до пятидесяти, самых разнообразных: русских, французских, польских, политических, коннозаводских, инженерных и всевозможных специальных; выбор журналов вообще хорош. Однако в комнате никого нет. Я начинаю, конечно, расспрашивать, всегда ли бывает так. «Всегда; в день четыре, пять человек перебивает, не больше;

и то все из приезжих; изредка заходят ученики гимназий, духовных училищ». «Теперь библиотека совсем приходит в упадок, — продолжает тот же господин, — подписчиков[9] совсем почти нет, лишь несколько человек». — «Да отчего это?» — «Кто же ее знает». Начинаю расспрашивать в городе. Книги растрачены, узнаю я: прежний библиотекарь много раздал и не собрал; теперь собирают; только многие разъехались; книг вообще мало; вот выписали на 200 руб., так больше года в дороге, и бог знает, когда получатся. Относительно средств — библиотека находится в зависимости от газеты «Амур» и совсем погибает. — «Ну а «Амур» отчего в таком положении?» — «Да не знаю, право. Прежде эта газета хорошо было пошла, а как поступила в казенные руки, сотрудникам стали плохо платить, да и такая чушь началась в газете, что перестали подписываться. Теперь вот лежит в типографии № 46-й уже набранный; только денег нет, не могут выпустить; должно быть, разберут».

Иду в библиотеку частную, г-на Шестунова. Журналов гораздо меньше, читателей го-

раздо больше, в день всегда пребывает в среднем числом от 20 до 30 человек (отбрасывая, конечно, крайние цифры: они доходят до 8 и до 50). Система абонировки вроде той, которая принята у г-на Сенковского в Петербурге. Большинство подписчиков абонируется на чтение журналов в течение первого месяца со времени их получения в Иркутске. При этом вход в библиотеку для чтения журналов и газет бесплатный. Подписчиков в настоящее время около восьмидесяти, и есть надежда на увеличение этого числа зимою. Их можно разделить на два рода: одни исключительно читают журналы, другие — только беллетристику и отчасти исторические сочинения; в последнее время стали читаться еще популярные книжки по части естественных наук; требование на них довольно сильно. При библиотеке производится и небольшая продажа книг, имеется небольшой запас нот и довольно много детских книг, которые отлично идут с рук (преимущественно книжки ценою до двух, трех рублей, издания Вольфа). Азбуки и книжки Лермонтова, Золотова совсем не имеют сбыта; детей всё больше учат читать по

старой методе; оно и покойней, самим учиться не надо.

В библиотеке я встретил несколько человек, которые вели очень оживленный спор о городском устройстве, и потом, когда я ни приходил, всегда заставал очень оживленные разговоры и споры по поводу прочтенного; в казенной библиотеке этого нет, разговоры там не допускаются. Я нахожу это справедливым: при тесном помещении библиотеки (одна читальная комната) подобные споры, конечно, мешают читать; но, с другой стороны, видя, с каким жаром они ведутся, нельзя не поинтересоваться ими; в былое время, когда кипел амурский спор между г-ми Завалишиным и Романовым — спор, имевший свое основание немного поглубже, — тут был род клуба оппозиционной партии; поплатился же за это г-н Шестунов, который должен был продать все книги[10], но дела все-таки не бросил: когда иркутский горизонт прояснился, он снова принялся за старое, снова открыл библиотеку, которая идет очень хорошо. В последнее время к г-ну Шестунову присоединился еще г-н Вагин, через что конечно, уве-

личится капитал.

Вот еще одно яркое подтверждение старой песни о казне и частных людях, действующих в торговых предприятиях. На казенную библиотеку был ассигнован значительный капитал, г-н Шестунов начал свое дело с 300 рублями; в казенную многие редакции присылают по экземпляру своих журналов безвозмездно, казенная имеет свой журнал, когда-то очень интересный, — и что ж? — сумели затратить капитал, загубить газету, растерять книги, довести и библиотеку и газету до последнего издыхания, а г-н Шестунов борется и с недостатком денег, и с обстоятельствами и все-таки ведет дела свои лучше.

Слышал я, что была в Иркутске еще третья *Читальня* с бесплатным входом, рассчитанная преимущественно на простой народ; но она погибла, не знаю отчего.

Принимая в соображение еще небольшую библиотеку (преимущественно из журналов) при собрании да большое количество журналов и газет, получаемых частными лицами, мы получим в результате, что и с этой стороны Иркутск опередил многие города в России.

Занесу в мое письмо еще одно обстоятельство. В последнее время весь Иркутск переполошился: сказали, что верстах в пяти-шести от города горит что-то. «Вулкан», — говорили иные. «Кратер образовался; я был там», — серьезно дополняли другие. Оказалось, что горел слой бурого угля, богатого горными маслами и сернистым железом, а загорелся он от доступа воздуха и сырости, как порешили специалисты. В памяти всех воспоминание о землетрясении 31 декабря прошлого года, а потому слова: вулкан, кратер порядком-таки взволновали умы. Целый день тянулись туда экипажи всех родов и калибров, кавалькады, пешеходы. Придя или приехав, каждый нюхал, смотрел на горячие камни, и в заключение иной закуривал сигарку, приговаривая: «У натурального-то огня закурить» и, самодовольно улыбаясь, оглядывал публику. Через несколько времени явились мальчишки продавать папиросы, словом, устроилось гулянье. Действительно, было довольно приятно прокатиться; погода стояла теплая, ясная, и число экипажей доходило в иные дни до двухсот. Это наконец обратило на себя особенное вни-

мание полиции, которая нашла нужным принять какие-нибудь меры, чтобы успокоить жителей, например, командировать горного чиновника исследовать причину пожара и доказать, что она не вулканическая, или же заливать землю и камни водою из речки Ушаковки, тут же протекающей. Впрочем, я завтра уезжаю из Иркутска и потому не знаю, какому средству отдано предпочтение.

Современная летопись. — 1862. — № 49. — С. 25–27.

[III]

Чита 10-го ноября 1862 года.

Поздно вечером выезжал я из Иркутска, и трудно было рассмотреть окрестности, а потому я мало могу сказать вам о характере местности до Байкала; помнится, дорога шла все по небольшим горам, справа светилась Ангара, изредка мелькали деревушки... От Иркутска до Лиственичной станции, где садятся на пароход, чтобы переехать Байкал, — всего 60 верст; но и эти 60 верст составляют немалое препятствие: накануне отправления

парохода всегда едет из Иркутска много народа, едет почта часто на семи парах и более, а лошадей положено иметь всего семь пар. Легко понять, каких трудов стоит добраться до Лиственничной, а между тем числа лошадей не увеличивают. Кое-как добрались мы, и на другой день сели на пароход. Пароходы небольшие, довольно неуклюжи, и ходят не очень-то скоро. Палуба тесна и вся бывает завалена вещами, экипажами проезжих, товарами. Несмотря на тесноту и неудобство помещения, что особенно ощутительно осенью, когда пароходы ходят через Байкал сутки и более, а прилечь бывает часто негде, несмотря на все это, цена за место на палубе, следовательно, в 3-м классе, очень высока: 4 рубля за 100 верст слишком уже дорого для простолюдина. Вообще здесь слышатся жалобы на пароходство[11]: на бесцеремонное обращение служащих с пассажирами, на неудобство помещения в Прорве, где обыкновенно пристаёт пароход, и т. д. Прорва находится в 9 верстах от Посольской, — первой почтовой станции на восточном берегу, и едущим из-за Байкала часто приходится довольно долго дожидаться

здесь парохода, так как осенью нельзя рас-
честь времени его прихода на эту сторону, —
все зависит от погоды. В Прорве под именем
гостиницы слывет изба, разделенная на 4 ко-
нуры, и из них две предоставлены пассажи-
рам, которых набирается тут иногда и
несколько десятков. Впрочем, все это в поряд-
ке вещей, и надо было бы удивиться, если б
было иначе...

Мы выехали утром; небольшая зыбь ряби-
ла поверхность озера. «Ну, как-то удастся пе-
реехать», говорили все, уезжая. Действитель-
но, это вопрос не ничтожный, так как осенью
Байкал редко бывает спокоен. Последние два
парохода, вышедшие перед нами, порядком
покачало, и один из них в течение двух суток
не мог пристать к восточному берегу: подни-
малась буря, и он должен был уходить назад
на тот берег в Голоустную[12] прятаться за
горы. Самое устройство дна и берегов озера
затрудняет пароходство по нем: с западной
стороны берега страшно круты; наибольшая
глубина Байкала находится в нескольких стах
сажнях от берега; затем дно идет постепенно
повышаясь, и восточные берега совершенно

отлоги, до такой степени, что нет возможности построить пристань, и пароход не подходит ближе 60–70 сажень, и то в самую тихую погоду[13]; а приходится пересаживаться в лодку, которая перевозит и вещи, и экипажи, что, конечно, отнимает не мало времени. Ясно, что в этих обстоятельствах, в бурную погоду, пароход не может пристать, да и лодки не в состоянии к нему подойти. Весною же и осенью бури бывают очень часто и очень сильные; простой народ объясняет их, между прочим, по-своему, говоря, что Байкал сердится зато, что его зовут озером, а не морем. Вследствие бурной погоды пароходы отходят уже не в назначенные дни, и с октября пароходство становится необязательным для лиц, которые его содержат. В это время они преимущественно занимаются перевозкой товаров, а мы, в Чите, страдаем от опаздывания почты, которую всегда ждут, конечно, с нетерпением. Вообще Байкал представляет огромное препятствие сообщениям Иркутска с Забайкальем и Амуром, так как кругоморский, кругобайкальский тракт возможен только для лиц, едущих налегке: часть его приходится проез-

жать верхом. Хорошая, кругоморская дорога — самая ощутительная потребность, и теперь снова взялись за мысль об устройстве ее. Однако она все-таки не будет готова ранее как года через три.

А пока, мне приходилось переправляться через Байкал, который, вероятно, в благодарность за то, что я все величал его морем, выказал себя с прекрасной стороны. Только легкое волнение — остаток утихшей бури, морщило поверхность его прозрачных вод; там, на противоположном берегу, отливались розовым цветом снега, залегающие уже на вершинах гор (они залегают там с половины сентября), позади оставались обросшие лесами горы, пересеченные узкими долинами; а в стороны тянулась безбрежная, синеватая даль...

За Байкалом столько же интересна природа страны, сколько и ее разнохарактерное население: вот, например, целая слобода «семейских» раскольников, чистые, прочные постройки, хорошее хозяйство, коренной русский тип, красивые женщины в высоких кичках. «Семейские» — раскольники преимуще-

ственно Федосеевского толка; впрочем, за Байкалом есть несколько и других сект: молочан, духоборцев и др. «Семейские» были высланы из западных русских губерний еще во времена Екатерины, и большая часть из них находится теперь за Читой, а тут по дороге живет только небольшое число семей.

Послушайте «семейских»: у всякого одна и та же песня, одна и та же жалоба на закрытие их часовен в прошлое царствование. Сильно на них подействовало это распоряжение, иные старики просто чуть не рехнулись, только и говорят, что про свои часовни, пересыпая слова древне-славянскими речениями. Неужели долго еще будет слышаться та же песнь?..

А вот Кабанск, — огромное село, где чуть ли не на половину Евреев, с их обычаями, костюмами, нравами. А там опять слободка «семейских», а там — бесконечная Братская степь. На 300 верст тянется она; горы раздвигаются, синяя только на горизонте и более и более отдаляясь, по мере того как вы углубляетесь в степь. Везде сухая трава, речки пересохли... засуха в нынешнем году была страш-

ная, — сена совсем нет; крутом выжженная гладь и ширь. Степь оживляет только изредка какой-нибудь Бурят, который, в своей крутой, остроконечной шапке, верхом на маленькой лошадке, гонит перед собою корову, или несколько баранов, или мчится с луком и колчаном за спиной, а не то проскачет целая кавалькада с женщинами верхом, которые в роскошных, ярких нарядах, со множеством кораллов на шее, едут куда-то на свадьбу. На станциях суется Буряты, болтая на своем гортанном наречии, суется, мало подвигая вперед дело; лошади мчат вас по степи, по натуральному шоссе, — грунт так тверд, что и в большие дожди грязь бывает самая незначительная.

Но вот снова горы, — мы переваливаем через Яблоновый хребет, водораздельную линию бассейнов Амура от рек, текущих в Байкал. Тут берет свои начала Ингода с маленькой Читой, и недалеко отсюда, при слиянии этих двух речек, находится областной город *Чита*. Горы образуют котловину, открытую только со стороны Братской степи, где идет дорога из Иркутска; да еще через ущелье вры-

вается Ингода, и приняв Читу, продолжает свой путь на Восток. Говорят, и самый характер растительности тут изменяется; но я приехал уже слишком поздно, чтобы судить о здешней флоре, — растительность поблекла, наступили холода, поднялись ветры.

Вот в этой-то котловине лежит Чита. Она до того невелика, что многие рассказывали мне, как въезжая в город, они начинали искать его. Действительно, с первого раза только и видно, что огромное пустое место, — городская площадь, как значится на плане, — слева большой деревянный дом военного губернатора, напротив Войсковое Областное Правление, — одни из очень немногих обитых тесом и окрашенных домов, — да направо длинный тир.

Весь город лежит правее. Но напрасно стали бы вы искать в нем каменного дома, — их нет, или каменной церкви, — есть одна церковь, да и та деревянная, очень темная снаружи и невысокая, так что в глаза не бросится, а нужно отправиться в старый город, чтобы рассмотреть ее из-за домов; двухэтажных домов тоже очень мало, — на руках хватит

пальцев, чтобы их пересчитать.

Впрочем, сказать правду, и всех-то домов немного более двух сот.

Но тут же я напомним, что 22-го октября нынешнего года минуло всего 11 лет, как образована Забайкальская Область и как Чита пожалована в областные города. До того она была небольшою деревушкою. Но положение этой деревушки было очень счастливое — при начале Амурского бассейна, откуда можно начинать сплавы, и в 1851 году при образовании Забайкальской Области невольно остановились на ней как на более удобном пункте для областного города. Теперь, и в продолжение еще некоторого времени, Чите суждено играть не совсем пустую роль по своему положению в начале сплавной линии, которою производится громадная операция снабжения всего Амура хлебом, солью и скотом. Здесь, или, вернее, недалеко отсюда, строятся баржи, здесь грузятся они и отсюда отправляются каждую весну.

Со временем я надеюсь подробнее поговорить об этой операции, а теперь продолжаю.

В 1851 году с пожалованием Читы разом в

высокий чин областного города, нагрянуло сюда большое общество: в деревушку явились служащие с своими семьями, — где же было им поместиться? Целым семьям пришлось жить в одной комнатке, — мало того, занять даже бани и зимовать в них. Теперь Чита немного обстроилась, но беспрестанно прибывают новые и новые лица, и город все-таки не в состоянии увеличиваться в уровень с увеличением населения. В квартирах страшный недостаток, и вследствие этого дома строят кое-как, в полной уверенности, что найдутся наемщики, даже покупатели, прежде чем крыша будет покрыта; немудрено, что при таких обстоятельствах везде сквозят щели; дома, оседая, кривятся; комнаты крошечные, неудобно расположенные и т. п.

Но можно жить хорошо и на тесных квартирах... Я постараюсь рассказать, как живут в Чите.

Впрочем, следует начать с самого крупного факта, волновавшего население Читы в продолжение первой недели по моем приезде. Я говорю о выставке сельских произведений.

Вам, вероятно, известно положение о гу-

бернских выставках, известно также, что такие выставки были кое-где в России, например, в Вятке, известны, вероятно, и их результаты.

Такая же выставка должна была открыться в Чите, в первых числах октября: кликнули клич по окрестному населению, отыскали довольно удобное и просторное помещение, — тир, и открыли выставку 2-го октября. Экспонентов явилось довольно, — около двух сот.

Но это были еще далеко не все экспоненты, которые могли бы явиться на состязание. Например, целый Верхнеудинский округ, — житница Забайкалья, как его называют, — не представил ни одного экспонента по части хлебов. Однако можно ли винить за это его население? Мне кажется, что нет: во-первых, зов на выставку был сделан не совсем так, как бы следовало его сделать, — не довольно ясно, не довольно подробно; так например, между экспонентами являлись иногда лица, предполагавшие, что вещи по окончании выставки будут отобраны в казну; во-вторых, как уже я писал выше, нынешнее лето было замечательно сухое, в Братской степи все по-

сохло, а едучи из Верхнеудинска, приходится переезжать эту степь, следовательно, на подножный корм нечего рассчитывать; наконец, в-третьих, дело было слишком ново: так например, стеклянные и суконные изделия с Тельминской фабрики явились слишком поздно, когда выставка была уже закрыта.

Но для меня всего интереснее были толки, оживленные споры, которые вызвала выставка!.. Стоило ходить туда не столько рассматривать предметы, сколько послушать те горячие споры, которые поднимались подчас по поводу достоинств каких-нибудь выставленных вещей. Особенно закипали споры, когда комиссия экспертов производила свои исследования над выставленными предметами. Посторонний посетитель не мог обвинить общество в равнодушии к выставке.

Наконец, комиссия экспертов, в состав которой входили выборные и от казаков и бурят, после долгих споров кончила свое дело и представила комитету свои заключения, на основании которых золотые медали не были никому присуждены.

Серебряные назначены *шести* экспонен-

там, из коих трое[14] обратили особенное на себя внимание разнородностью представленных ими образцов хлебов лучшего достоинства и других сельских произведений и обширностью сельского хозяйства, разведенного ими в крае; двое[15] своим стремлением к разностороннему развитию кожевенной, салотопенной, прядильной и тому подобной производительности, имеющей одно из важнейших значений для промышленности и торговли как внутренней так и вывозной в Забайкалье; один[16] представил доморощенную возовую лошадь, разведение которых при мелкой породе забайкальских лошадей и обширности извознического промысла имеет важное значение для края. Затем 11 экспонентов получили похвальные отзывы или похвальные листы, а сорок награждены подарками при особых свидетельствах, за образцы разных сельских, ремесленных и других произведений, заслуживших особенное внимание. Для подарков комитет нашел возможным употребить 270 руб. — из своих сумм. 100 руб., пожертвованные его членами, и на 100 руб., вещей, пожертвованных И.

Н. Замошниковым и на 32 руб. Ф. И. Крюковым. Наконец, пятидесяти шести экспонентам объявлена благодарность за выставленные ими предметы.

Так как в распоряжении комитета остались предназначенные для премий по сельскому хозяйству: *три* золотые, *три* большие серебряные и *восемь* малых медалей, то комитет положил: немедленно войти с ходатайством к высшему правительству о разрешении открыть, без всяких новых от казны издержек, выставку сельских и других произведений в Чите в следующем 1863 году и необходимую для расходов по выставке сумму собрать по подписке.

Вместе с тем комитет постановил подробно описать выставку нынешнего года, обратив особенное внимание на предметы, выставленные теми экспонентами, которые удостоились наград, на все недостатки этой выставки, с указанием на условия, поставившие комитет и экспертов в затруднение при исполнении в точности и во всей строгости правил, установленных для выставки, с указанием также предметов, отсутствие которых на

выставке нынешнего года бросалось в глаза, и описание это сделать известным по всей области.

14-го октября происходила раздача наград, устроено было для народа угощение, причем распропало несколько вещей у небдительных хозяев, и наконец выставка закрыта.

Мало-помалу толки стали утихать, довольные и недовольные экспоненты разъехались и общество вошло в свою обычную колею; и вот про эту-то обычную колею я хотел бы сказать вам несколько слов.

Но отлагаю это до следующего раза.

Московские Ведомости. — 1863. — № 4,
6 января.

Чита, 4 января 1863 г.

В середине ноября я выезжал из Читы...

Снова дорога, снова знакомая Братская степь, снова буряты. Трещит мороз в тридцать градусов, а перекладная подпрыгивает по мерзлой земле; снегу вовсе нет, в степи видна пожелтевшая трава; кое-где снег и выпал, но смешался с песком, и до Верхнеудинска [Б] нет санной езды. Вам, может быть, покажется странным, что в Чите и ее окрестностях, этой части холодной, засыпанной снегами Сибири и т. д., никогда не бывает санной езды. Разве изредка выпадет снежок, и с неделю, пока он не смешается с песком, бывает возможно ездить на санях, но и то не каждый год. Таким образом, сани в Чите лишняя роскошь, и в списке читинских экипажей (они очень интересны, и об них стоит когда-нибудь поговорить) сани попадают только в виде исключения.

Итак, снова дорога, снова то угарные, то холодные избы с намерзшими на окнах ворами снега (так как двойные рамы — предмет

роскоши), вонючие, пропитанные каким-то маслом бурятские станции, чистые слободки семейских с их красивыми женщинами в высоких кичках. Лошади останавливаются... Чай — единственное средство отогреться, а потому — скорее самовар, скорее за чай.

— Дивно ночи, однако? — говорит в виде полувопроса молодка, укачивающая на руках разгулявшуюся девочку.

— Да час второй...

— Дивно, — повторяет она полусшепотом, как-то особенно растягивая слова. — Ах ты, сука, чего же ты проснулась? — продолжает она, укачивая свою девочку...

Тут два слова, употребляющихся в Сибири с совершенно оригинальным значением: «дивно» в смысле много и «однако» — что-то очень неопределенное — «кажется, я думаю, должно быть» — и употребляемое беспрестанно, так что для непривычного уха оно звучит особенно странно. Вы спрашиваете о чем-нибудь, хоть десятилетнюю девочку, и никогда, даже от нее, не получите определенного ответа.

— Есть сливки?

— Однако, да или же — однако, нет; пойду спрошу.

Слово «однако» распространено по всей почти Сибири и характеризует сибиряка, его крайнюю осторожность и нежелание отвечать определенно.

— Много проехали? — спрашиваете вы ямщика.

— Однако, верст двенадцать отъехали, — ответит он, хотя бы верстовой столб подле него и он прочел бы надпись.

Но не все же дорога... Вот на восточном берегу Байкала, на продолговатой равнине, обставленной с двух сторон горами, расположилось очень людно чисто русское население, с всеми теми оттенками, которые дала ему Сибирь. На тесном (по-сибирски) пространстве, не более ста верст в длину, разбросано несколько сел; от одного села до другого верст двадцать, тридцать, что при здешних расстояниях большая редкость. В центре их находится самое людное село Кабанск. Вообще эти села большие — душ по 700 и более каждое: а между ними накиданы деревушки так тесно, что, едучи от одного села до другого, прихо-

дится проезжать почти беспрестанно между двух рядов изгородей, отделяющих выгоны под деревней (поскотины), и по дороге попадает несколько деревушек, заимок (выселков). Земли немного, пахотной приходится от 3 до 5 десятин на душу.

Население это, как и большая часть коренных сибиряков, — потомки выходцев из Великого Устюга и новгородских пригородов. Живя в Сибири, они, конечно, приняли особенности, свойственные всему ее населению и объясняемые местными условиями, родом жизни и т. д. Конечно, это преимущество отразилось на речи и на одежде. Беспрестанно слышатся выражения или совершенно оригинальные, или же имеющие вовсе не тот смысл, который придается им в Великой России. Из них можно бы составить целый местный очень интересный словарь. Сибиряки, например, никогда не скажут «пообедать», а всегда «закусить», и закусывание это будет свое, особенное.

Хлеба у них вдоволь, скота довольно; масло, следовательно, есть, и в обеде у них играет важную роль все мучное и жирное. Кислое

для сибиряка необходимость, а потому хлеб непременно должен быть кислый; уксус льется нещадно на пельмени[17], и даже неудивительно, если хозяйка предложит вам подлить его в суп. При малом числе огородов, содержаемых вообще очень плохо, капусты разводится мало, а потому крестьяне Кабанска и его окрестностей никогда почти не едят щей, а большей частью приготавливают какое-то варево из круп, с крошеной в нем говяжьей, очень жирное и не совсем вкусное. Но вообще говоря, есть, как ест сибиряк, домохозяин в Верхнеудинском округе, русский крестьянин может только в мечтах.

Ильинская волость, в которой находится Кабанск, одна из богатейших, если не богатейшая, в Забайкалье[18], несмотря на то, что земли немного и скотоводство не особенно развито. Но стоит войти во двор богатого хозяина, чтобы догадаться о причине этого благосостояния. Непременно во дворе вы увидите огромное количество телег. Телеги эти двухколесные, особого фасона, единственные употребляемые в Забайкалье. Их число отличает преобладающее занятие жителей. Извоз-

ничество развито здесь в огромных размерах: ходят в Читу, отвозя десятки тысяч пудов хлеба для амурского сплава, ходят в Кяхту и перевозят все чай из Кяхты до Байкала. Особенно же извозничают крестьяне кабанские, по своему удобному положению между Байкалом, Кяхтою и Читой. При этом, ворча на Амур за те тягости, которые он на них взваливает, особенно же за проходящие команды, они признаются, что Амур принес также громадную пользу: прежде Чита была чем-то совершенно неизвестным в Ильинской волости; чтобы съездить туда, нужно было поднимать образа, служить молебны; теперь Чита сделалась близко, говорят они. Наконец, и сбыт хлеба должен был до некоторой степени обогатить их. Но главная заслуга Амура в том, что он расшевелил их.

Впрочем, не хотелось бы мне вскользь говорить о влиянии Амура на Забайкальский край, а потому я откладываю этот вопрос до будущего времени, когда более ознакомлюсь с ним.

Говоря о благосостоянии крестьян, я упомянул только про еду. Не в одной же еде про-

является благосостояние... А одежда, а постройки?.. Еще из Западной Сибири писал я вам, какой щеголь истинный сибиряк; то же относится и до кабанских крестьян и особенно крестьянок, которые всегда ходят в немецком платье, а по праздникам наряжаются в великолепные штофные голубые или малиновые шубки русского покроя, называемые здесь «пальтами».

Что же до построек, то ими Ильинская волость не может похвастать. За исключением изб богатых крестьян, они все делаются плохо, нисколько не соответствуя здешним холодным зимам. Везде дует; углы промерзают, и в них накапливается снег: рамы вставляются очень дурно, двойные составляют предмет роскоши. Без них же окна совершенно замерзают, накапливаются вороха снега, и свет едва проходит. Чтобы избавиться от этого, крестьяне с наступлением зимы снимают рамы и натягивают «скотскую брюшину»[19], то есть бычачьи внутренности, и делают две перекрестные палочки. Хотя снег точно так же накапливается, но, по крайней мере, как только отворится дверь, эта перепонка шелохнется,

хлопнет о палочки, и снег отваливается. В брюшине проделывается крошечное отверстие, к которому, приставив любопытный глаз, можно обозреть свой двор на расстоянии двух или трех саженей.

На вопрос, отчего бы не вставлять двойные рамы, одна старуха ответила мне, что «отцы так делали; кто ж их знает, отчего не вставляли», а молодой хозяин отозвался, что стекла дороги и доставать их трудно.

Чтобы покончить с Ильинской волостью, я должен сказать, что далекая от приисков, богатая без нищих и без особенных богачей, она производит очень приятное впечатление на посетителя.

Для вас, вероятно, интересно, как идет тут обучение крестьян. Грамотных здесь вообще несколько больше, чем, например, в подмосковных губерниях, но обучение, особенно в училищах, идет плохо. Здания училищ дурно содержатся, бедны средствами, на которые общество не слишком-то щедро, учителя выбирались иногда, лишь бы занять вакансию и открыть еще одно училище, хотя назначенному учителю и в голову не приходило «учить

мальчишков», а хотелось быть бухгалтером и т. д. Словом, та же история, кото рая повторяется и долго еще будет повторяться на всей Руси. Домашнее бесхитростное учение идет успешнее.

В Кабанске я находился так недалеко (верстах в тридцати) от провала, образовавшегося после землетрясения 31 декабря запрошлого года, что, выбрав хороший денек, отправился туда. Ямщик, подъезжая к деревням, пострадавшим от землетрясения, взялся быть моим чичероне: видно, частенько приходилось возить любопытных расспрашивателей.

— А вон землю-то как своротило, гору-то, гору, эку щель дало, — показывал он на рас-трескавшиеся бугры. — Этно как зачало ее воротить, так везде щелей понаделало... А вот обвалилось как!.. А тутот-ко был колодезь, — говорил он, указывая на столб с шестом, — журавль, да как стало песок выкидывать, так снопом и бросало, весь его засыпало, а сруб совсем с места своротило. А вот деревня Инкино осела сажени на три, и вода подступила почти вплотную к избам. Еще землетрясение, и если оно будет сопровождаться оседанием,

тогда деревню затопит совершенно.

В Дубининой я спустился к берегу «затона», то есть образовавшегося после землетрясения залива Байкала. Он был покрыт льдом, и из-под льда выглядывали кустарники, на берегу видны были большие щели.

— Так все и залило, — говорили крестьяне, — скот гонять некуда; уж мы летом верст за семь его держали, вон дли гор белеет избушка. Да трудно тоже: кто один, держи работника, а где его взять? Доить вот тоже трудно... Уж мы переселиться хотим к горе, там повыше будет. Экие страсти были: так вот земля ходуном и заходила; мы уж на улицу из изб все побросались, просто стоять нельзя. На море лед как взломало, как подняло его, так вот вода и хлынула. Сухо было, а вот морем стало. Вот оно божье-то наказание. Экие жадные эти братские, ведь отымали у нас это урочище, а у самих земли пропасть, так вот же господь и затопил: «пусть-де вам уж не достается».

— Да вот скоро год подходит: уж мы так и ждем; под новый год, однако, опять повторится, — важно проговорил какой-то крестьянин

постарше. — И по сию пору, ваше благородие, бывает трясение земли, частенько слышно.

— Ну, да, может, иному только так и покажется, а вы со страху и верите.

— Оно точно, ваше благородие, спьяну-то иному и будет, словно трясение земли происходит...

Впрочем, действительно, слабые удары повторяются и теперь. Во время моего там пребывания (в конце ноября) был слышен один удар.

Но довольно о моей поездке: возвращаюсь к Чите и ее «сибирской» жизни.

Чита — город, родившийся вследствие служебных потребностей; следовательно, служащие составляют в нем главнейшую часть населения. Ни торговой, ни промышленной жизни здесь нет. Торговля едва-едва удовлетворяет местным потребностям, а промышленности еще и быть не может. Вот почему я преимущественно обращаю внимание на жизнь кружка служащих — кружка очень большого теперь, так как зимой он увеличивается приезжими, и кружка несколько не замкнутого. Что до остальных, т. е. до купече-

ства и мешчанства, то в общих чертах они живут так же, как и везде; их особенности, не бросающиеся в глаза, гораздо труднее рассмотреть и, чтобы говорить о них, нужно потратить побольше времени на знакомство, чем сколько у меня было до сих пор.

«Боже мой, какая скука!» — вот фраза, которую вы беспрестанно можете слышать в великорусских губернских городах. Тоска — повальная болезнь многих из них. Чита, мне кажется, не страдает ею, по крайней мере, не страдает ею как прилипчивой, заразительной болезнью.

Если вы задумаетесь о причинах и спросите, то услышите от иных, что и скучать некогда; действительно, чтобы не быть занятым делом, когда все вокруг работают, на то нужно особенное желание. Вот одна причина; другие лежат и в новизне поселения, заставляющей на первых порах теснее сближаться, может быть, и во временном составе общества, а главное — в ненатянутости, простоте отношений — простоте, которая бросается в глаза всякому приезжему. Чтобы подтвердить свои слова, мне пришлось бы сослаться на те

бездны мелочей, которые все вместе составляют ежедневную жизнь; но, не желая излишне удлинять письма, я не делаю этого, и мне придется просить вас поверить мне на слово.

Наш обыкновенный губернский, ни аристократический, ни средний, круг не в состоянии даже подумать о той простоте и естественности в сношениях между собой, которая царствует в Чите, о том отсутствии церемоний, которое в русском губернском городе было бы возможно только между самыми короткими знакомыми. Натянутость и формализм в жизни, если бы и появились у кого-нибудь, то были бы приняты другими очень дурно, настолько здешнее общество в состоянии противодействовать этому чуждому для него элементу.

В Чите существует собрание, или клуб, очень простое по отделке (с неоштукатуренными и неоклеенными стенами, некрашеным полом и деревянными обручами вместо люстр), но это собрание посещается очень охотно для карт и биллиарда, для чтения журналов и для вечеров, конечно — с танцами.

Вечера эти иногда бывают очень оживленными и также отличаются простотой и ненапряжностью. Здесь собрание не есть что-то непременно навевающее торжественность и скуку, а скорее продолжение домашней жизни (с прибавкой только танцев и биллиарда, так как карты и в домашней жизни играют важную роль).

Для сравнения укажу, например, на соседний Верхнеудинск, город гораздо красивее, богаче Читы, — в нем есть и каменные, и оштукатуренные дома, и каменный гостиный двор, и лавок больше; но, как говорят тамошние жители, замкнутость составляет отличительную черту тамошней семьи; каждый живет сам по себе и с другими видится только по делу да с церемониальным визитом. В Чите, напротив, царство общительности: уже большое число взад и вперед мелькающих сидеек [20] может свидетельствовать о том.

Интересных новостей здесь нет, кроме разве проезда с Уссури депутатов от американских чехов. Они едут в Петербург заключать условия для переселения на выбранные ими места по р. Суйжун, впадающей в Великий

океан, в Амурском заливе. Из подробного осмотра местности, произведенного ими, оказывается, что места по Суйжуну очень хороши, почва местами очень плодородна, климат здоров; наконец, на верховьях р. Суйжуна без труда могут быть устроены мельницы, а со временем сообщения с Великим океаном могут быть учреждены довольно удобно, так как эти места от Славянского залива находятся не более как верстах в шестидесяти, и нет особых препятствий к проведению хорошей конной, а через несколько десятков лет даже железной дороги.

На первый раз изъявили готовность переселиться 200 семей, но, как полагают г-да депутаты, стольким семьям трудно будет жить, сразу переселившись, а потому сперва лучше переехать ста семьям. Со временем же, если переселение окажется выгодным, могут переселиться, пожалуй, и десятки тысяч семей. Места достанет.

Кажется, нечего и говорить об очевидной выгоде для края от переселения земледельческого населения с его полевыми машинами и орудиями, населения, привычного к труду, на

эти плодородные места. Но вместе с тем понятно, что чехи не могут не смотреть на переселение с недоверием. При некотором знакомстве с русской администрацией у них не может не явиться желания оградить себя от ее вмешательства в их внутреннюю жизнь, а потому самоуправление, вероятно, будет стоять в числе их условий. Полагают, впрочем, что это условие не может стать помехой переселению чехов.

Они указывают еще на то, что в наших восточных портах нет тех средств, которые доставляет переселенцам Новый Свет, и что в Америке, при уменьшившемся вследствие войны числе переселенцев, им придется продавать свои имущества за недорогую цену. Потому, может быть, чехи пожелают субсидии от русского правительства.

Не касаясь вопроса о пользе от переселения чехов, лишь с точки зрения увеличения расходов правительства для Амура и восточных портов, можно смело сказать, что в числе этих расходов затрата для переселения чехов во всяком случае будет расходом правительственным и весьма полезным для наших во-

сточных прибрежий.

В заключение вот еще известие. Вы помните, что во многих русских газетах появлялось объявление об издании в Чите «Забайкальского листка». «Листок» этот не состоялся. Он должен был издаваться с сентября 1862 года, потом с 1 января 1863 года, а потом совершенно оставлен по недостатку средств. Его сгубило всеобщее недоверие и несочувствие к его программе. Лишь немногие мечтатели думали, что из него что-нибудь да выйдет[21], приводя в пример «Кяхтинский листок». Но «Кяхтинский листок» явился вследствие местных потребностей.

«Забайкальский листок», однако же, не погиб без следа; вместо него к новому году мы получили объявление о новом журнале в Иркутске «Иркутские епархиальные ведомости».

На днях получено здесь известие, что в Николаевске-на-Амуре открыт городской телеграф между домом военного губернатора и телеграфной станцией. Первая депеша от адмирала Казакевича к г-ну подполковнику Романову была, конечно, поздравительная. Польза

от этого телеграфа может заключаться только в обучении сигналистов.

Современная летопись. 1863. № 12. С. 13–15.

[IV]

2 февраля 1863 г., Чита

Тихо течет наша спокойная, обыденная жизнь. Утром загомосится Чита: тут проедут возы с сеном, там жестоко проскрипит на морозе обоз из двухколесных телег с бочками, в которых везут хлеб, муку, соль; проскачут буряты, столпятся кучки у кабаков, и на базаре зашевелится разнообразное читинское население: шумящие, ораторствующие жиды, скромные с виду буряты, искоса поглядывающие поселенцы; эти всегда ходят серьезно и воодушевлятся только тогда, когда дело дойдет до ссоры или до драки. После 12 часов к этому прибавится еще движение здешней аристократии, и до двух часов виднеются разъезжающие (преимущественно по большой улице) разношерстные экипажи; у иных ворот стоит непривязанная, без кучера лошадь, привычная к тому, чтобы дожидаться своего хозяина.

На...

После двух часов и это движение уляжется. В три снова немного оживятся улицы. Верховой в какой-нибудь особенно оригинальной мохнатой шапке гонит на водопой десяток или более лошадей; за ним другой табун, третий; спускаются к речке Чите поить «коней». Сумерки; кони то чинно выступают, то останавливаются, чтобы поваляться в песке, и догоняют табун мелкой побужкой, а верховой суетится, подгоняя отсталых игрунов; да еще однообразие этой картины нарушит бурят, который проскачет частой рысью на маленькой заносчиво задравшей кверху морду лошаденке.

Стемнеет, и если небо заволкнется облаками, то улицы Читы станут такие темные, что иногда и зги не видно. К счастью, такие ночи редки, большей частью они бывают звездные, светлые, небо безоблачное, так как воздух страшно сух. Ну, а для искусственного освещения пока еще нет средств, да в освещении и нет пока большой надобности: к вечеру разъезды почти прекращаются, а немногие расхаживающие и разъезжающие так уже

проторили себе дорожку к одному какому-нибудь дому, где преимущественно проводят вечера, что с дороги не собьются, да им, наконец, признаюсь, и освещения не нужно, им светит что-нибудь другое.

Вечер, огни видны только в войсковом и областном правлении, где идет постоянная работа и вечером, да в доме губернатора — «атаманском доме», как его зовут; в остальном городе всюду заперты ставни и огней не видно. В иных домах сидят, зевая до истерики, и ждут не дождутся времени, когда внесут ужин и время придет закусить, после чего можно и разойтись спать. В других домах идет чтение либо веселый оживленный разговор, местами спор; давно и закуска уберется со стола, а все еще раздается голос читающего, прерывающийся для того, чтобы еще раз заглянуть в глаза своей слушательницы, проследить впечатление, произведенное чтением, или же слышится то спор, то хохот, недоговоренное словечко, и расходятся весело — не нуждаясь в городском освещении.

Вот какова почти всегда физиономия Читы. Если вы хотите знать, читатель, какова

эта физиономия в данную минуту, в настоящее время, то прибавьте к этому, что на улицах как бы туман стоит: столбы дыма прямо, вертикально ползут в небо чуть ли не из каждой трубы; более тридцати градусов мороза (а несколько дней тому назад, замечу, и, может быть, даже и сегодня, в 12–16 часов на солнце капало с крыш). Впрочем, теперь мы переживаем последний, третий период сильных морозов (первый был в начале декабря, второй — в конце декабря и начале января, а третий — с конца января продолжится, вероятно, до середины февраля).

Впрочем, Чита несколько оживлялась на праздниках: устраивалось довольно вечеров, всегда бесцеремонных, иногда очень оживленных, как водится, с танцами для легких людей и картами для положительных; устраивались менее затейливые «вечёрки», одним словом, все веселились по-своему, кто как мог.

Чтобы уже не пройти молчанием ни одного из «явлений нашей общественной жизни», оживлявших на время хотя часть общества, скажу, что у нас устроился спектакль. Извест-

но, с какими трудностями сопряжено всегда устройство домашнего спектакля, а тут еще приходилось бороться и с недостатком играющих на сцене дам и с трудностью выбора пьес, так как в Чите нет библиотеки[22].

Впрочем, спектакль состоялся. Играли «Не в свои сани не садись» и водевиль «Любимый напиток». Как то, так и другое было, как говорят, сыграно недурно. Это приехало к устройству другого спектакля, и на пасхе тоже собираются играть.

Теперь позвольте перейти к другому, может быть, более интересному предмету, чем наши спектакли, и рассказать, как было принято в Чите новое акцизное управление.

Встречено оно было очень хорошо. Тосты «за уничтожение откупа» начались еще в собрании, когда все общество собиралось вместе встречать Новый год. Но гораздо более воодушевленные тосты были провозглашены в первый день Нового года во вновь открытых кабаках. Вместо двух существовавших здесь кабаков их разом появилось более 30. Вино разом подешевело, и потому в первый день было столько пьяных, столько ссор и драк,

что в полиции не хватало мест для всех приведенных сюда. В первые дни некоторые евреи (на их долю приходится около половины всех кабаков, хоть число евреев не превышает 140 человек на население, простирающееся до 2800 жителей) порядком поживились. У иных поселенцев шуба шла за два штофа вина, а полушубок за штоф, и промотавшийся поселенец умолял хозяина дать ему еще четушку (четвертку); хозяин сжаливался и, из милости, выносил ему еще кружку, зная, что шуба или полушубок, наверно, у него останется, так как выкупить будет не на что. Впрочем, все это теперь успокоилось, и вот каковы результаты.

Вино продается гораздо дешевле и лучшего качества, чем прежде. В 1862 году оно никогда не продавалось менее 7 или 8 руб. за ведро; в настоящее время в Чите цены колеблются между 4 руб. 50 коп. и 4 руб. 80 коп., изредка доходя до 5 руб. В округе оно стоит на 5 руб., в тех местах, где есть конкуренция, а в тех, где продажа находится в руках прежних откупщиков, не спускают ниже 7 руб.

В Чите явились два водочных завода, кото-

рые могут выделывать до 3000 ведер, два оптовых склада и, вместо прежних двух кабаков, 4 штофные лавки и 37 питейных домов. Впрочем, надо сказать, что из них не более 25 торгуют в настоящее время вином, так как распивочная продажа требует выполнения некоторых условий (например, дверь на улицу и т. п.). Многие домохозяева, впрочем, не задумываясь, прорубают дверь на улицу, лишь бы только открыть продажу вина, другие же, более осторожные, медлят, тем более, что цены на вино стоят такие низкие, что не всем выгодно заниматься продажей его. Конечно, количество выпитого вина теперь значительно больше прежде выпивавшегося, но нельзя сказать, чтобы пьянство теперь усилилось, по крайней мере, в настоящее время вы встретите на улице пьяных не более, чем два месяца тому назад.

Затем в Нерчинском округе, включая сюда и горный округ, в настоящее время 2 водочных завода, 2 оптовых склада, 116 питейных домов и 29 штофных лавок. Как видите, на долю Читы приходится немалая часть всех питейных заведений округа.

19 февраля

Письмо мое несколько залежалось, а потому теперь я прибавлю несколько слов о том, как здесь проводится масленица. Первые дни прошли очень скромно. Правда, число пьяных значительно увеличилось; но где же этого не бывает. Особенности же здешней масленицы заключались в последнем дне. Около 2 часов на большой улице начинается необыкновенное движение. По ней взад и вперед разъезжают, так скоро, как только могут, несколько десятков экипажей. Разнообразие их таково, что описать трудно, да и слишком долго, — тут нужен карандаш и рисунок. Вслед за неуклюжей, высокой бричкой на длинных дрогах, которая трещит до того, что заглушает звон двух подвязанных под дугой колокольчиков[23] да нескольких бубенчиков, едут сани, покрытые цветным ковром, в которых засело столько народа, что яблоку упасть было некуда; за ними уродливая сидейка или дровни, несущиеся во весь опор, там снова какая-нибудь бричка или же пародия на пролетку, и посреди всего этого пле-

тутся запряженные одним волом санки[24], в которых сидит повязанная ярким пестрым платком еврейка. Вол едва-едва плетется, а хозяин — седой еврей — преусердно подгоняет и без того усердно работающего вола. Картина дополняется несколькими ребятишками и девочками, идущими пешком вслед за своей матерью. Более всех наслаждаются, по-видимому, бешено скачущие взад и вперед всадники из бурят и из русского населения. Они снуют между всеми этими экипажами, бешено несясь и покрикивая на своих косматых лошадемок. Картина, как вы можете судить, весьма оживленная. Только прибавьте к этому, что в последний день масленицы, ни с того ни с сего, после очень сильных морозов, доходивших в продолжение почти двух недель до -35° , вдруг потеплело; день был такой теплый, что снег сошел в продолжение нескольких часов. Теперь снега в Чите совсем почти нет, дни стоят очень теплые (до $+2, +4^{\circ}$ в тени), и если бы не постоянно дующий с братской степи ветер, то мы могли бы одеваться совершенно по-весеннему. Не правда ли, все это как-то мало вяжется с понятием о Сибири,

как о стране метелей и снегов?.. Впрочем, старожилы, рассказывая о том, как когда-то в феврале ездили за город чай пить, спешат прибавить: «А вот погодите, померзнете еще в марте, в апреле». Не утешительно.

В заключение я должен поправиться в одном сделанном мной промахе. Как человеку приезжому в незнакомый край, мне, при всей осторожности, иногда трудно удержаться от подобных промахов. По крайней мере, я во всякое время готов исправлять их. Вот что нужно сказать о расположении раскольничьего населения Забайкальской области, вместо сказанного мной в № 4 «Московских ведомостей» 1863 г.

Действительно, по дороге от Байкала до Читы они попадаются только отдельными слободками. Главным же образом они расположены между притоком Селенги Чикоем и р. Хилкой, где находятся 3 семейские волости: Мухортибирская, Тарбагатайская и Купанейская и одна единоверческая — Урлукская. Затем единоверцы попадают около с. Доссы. В других же местностях семейские разбросаны в весьма небольшом количестве — отдельны-

ми семьями, и за Читой их попадаетесь весьма немного.

Современная летопись. 1863. № 18. С. 13–14.

[M]

Чита, половина июня 1863 г.

Позвольте мне сказать несколько слов о Чите, которую я на днях покидаю для поездки на Амур. Я воспользуюсь работами бывшей здесь комиссии по вопросу о преобразовании городского устройства.

Для определения цифры населения комиссия поручила нескольким членам по разным сословиям собрать нужные сведения. Но эти сведения, хотя и собирались с большим усердием (дело новое заинтересовало на первых порах), все-таки оказались недостаточными: пришлось спрашивать у арсенального, у почтового, у медицинского и т. п. начальств сведений о служащих у них чиновниках и о числе нижних чинов. Много времени — около трех недель — прошло в этой работе; но зато цифра населения определилась довольно верно: оно доходит в настоящее время до 3200 че-

ловек[25] (по 10-й ревизии 1470). Они помещаются в 246 домах, из которых 17 казенных[26]. На эти дома приходится 3 магазина и 40 лавок[27]. Впрочем, лавками торговли не определить, и я постараюсь дать вам хотя слабое понятие о торговле следующим описанием, отчасти придерживаясь описания, сделанного комиссией после довольно жарких рассуждений.

Торговые обороты здешнего купечества бывают в год свыше полумиллиона рублей [28]. Но торговля эта вот такого рода: ежегодно — в январе — Чита остается без многих товаров, необходимых в хозяйстве всякого и не очень достаточного человека, например, в городе целый месяц и более нет свеч стеариновых, ну, и приходится частным лицам выписывать себе свечи из Кяхты (заметьте, торговые люди за это не берутся, хотя тут могла бы быть для них выгода); то нет и крупинки риса, то вдруг сахар непомерно вздорожает, зато дамские сетки дешевы; и все ждут товаров из России: «вот цены спадут, вот привезут то-то». Действительно, после Верхнеудинской ярмарки придут сюда в феврале всевозмож-

ные товары: и гвозди с Урала, и постные сухари к чаю из Нижнего, и сахар, и шляпки; всё, до последней безделицы. Цены, разумеется, высоки. Предметы подороже и менее нужные всегда привозятся в достаточном количестве, так что их хватает, часто с остатком, до следующего февраля; предметов же нужных во всяком хозяйстве и неценных всегда навезут столько, что положительно не хватит на год; да оно и понятно: эти предметы доставляют менее барыша, чем те. Может быть, оно так и следует и иначе быть не может — не знаю, но, по крайней мере, так ведется торговля, т. е. главный ее род. Впрочем, многое препятствует правильному развитию торговли: отсутствие больших капиталов, медленность оборотов, так как товары идут более полугода, трудность угадать размеры потребности в товарах при неправильном увеличении населения.

Затем есть еще в Чите торговля привозимыми с Амура и отправляемыми туда товарами. Что сказать об этой младенческой торговле? До настоящего времени привозили с Амура товары по большей части из Гамбурга:

шампанское, портер и рейнские вина, сигары большей частью гамбургской свертки, сахар, в последнее время холсты и драпы. В прошлом году, как вам известно, пароходы не могли идти выше Покровского, где и сложили товары. С первым зимним путем привезли сюда часть товаров, т. е. два груза г-д Модорфа и Хаминова вина отчасти были везены в возках с печами, что, впрочем, не помешало некоторым из них замерзнуть. Первый груз (сигары, вино, холсты и драпы) распродается очень туго, да оно и немудрено: при отправлении грузов из Гамбурга решительно не берут во внимание потребностей Амура и Забайкалья[29], притом же и цены высоки. Второй груз распродан очень скоро: в Николаевске продано тысяч на двадцать, по Амуру до 16 000 и в Чите на 20 000; в том числе большая часть груза — оптом одному здешнему магазину. Остальное (вина) отправлено в Иркутск. Все эти товары (вина, сигары, сахар и превосходная американская почтовая бумага) распродались скоро и хорошо, оттого что были хорошо выбраны. Еще был один груз, но небольшой, который распродан очень недур-

но. Вот привозная амурская торговля в Чите. Вывозная пока еще незначительна.

Главное занятие здешнего купечества есть снабжение Читы и некоторой части населения вокруг нее товарами, привозимыми из России; торговля предметами сельской промышленности не выходит пока из пределов базарной.

Еще несколько слов об ярмарке. На бумаге она назначена, но в действительности никакой ярмарки не бывает. Многие видят причину этого в неудачном выборе времени (вторая половина февраля). Но эти едва ли правы. Трудно здесь быть какой-нибудь ярмарке. Амурские грузы приходят осенью, когда раньше, иногда позже; грузы русских товаров приходят в феврале и раньше прийти не могут: пока будут закупаться на Макарьевской ярмарке и приходить сюда, когда Байкал замерзает. Ближайшее бурятское население имеет свою ярмарку в Аге, осенью, для продажи своих товаров перед уплатой податей. Наконец, окрестное население слишком редко.

О ремесленном производстве нужно сказать, что им-то всего более обижена Чита: ис-

кусных мастеров совсем почти нет, но и неискусных трудно достать, тем более, что они, пользуясь малочисленностью, довольно бесцеремонно обращаются с заказчиками — работают продолжительно и худо[30].

Наконец, Чита вовсе не имеет характера, свойственного многим русским городам; хлебопашеством в ней занимаются весьма мало. *Чита, основанная одиннадцать с половиной лет тому назад, до настоящего времени не имеет выгонной земли, никакой, кроме нарезанной на четвероугольники для домов.* Это довольно интересный факт. Дело о наделении города землей давно уже поднято, но так как нет другого исхода, как взять землю у соседних казаков или у бурят, то оно по настоящее время не решено ничем, хотя и решалось уже три раза в областном правлении. Тут предлагались разные сделки: взять земли у казаков, у которых земель много, и взамен того дать им землю от соседних деревень и уговорить бурят уступить землю, но последние, прежде полные владельцы значительной части Забайкалья по актам, данным Петром и повторенным его преемниками, ссылаются на то,

что и без того они уступили много земель; одним словом, Чита без выгона, и уладить это дело довольно трудно, а пока жителям города приходится гонять свой скот на чужие земли.

К этому краткому очерку Читы позвольте присоединить поправку одной из моих прежних корреспонденций.

Просматривая № 12 «Современной летописи» нынешнего года, в котором напечатано письмо мое из Читы от 4 января, где говорится о Кабанске и его окрестностях, я заметил, какой громадный промах я сделал, неосторожно употребив слово «сибиряк». Слово это само по себе слишком неопределенно и ничего не означает именно по своей неопределенности. Можно говорить: крестьянин Верхнеудинского округа и то, означая, какой волости, или можно говорить: казак такой-то бригады или батальона и т. п., но не сибиряк, даже не забайкалец. Местные различия слишком велики.

Если действительно крестьянин Ильинской волости да, может быть, крестьяне семейских волостей[31] едят так, как я описывал, зато никак нельзя сказать это про сибиряков.

ряка, и если я употребил это слово, то, конечно, не потому, чтобы хотел распространить факт, замеченный мной в Ильинской волости, на всю Сибирь, а потому, что жители Ильинской волости напоминали мне коренных сибиряков, насколько я мог наблюдать их в Томской губернии да в богатых округах Тобольской.

Зато сибиряк недалеко от Кабанска, хоть под Читой или за Читой к востоку и юго-востоку, да, наконец, и большая часть жителей области питается преимущественно кирпичным чаем. Есть ядрица и кирпичный — и слава Богу, крестьянин или казак сыт; мясо он ест редко, кислого, т. е. уксуса, почти и не нюхает, об овощах, конечно, часто и помину нет, вообще же овощи очень редки и возделываются мало. Кирпичный чай и какое-то вариво, что-то вроде жидкой кашицы, вот все, чем он питается.

А потому надо видеть, как страшно развивается цынга в конце зимы. Особенно сильна она была в нынешнем году, после страшной прошлогодней засухи, простоявшей все лето и осень, и во время засухи нынешнего года,

бывшей всю весну до половины июня. Овощей совсем не было, кислого тоже, свежее мясо ели редко (да еще посты подходили), масло и пр. страшно вздорожало, так как во многих местах (братская степь, Чита, дорога книзу по Ингоде и Шилке) травы не было до первых чисел, а местами до половины мая, и скот весь должен быть на подножном корму, а на сено цены баснословные.

Да, здесь рядом с довольствием крайняя бедность, и потому употребленное мною слово «сибиряк» давало ложное понятие о жизни крестьянина в Забайкалье.

Амур, ниже Благовещенска, 22 июля 1863 г.

Почти с самого выезда из Читы к востоку, вниз по долине р. Ингоды — просто «вниз», как здесь говорится, перемена, сравнительно с тем, что было по ту сторону Читы. Там братская степь, здесь горы, которые тянутся с обеих сторон реки и сперли быструю Ингоду; степная природа исчезает надолго. Самый характер растительности несколько изменяется, нет уже прежнего однообразия, свойственного «сопкам» около Читы. Не одной только

елью да жиденькой березой заросли крутые горы; чаще и чаще попадаетя сосна, и береза является не жиденьким прутиком, а сформированным деревом. При этом правый берег постоянно роскошнее левого; там березняк зарастает даже небольшими рощицами. Горы по большей части подходят к берегу вплотную, только местами оставляя неширокую полосу — луг «падушку»; дорога все идет левым берегом, иногда отходит от реки на несколько верст и тогда тянется по хребтам с крутыми подъемами в несколько верст. Чтобы избежать их, остается одно средство — рвать береговые утесы и прокладывать дорожку в несколько сажень между ними и рекой; но фарватер от того засоряется, и камни приходится вытаскивать из воды. Так как утесы довольно крепки, то приходится рвать их порохом или разжигать (это делается обыкновенно зимой), раскладывая большой огонь; они трескаются, и тогда можно сворачивать большие камни. Конечно, дорога эта (как натуральная повинность) делается окрестными жителями.

Теперь недалеко от Читы обойдено таким

образом несколько очень высоких хребтов; дорога проложена сперва в горах между утесами и болотами, где нужно было делать большую насыпь, привозя гальку, а потом самым берегом, около утеса, над рекой. Проезжая, я видел кучу шалашей, много бурят грязных, без рубашек, с голыми спинами, едва прикрытых внизу какими-то отрепьями, с повязками из тряпок на голове; они доканчивали дорогу, вероятно, проклиная русских, пригнавших их с кочевья из Агинской степи (верст за сто или больше) для того, чтобы прокладывать несколько не нужную им дорогу.

Кстати выскажу здесь одно замечание: всегда при встрече с бурятами меня поражала удивительная тупость выражения лиц у молодых бурят и мальчишек; но в выражении лица стариков большею частью еще виден ум и много лисьей хитрости; в старике перед вами человек, живший близко с природой, много перетерпевший от нее, но все-таки борющийся, а потому человек с определенной физиономией; в молодом поколении словно какая-то неоконченность, в выражении лица — отсутствие мышления и тупое удивле-

ние. Не знаю, было ли это замечено у других бродячих и кочевых народов, при встрече их с народом высшей цивилизации. Тогда этот факт был бы достоин внимания, он мог бы служить одним из признаков того, что народность, в которой он замечен, так же обречена на гибель, как индейцы Северной Америки.

С принятием Онона Ингода переходит в Шилку — немного менее быструю, но гораздо более широкую и обставленную еще более крутыми утесами. Дорога иногда более уходит внутрь страны и тогда дает полюбоваться богатейшими лугами с густой и сильно развитой растительностью; особенно роскошны цветы, преимущественно какие-то желтые лилии; хлеба тоже сильно пошли в рост. Это было около середины июня, а до того времени стояла везде страшная засуха. С июля прошлого года почти не выпадало дождей, снега были, но сошли незаметно, не дав даже прибыли воды в реках. Потом пошли маленькие дожди, но они не напитали высохшей земли и выгоревших «тундр», торфяных болот, наполненных золой почти на пол-аршина. Баржи с хлебом для Амура стояли в Чите, или,

вернее, в 12 верстах от Читы, не имея никакой возможности тронуться. Но пошли сильные дожди и долго шли, напитали землю, и тогда вода хлынула разом: в день вода прибыла в Ингоде на аршин с лишком: разом сияла все баржи и в тот же вечер сбыла, как говорят, на 5 вершков. Точно так же прибыли и другие речки. Шилка поднялась почти до высшего уровня, все пароходы один за другим тронулись из Сретенска и стали приходить в Сретенск. Теперь сообщение вполне восстановилось, и некоторые пароходы успели сделать уже несколько рейсов.

Сретенск, вернее, село Сретенское, расположен на удобном месте; здесь кончается тележная береговая дорога из Читы вниз и начинается верховая, которая тянется по всему Амуру. Эта дорога проложена или протоптана то в горах, то берегом, по трупам и наминает собой кругоморскую[32]. Далее Сретенска не доходят пароходы, лишь некоторые из частных посмелее поднимаются с грузом выше — до Нерчинска, если вода очень высока. Так поднимались в нынешнем году пароходы амурской компании «Корсаков» с желез-

ной баржей (с лишком 4 тыс. пуд. груза) на буксире и «Нечаянный» с грузом. В Сретенске же, в большом колене Шилки, где впадают в нее две маленькие речки, устроена гавань. Так как я не знаток в постройках и не могу судить об устройстве гавани, то скажу только, что при устройстве ее удачно воспользовались положением двух речек, что шлюзы для напуска воды и впускания и выпуска пароводов и барж сделаны прочно (конечно, деревянные); поднятие судов для зимовок или на стапеля для починок производится без большого труда, даже в самую малую воду, как, например, в прошлом году, когда вода была так мала, что три парохода хотя и пришли осенью на зимовки, но один, пришедший последним, едва дошел, получив две пробоины (впрочем, незначительные, вскоре исправленные). Наконец, надо сказать, что все это сделано очень недавно, в весьма непродолжительное время. Удобство или неудобство постройки покажет время. Довольно того, что есть гавань, закрытая от льдов, где пароходы и баржи могут удобно зимовать и чиниться. Кроме того, в Сретенске

предполагается устроить механическое заведение; здание для него приходит к концу, а машины уже отправлены из Благовещенска. Но опыт прошлого года и весны нынешнего, страшное мелководье Амура и Шилки, совершенная невозможность для пароходов ходить по этой последней, не рискуя подвергнуться серьезным повреждениям, поневоле заставляют задумываться, будет ли механическое заведение приносить ожидаемую от него пользу? Будет, если смотреть на такое обмеление Амура и Шилки как на исключительный случай. Но если это результат страшных порубок лесов в верховьях Ингоды и других речек, тогда трудно ожидать, чтобы в Шилке всегда было довольно воды для пароходов. Тогда механическое заведение едва ли на месте.

Сретенск становится все люднее и люднее, теряет характер деревни и становится городом (его так и зовут Сретенск, вместо с. Сретенское). Сюда приходят казаки из соседних деревень работать на гавани, чернорабочий за 12 руб. в месяц, а пильщики и плотники дороже; отсюда нанимаются люди на сплав на Амур, все по большей части из вновь пересе-

ленных казаков (плохо дается им хозяйство). Вообще здесь скоро разовьется класс таких пролетариев — род бурлаков и разовьется торговля (торговля вином сильно уж развивается)[33], хлебопашество же отойдет на задний план — да, все залогом города... и города оживленного. Особенно когда весной на рейде качается несколько пароходов, несколько десятков барж и паром, собираются пассажиры, чтобы дожидаться отхода парохода, другие же отправляются в Читу, когда в гостинице не хватает номеров, когда на берегу кипит нагрузка и разгрузка судов — картина оживленная.

Шилка за Сретенском красивая, но неудобная для плавания река, красивая, потому что несетя между высоких гор, которые заросли елью, сосной да березой, бьет в вертикально торчащие утесы, бурлит и размывает их, вьется и пробивает себе дорогу в горах: неудобная именно потому, что бьется в вертикально торчащие утесы и т. д., что в ней много камней и кос, залитых в большую воду, но опасных в малую и среднюю, что есть классические утесы и камни, прославленные

множеством разбитых на них барж и опрокинутых паромов.

Хотелось бы сказать что-нибудь о деревнях по берегам, но, плывя на барже, причаливаешь там, где вечер застывает, да где берег удобнее, а потому деревни видны только издалека, и трудно составить себе о них какое-нибудь определенное понятие. Знаю только то, что живут здесь казаки (12-го батальона), до Горбицы живут людно; земли там хороши, и места есть богатые для пашен и покосов; за Горбицей начинается пустошь страшная — семь станков пустых совершенно, один дом стационарный и больше ничего; теперь еще прибавилось по одному дому, но станки так и зовутся «пустыми» и называются только по номерам (первый, второй и т. д.). Да с чего тут и селиться, когда везде леса, да горы, и страшная дичь кругом?

За семью пустыми станками Усть-Стрелка и Амур. Но об Амуре до следующего письма.

Современная летопись. 1863. № 42. С. 10–12.

[VI]

Амур ниже Благовещенска, 27 июля 1863 года.

13 июля я подъезжал к началу Амура. Горы, провожающие Шилку, становятся меньше и меньше. Справа подходит к ним под углом другая цепь гор, это те, которые провожают Аргунь; впереди местность открытее, ровнее; горы словно ступеньками уходят вдаль; видно, что там дальше они снова подходят, но уже не такие высокие, не такие крупные, не спирают реки в узкий проход между утесами, и по камням трава гуще, выше, больше рослого лозняка по берегам, больше сорных трав, высоких, сочных, густых.

Вот станция Покровская, первая на Амуре, большая, и видно, что заселяется; кучка казаков (более десяти) сидит у складочного магазина и покуривает; а уж давно бы можно начать косить, или если и не косить, так хоть что-нибудь около двора «робить» но, видно, забайкальский казак и сюда перенес родимую лень. Некоторые из сплавщиков ходили

покупать молока и т. п. Едва нашли одну или две кринки, т. е. не то чтоб его не было, а «нет, батюшка, нет», т. е. «проваливай-ка своею дорогой!» Торговая неразвитость? Пожалуй; но она происходит вследствие того, что прежде сплавщики на Амуре слишком уже пускали в ход свою, как они называли, одиннадцатую заповедь: «не зевай»; ну, да и замечательный народ были прежние сплавщики: немудрено, что хозяйки стараются не подпускать к себе и теперешних.

Немного повыше станицы (осторожный народ) причалено маньчжурское судно — привезли буды (проса), дабы (грубой бумажной материи), ханшины (род водки) и раскинули свои палатки. Тут же для меня выехали с нашей стороны ороконы на оленях. Казаки успели отведать привозных товаров, подкрепив ханшину спиртом, благо привез какой-то купец бочку спирта и продает по 15 руб. ведро [34].

Вот пониже, в Свербеевой, то же недоверие, но немного слабее. Поговоришь — ничего, хозяйка не грызется, даже чайку предложила вместе испить (конечно, кирпичного,

не с сахаром, а с солью; чашки употребляют китайские, большею частью деревянные, изредка фарфоровые). После чашки чаю хозяйка предложила купить огурцов. Огурцы? да не говоря, конечно, об Чите, а и в Сретенске мы их не видали еще. — Да давно ли они у вас? — Давно, здесь по Амуру давно, батюшка (огурцы по копейке, не торгуясь). Сплавщики радуются, наконец-то в Россею вернулись: огурцы есть в свое время. (Позже, когда нашли на берегу орешник, хоть и с совершенно сырыми орехами, так еще больше обрадовались: «вот она, Россея-то где началась».)

Албазин, сотенный штаб 1-й сотни 1-го полка, большая станица. «Вот уж третий ряд дворов почали строить», виднеется деревянная церковь. Давно построена? А вот, как пришли. Говорят, церкви по Амуру строили тогда, когда новому переселенцу каждая минута была дорога, когда и дом был не обстроен, и нови не довольно поднято. Не успели причалить, как сплавщики (я плыл на лодке) нанесли кучу шанег — ватрушек с начинкою из гречневой каши, вареной на молоке с маслом, — и молока, и свежего хлеба, которыми

мы лакомились после сухарей и сушеного мяса, ели и только похваливали. «А богатая станица, хорошо живут, дешево вот шаньга, в четверть...» — Нет, больше. — И то, больше, — и каши много, а 2 копейки стоит, и то бы дешевле отдали, да я уж не торговался, — дешево очень. — «Гречи, говорят, много родилось». Албазинские казаки переселились сюда из Горбицы и хвалят свое новое поселение. «Теперь что, теперь добротню, как обстроились, да пашни распахали: покосов и на нашей, и на ихней (китайской) стороне, дивно, всего не выкосишь». — А пашни где? — «Да здесь ничего, добротню, пашни верстах в пяти, не дальше, а есть и ближе, под самую деревней». Действительно, место ровное, земля не истощенная, богатая и плодородная и дает замечательные урожаи. Но зато есть станицы, построенные совершенно в лесу; сосновый бор стоит вплотную за огородами, им же оканчивается улица; пашни от станицы верстах в двенадцати, и казаки жалуются на это. Сам-де не выбрали бы такого бедового местечка.

Станицы понемногу обстраиваются. Вот,

например, Амазар, на карте показано 2 двора, а теперь их около десяти, и так во многих местах. Являются и совсем новые станицы; станки, бывшие прежде по 50, 60 верст, теперь делятся на два, на три, у новых станков группируются иногда большие станицы. Наконец, происходят иногда интересные явления: например, станица, показанная на карте, исчезла; оказывается, что она совсем было обстроилась, да (малого не хватились!) покосов нет на этом месте, ну и переселяют станицу на другое место. Говорят, это делалось не с одною уже станицей, и делалось не раз.

Амур разливается всё шире и шире, местами версты на две, всё больше и больше является островов и протоков. Всё чаще и чаще попадают также манягры[35], плывут в маленькой долбленой лодке или же тянутся вверх бечевой в большой лодке, перекликаются с проезжими: «минду» — «минду», что-то в роде «здравствуй». «Ханшина купи» — «купи, купи, шерело (иди)».

А вот, в станице Ермака жалуются. Покосов нет, сопки кругом, ну и косят по ту сторону у маньчжуров, а они велят, коси мол, толь-

ко свези, на нашей стороне не оставляй, а скоро ли его свезешь? А на своей нам косить негде. Вот если бы высшее начальство запретило, значит, орде (собирательное название для манягров, маньчжур) зверовать на нашей стороне, так они позволили бы косить и жечь бы не грозились. — Да они у себя станут зверовать. — Где им там зверовать? Нипочему не станут, потому жить нечем будет. Нет, если бы запретить зверовать, так позволят. — А пашни у вас где? — Ну, пашень мало, мало есть. — Далеко? — Нет, есть и близко, только малость. Да оно и место-то худо. Вон в Кузнецовой не так живут, приволье, одно слово, станица богатая, покосов порядочно, пашни богатые. А Ермаковой поди-ка станок 50 верст, ну зимою подводы и доходят. Всего нас 17 человек, ну 5 человек беспрестанно на службе в Благовещенске, подводы держат человек десять, не боле. А десять подвод скоро выйдут. Вот почта придет, так была раз на 25 подводах; ну, половину отправили, половину оставили; как вернулись, так сейчас покормили, опять запрягай. Доняли нас эти подводы».

Амурские казаки обязаны содержать почтовую гоньбу. Для второго конного полка, расположенного ниже Благовещенска, обязательство это еще не так затруднительно. Но каково оно для первого, расположенного между Благовещенском и Покровском? В мелководье пароходы рано перестают ходить по этому промежутку, между тем часто случается, что сплавщики и разные офицеры, командированные на Амур, возвращаясь назад, не попадают даже на последний пароход, и тогда отправляются от Благовещенска на вьюках, или дожидаются зимнего пути, одним словом, всякое движение с октября, иногда сентября, до весны, иногда же и до половины июня, как в нынешнем году, лежит всею своею тяжестью на Амурских казаках; говорят, бывали случаи, что в некоторых станицах по неделям ждали очереди отправиться. Но этого мало: за эти разъезды еще платятся прогоны (по 3 к. за версту и лошадь); но с наступлением зимы начинаются разъезды своих местных казачьих начальств, фельдшеров и т. п. — все они ездят по своим сотням, полкам без прогонов. Спрашивается, каковы должны

быть лошади после такой постоянной гоньбы, или же сколько должен содержать их амурский казак, и мудрено ли, что они падали в первые года, когда станки были по 50 да по 70-ти верст (теперь они[36] разбиты на станки в 25, 30 верст, за исключением одного, может быть, двух), когда пароходов было меньше, чем теперь, а проезжающих почти столько же, как и теперь, да еще скакали «35 тысяч курьеров»? Не знаю только, бывала ли амурская почта такая же тяжелая, как теперь, а теперь она приходит иногда в Читу весом в 80, 90 пуд, случается и более. И всё это, — почта, проезжающие, курьеры, местные должностные лица, — возится зимою, по Амуру по сквернейшей дороге, а весною и осенью на лодках, да на вьюках. Хотя в настоящее время почтовая гоньба сделалась несколько легче прежнего, но всё-таки, несмотря на высокие прогоны, составляет большую тяжесть для казаков. Правда, есть одна деревня, Воскресенская, из добровольных переселенцев, где жители, говорят, сами добровольно возят за прогоны; но, во-первых, у них станок небольшой, верст 20; во-вторых, возят они, когда вздума-

ется, но уж, конечно, не взялись бы возить всех проезжающих, почту и всех курьеров во всякое время года, а главное, всех должностных, которые ездят без прогонов.

В Кузнецовой, несмотря на все старания, не удалось достать молока. Что за причина? — «Скот весь перепал — вот у меня с братом (это был один из самых богатых хозяев в станице) пало до тридцати голов рогатого скота, да 17 лошадей, весной, в прошлом году: так вот весь и падал» — Это у одного хозяина сорок семь голов пало? — «Да, с братом, значит; у нас-таки было скотинки мало-мало, — теперь малость самая осталась, — вон видишь, волов штук шесть, не боле, да кони ходят, тоже малость осталось». — Худо без скота, а достать, поди, негде? — «У меня брат пошел в Забайкалье за скотом, да вот что-то по сию пору нет». Казаки, переселенные из 2-й конной бригады, занимались на родине скотоводством в огромных размерах, и так как там остались «у кого брат, у кого отец даже, — у всех сродственники есть», то они поддерживают сношения с родиной и в случае надобности посылают туда за скотом и т. п. Мы встре-

чали несколько таких паромов, например, даже из станицы Иннокентьевской (около 250 верст за Благовещенск). Почти ежегодно ходит кто-нибудь из станицы на родину, «лопоть» (одежду) привозит, «а то здесь где ее достанешь?» Это правда — достать негде, зато заботливые купцы позаботились уже о том, чтобы снабдить ту же Кузнецову ромом, мадерой и разною дрянью, вроде безделушек из России. Нужно было деньги разменять, я и попал к одному купцу, который открыл мне целый ящик, уставленный ромом и мадерой (американскими, т. е. привозными через Николаевск; зовется американским, хотя бы было чистейшего гамбургского изделия, так же, как и гамбургские купцы зовутся, гуртом, американцами). Впрочем, оказалось несколько ситцевых рубашек, очень недурного ситцу, сшитых недурно (по 1 р. 40 к.) и бумажные платки (американские — по 40 к.), но больше всего ненужных безделушек.

А вот в станице Карсаковой хлеба нельзя было достать — молока, простокваши вдоволь, а хлеба нет. — Отчего у вас хлеба нет? — «И, батюшка, да у нас его совсем нет». — Что

так? — «Да вот два года неурожаи были, так как есть ничего не собрали» — Будто? чем же жили? — «Да уж найдут, как есть нечего, у маньчжуров брали ячмень да буду, да и пекут, так что-то, — вот, пожалуй, найдете, да есть не станете». Сплавщики сказывали, что действительно давали им какой-то хлеб из ячменя с будой, да «сплюнул, есть не стал». Пришла баба огурцы продавать. Медных денег не было. «Да у вас променять чего не найдется ли, сухарей нельзя ли, нам бы оно лучше денег». Да и вправду видно, хлеб в редкость. «А вот зато ноне такие хлеба, что и-и, благодать, только вот полегли уже, такие большущие, дал бы Бог сухой погоды!»

И действительно, началась сухая погода и до сих пор стоят урожаи везде богатые: «и в Забайкалье таких не знавали». Вообще замечают, что с каждым годом урожаи становятся всё лучше и лучше, — лучше ли пахать стали, стряхнули ли забайкальскую лень, или скотинка стала лучше и больше ее, не знаю, но таков замеченный факт. — А где у вас делась Кучумиха деревня? Мы ее что-то не видели. — «Кучумиха-то? да сюда все пересели-

лись. Нас всего было там три двора. Ну, это приехал Карсаков, вышел на берег, ковер разослали, самовар стоит. Ну, и спрашивает: «как вы, братцы, живете?» — «Ничего, мол, ладно, ваше превосходительство... только вот покосов нет, пашни тоже далеко». — «А ну, переселяйтесь ко мне в Карсакову станицу — недалеко, а то что вам тут трем дворам делать?» — «О, ваше превосходительство, переселяться-то, таперича которые есть огороды, так их бросать, что ли? Новые заводи. Домишки, опять, переносить надо». — «Ну, я вам народу пришлю помочь». Подумали этта, что ж — три двора, пользы этто мало, подумали да и сплавили все, теперь ничего, ладно живем. А народ, значит, по сию пору посылает». — Давно вы здесь? — «Пятый годок пошел». — А тут пашни далеко? — «Нет, недалеко, а есть и верст двенадцать». — А покосы близко? — «Покосы эвона, близко, — вот в Кучумихе, бывало, нет, так у манжуров косят». — А ваши не косят на той стороне? — «Пошто не косят? Косят». — А манжуры?» — «Ноне же ничего, не жгут».

По обеим сторонам реки тянутся на огром-

ное пространство внутри богатые луга, трава так и глушит всё. Но время от времени эти луга прерываются хребтами; оттого береговое сообщение по Амуру так затруднительно, и едва ли когда-нибудь будет существовать здесь хорошая дорога. Между тем пароходное сообщение продолжается недолго, а зимняя дорога также плоха: Амур становится очень неровно. Вот отчего, а также и от громадности расстояний все эти богатые места теряют значительную долю своей ценности, как отрезанные значительную часть года от других населенных пунктов.

Чем ближе подплываешь к Благовещенску, тем шире становится Амур, тем роскошнее луга по сторонам его, тем более вглубь отходят горы, наконец, тем более показывается русских деревень и станиц, селения же маньчжур попадаютя беспрестанно, хоть по одному, по два домика. Ночью обыкновенно слышен сперва лай собаки и виден огонек, потом вы разглядываете несколько домиков. Днем видна кучка деревьев, из-за нее выглядывает домик, чистенький, аккуратный; дома разбросаны. Это не русская станица, где скучно

вытянулись вдоль берега один в один вылепленные маленькие дома с двумя окнами, обведенными белой каймочкой, выровненные и поставленные на равную дистанцию; а кругом ни деревца, да и действительно «пошто ходить далеко по дрова, когда они стоят за избой?»»

О Благовещенске до следующего письма.

Современная летопись. 1863. № 43. С. 6–8.

[VII]

Село Хабаровка, 3-го августа 1863 г.

Под самым Благовещенском Амур действительно великолепен: он так широко раскинулся, так прямо течет, а не изгибается по десяткам протоков, так хороши луга по сторонам его и так много деревушек и отдельных маньчжурских домиков с кучками деревьев, что невольно любишься общею картиной и не досматриваешь частности, — не замечаешь, как подплываешь к городку, расположившемуся на левом берегу.

Пробыв в Благовещенске менее суток, что мог бы я сказать вам о нем? Только несколько

слов об общей физиономии города. Город раскинулся на самом берегу, довольно высоком, чтобы не бояться наводнений. Дома красивые, особенно на главной улице, которая, вероятно, и впредь будет, как теперь, самую главную и самую аристократическую. Дом губернатора очень красив, велик, с разными затеями, так что рядом с ним прежний дом губернатора, ныне канцелярия, огромный, в один этаж с мезонином, кажется каким-то невзрачным уродом, — одним словом, дом показался мне слишком красивым для постройки, сделанной руками солдат по служебной обязанности. Но... нельзя же, чтобы на Амуре не было красивых строений.

Перед домом красуются шесть огромных чугунных орудий. Неужели это те орудия, которые везлись по всей Сибири с таким страшным трудом, на нескольких десятках лошадей, везлись по той ужасной дороге, о которой я писал вам в свое время и воспоминание о которой вместе с прохождением партий «сынков» составляет одно из самых тяжелых воспоминаний для сибиряка вдоль по большой дороге и по окрестным деревням? Теперь

эти орудия красуются на берегу, чтобы служить угрозой маньчжурам и игрушкой при торжественных встречах.

Город показался мне довольно оживленным; на улицах видна жизнь. Может быть, это от того, что в то время пришли баржи, разгружались. Не думаю, впрочем: городок стоит на хорошем месте, в нем как-то весело, и самые дома почему-то не кажутся сонными массаами (вы согласитесь, надеюсь, что это часто бывает); в довершение же, множество начатых построек, должно быть, частных, в один, редко в два сруба, придают городу много жизни.

Против Благовещенска, на том берегу, расположена большая маньчжурская деревня Сахалин. Впоследствии я был еще в нескольких маньчжурских деревнях меньше Сахалина и в Айгуне, маньчжурском городе в тридцати с чем-то верстах от Благовещенска; но так как после первого посещения все эти деревни имеют для меня почти одинаковую физиономию, с той только разницею, что в Айгуне больше лавок и домов, чем в Сахалине, а в Сахалине больше, чем в маленьких дерев-

нях, то, не говоря об отдельных деревнях, скажу несколько слов о том, что показалось мне интересным в тех из них, которые я посещал. В Сахалине, при выходе на берег, мое внимание обратили на себя рабочие, — вывозят лес из реки, тут же идет пилка толстых лип, обтесывают бревна. Пилка досок считается у нас одною из самых трудных работ: у маньчжуров она далеко не так трудна. Бревно кладется не горизонтально, как у нас, а под углом в 45° . Нижний пильщик сидит верхом на доске, лежащей под таким же углом, как и бревно, и с постепенным распиливанием последнего постоянно спускается всё ниже и ниже; пила узкая и устроена в роде нашей обыкновенной небольшой пилы, которая приводится в действие одним человеком, разница только в том, что зубья у нее гораздо больше наших; наклонное положение бревна, сидячее положение нижнего пильщика и, наконец, узкость пилы значительно облегчают работу, особенно тем, что нижнему пильщику нет надобности вытягивать руки, чтоб опилки не сыпались в глаза. Пилка идет, впрочем, медленнее нашей[37]. Далее, обтесывают бревно;

топор сделан на длинной ручке, чтобы не надо было нагибаться, и видом своим несколько напоминает нашу мотыку, то есть плоскость железа лежит не в одной плоскости с рукоятью, как в нашем топоре, а в перпендикулярной к ней плоскости; работа делается очень аккуратно и чисто; но китайцы работают гораздо медленнее наших плотников. «Зато русский берет 50 коп. в день, а я пойду в Благовещенск работать за 25 коп., сам пойду и другой пойдет». Вообще малоценность труда бросается в глаза, и если богатые живут хорошо, то рабочие одеты в лохмотья и живут очень бедно и грязно.

Во всем, — в устройстве лодки, сети для ловли рыбы, шляпы, — во всем видно много практичности и отчетливости работы, видно, что не ленятся работать, да и время и рабочие руки есть.

Про убранство китайских домов (убранство маньчжурских почти совершенно схоже) было писано так много, что я не позволяю себе снова описывать его. Скажу только, что посреди всего китайского убранства невольно бросаются в глаза изделия европейские: так

например, у каждого зажиточного китайца или маньчжура увидите несколько настенных часов, которые большею частью или стоят, или показывают различное время; но... несколько часов — гордость китайцев, которые платят в Благовещенске очень дорого даже за плохие часы русской работы; иногда рядом с китайскими обоями увидите стену, оклеенную русскими обоями, русское зеркало и т. п. В лавках то же: рядом с разными китайскими изделиями всякие безделки, навезенные из России или привозные из Николаевска. На первом плане красуется какая-нибудь картинка или зеркальце, а за ними — вы смело можете сказать — кроется какая-нибудь нагая женщина в соблазнительной позе и пр., и пр. ... Китайцы большие до этого охотники.

В ожидании хозяина мы отправились смотреть хозяйство: всё это делается очень бесцеремонно; нравится, так и смотри, даже провожать не пойдут; русские лица видеть попривыкли; но в деревнях гораздо больше всем интересуются, особенно одеждой; всё ощупают, обо всем поговорят между собою, всё обсудят, кое над чем и посмеются. В хозяй-

стве оказалось несколько очень практических и хорошо сделанных вещей, например, корчаги для масла в аршин вышиною, в полтора длины и в аршин ширины, плетены из прутьев и выклеенные внутри бумагою, очень удобные, особенно при страшной дороговизне леса в этих местах (лес плавится из-за трехсот верст и больше; мне приходилось видеть там, охотясь, рубящих лес для доставки в Сахалин); недостаток леса заставил также заняться выделкой глиняных кадок более аршина вышины из очень хорошо обожженной и лакированной глины, превосходной работы [38]. Но больше всего бросается в глаза необыкновенная чистота огородов; нет ни одной сорной травки, растительность густая, поливается своевременно, так что невольно проводишь параллель с русским огородом на противной стороне у казаков, где хозяйка предлагает вам купить арбуз, выглядывающий из-за густой травы в рост человека. При замечательном плодородии почвы, трудолюбии и дешевизне рабочих рук маньчжуры достигают великолепных результатов: например, в одной деревушке я не мог налюбоваться-

ся на коноплю, которой общий уровень, не отдельные особи — *выше сажени*. На нашей стороне мне не случилось видеть такой конопли. Зато мельницы оказались крайне непрактичными, тяжелыми и медленно работающими. Зерно подвергается двум помолам: при первом оно мелется между двумя жерновами, из которых верхний приводится в движение *непосредственно* мулами; при втором зерно мелется под двумя жерновами вертикальными, катающимися по большому камню. Одним словом, один человек, работая постоянно с двумя мулами, может в день смолоть и просеять муки не более четырех пуд; проса может обить до пятнадцати пуд.

В Айгуне, зайдя в полицию, мы увидели орудия, употребляемые для наказания, а именно, лопатки, заменяющие розги, толстый башмак, чтобы в зубы бить, кандалы ручные и ножные, совершенно схожие с нашими, и доски. Мы пошли посмотреть на заключенного в доску. На шею надеваются две толстые доски в вершок толщиной с полукруглым вырезом; потом они забиваются и клеиваются бумагами с печатями. Таким

образом надевается человеку на шею квадратная в аршин дубовая доска, толщиной в вершок, весом в полтора пуда. С этою доской нельзя ни прилечь, ни облокотиться. Чтобы спать, подвешивается подле нары дощечка с маленькою подушкой, и человек ложится головой на эту дощечку, а ногами к стене, так что доска все-таки висит на шее вертикально; одним словом, освободиться от этой тяжести невозможно никаким образом. У заключенного стоит пища: «дают столько, чтоб не умер», — поясняет переводчик. — И долго он так сидит? «Нет, этот маленько украл, недолго, три месяца». — А разве бывает больше? — «Бывает и 3 года, если много украл, и 5, и 6, и 7 лет». После мы узнали, что таким образом заключают в одну доску по два, по три, по четыре человека! Шевельнуться нельзя без общего согласия... Сидят таким образом несколько лет...

Мне так редко случалось заезжать в русские станицы до Михайло-Семеновской, что могу сказать о них несколько слов вообще. В тех, в которые я заезжал, я видел хорошие огороды, хороший скот, хорошо отстроенные

дома со всею обстановкой — заселенного места, пристройками и т. п. и, наконец, ровные места, удобные для хлебопашества и сенокосения. Есть некоторые станицы очень большие (душ по триста мужского пола), например, Екатерино-Никольская, Михайло-Семеновская, и другие несколько поменьше, как Иннокентьевская, Константиновская. Заметно, что живут хорошо и, вероятно, будут жить хорошо, задатки есть.

Заехав в одну станицу, я попал на род праздника. Приехали гости из соседней станицы, идет угощение спиртом, разведенным на теплом чае, мясом с огурцами, крепким чаем без сахара, — все как следует. Разговорились. «Как живете?» — Теперь что, теперь ладно, и скот не падает, и хлебец свой есть». Поднимается одна толстая пожилая женщина. «А ну-те-ка, споемте, каково оно было на Амуре», — и запекает разбитым голосом с телодвижениями в роде перекачивающееся пляски.

*Кто на Амуре не бывал,
Тот и горя не знавал,
Кто на Амуре не побывает,*

Тот горе всякое узнает.

Песня длинна; не помню ее, а потому расскажу содержание.

«Как плыли по Амуру лодочки, приставали к берегу, и на берег выходили офицеры и раскидывали палатку. И как сидели офицеры в той палаточке и раздавали казакам топоры да лопаты, и заставляли казаков копать ямы да канавы. Тут только и узнали, какое оно горе на Амуре. И копали казаки

*Ямочки копали
Тут голодовали,
Амур проклинали.*

Наконец:

*Забайкальские казаки
Запросили плату,
Офицеры им давали
Топор да лопату.*

Песня тут далеко не вся. «Я вам и половины ее не спела. Так вот каково оно на Амуре! Вы вот, ежели офицеры, так знайте, как про офицеров поется песня». Это говорилось с маленькою досадой.

Хинганский хребет, предмет стольких пес-

нопений и восторгов, действительно очень хорош. Амур сперт горами и течет в крутых берегах одним узким руслом; это не та гладь и ширь, которая, с громадностью реки, составляет красоту Амура выше Благовещенска, здесь другой характер, скорее характер Шилки. Но эти горы не шилкинские утесы, на которых заросла ель да лиственница, а под ними видна только глина да гранит и самая бедная травяная растительность. Горы Хингана гораздо положе, все формы круглее, они заросли сверху донизу лесом удивительно приятного мягко-зеленого колорита: то темного на дубах, то светлого на березах, осинах, орешниках; нет синевы, свойственной хвойным лесам, да и самый лес не так густ, чтобы в просветах нельзя было разглядеть траву; напротив, светло-зеленый фон травы, по которому раскинуты деревья с круглыми красивыми очертаниями, фон, который отчетливо выдается между ними, делает горы Хингана удивительно красивыми. По словам тех, кто бывал на юге, они имеют совершенно южный характер; судя по рисункам, могу и я сказать то же.

Проплывши Хинган, вы видите уже только гладь да ширь, да болота, да наносные острова: места далеко уже не так хороши. В большую воду Амур топит почти все станицы, и вот теперь происходит почти повсеместное переселение станиц (от Михайло-Семеновской до Хабаровки) на более удобные места. Снова надо строиться казакам, снова распахать пашни, снова заводить хозяйство?.. Разве не было средств избежать этого? Если бы не гонялись за тем, чтобы на каждых 25, 30 верстах по Амуру был не просто станок, а непременно станица; и если бы станицам предоставляли право селиться там, где казаки нашли бы это удобным, хотя бы и внутри страны, поближе к горам, то этой напрасной траты труда русских людей не было бы.

Современная летопись. — 1863. — № 44. — С. 12–14.

[VIII]

Амур выше Хабаровки, 20-го августа 1863 г. Село Хабаровово попросту Хабаровка, лежит на очень высоком берегу на покатостях небольших гор. Село это довольно большое, как видно из того, что здесь стоял 3-й линейный батальон. Теперь этот батальон двинулся по Уссури к восточным портам, а на смену ему пришел из Кяхты 1-й батальон, который в будущем году тоже должен тронуться и расположиться по р. Суйуну. Трудно сказать, что вышло бы из Хабаровки, если б в ней не стояло линейного батальона, теперь же кроме казенных строений и домов, занимаемых служащими, образовалась еще улица в несколько домов русских и китайских купцов. Осенью Хабаровка оживляется приезжими китайцами, которые являются продавать соболей.

Торговля соболями по Амуру довольно значительна: почти каждый едущий на Амур, хотя бы из служащих, если только у него есть свободные деньги, мечтает о том, чтобы закупить себе несколько соболей. И торговля ими,

говорят, довольно выгодно, особенно была выгодно прежде, когда можно было приобрести соболей очень дешево. Предание гласит, что некоторые из служащих в первые годы приобретения Амура составили себе порядочный капитал, выменивая соболей на разные совершенно бесценные безделки. Теперь приобретение соболей не так-то легко, и их приходится покупать уже большей частью на деньги, на серебряные рубли [39] или на бумажки, причем серебро ходит гораздо выше бумажек (около 1 р. 40 к.). Цены на соболей, конечно, очень разнообразны и зависят от доброты соболя, которая бывает очень различна, от места и времени покупки, наконец, от случая. Нынешней осенью в Хабаровке соболя покупались партиями, или сороками, среднюю ценою в 4 р. 50 к. и 5 р. серебряной монетой за шкурку. В сороке всегда попадетсЯ несколько прекрасных соболей, но много и посредственных соболей покупают и у гольдов, и у казаков, и у китайских промышленников, и по Амуру, и по Уссури; лучше всех считается хинганский соболь, уссурийский ценится ниже. Судя по количеству ежегодно

вывозимых соболей, надо думать, что соболи скоро будут переводиться, и все более и более придется углубляться в горы, чтобы добывать их. Тогда цены повысятся, и эта торговля скоро потеряет свою заманчивость.

В Хабаровке я застал (в середине августа) множество китайских джонок. Приехали нойоны, которые ежегодно едут сверху, собирая подати с инородцев, живущих по Амуру, и доходят только до Хабаровки, — далее их не пускают, так как далее оба берега наши, и податей, следовательно, брать не с кого. Но нойоны прибегают к хитрости, говоря, что им нужно купить соболей для китайского богдыхана; впрочем, их все-таки не пускают, а гольды со страхом спрашивают приезжих, есть ли нойоны в Хабаровке и пустят ли их? В нынешнем году китайские купцы, не знаю почему, боялись даже показывать своих соболей, и если являлся китаец с соболями на улице, то не более как с двумя, тремя; продававшие же большими партиями прятали их в домах иногда у русских купцов за печкой, под лавкой и т. п. Вероятно, это делалось во избежание насильственной покупки соболей нойонами или во

избежание взятки. В нынешнем году джонки стояли выше обыкновенного, китайцы требовали выдачи каких-то беглых, перешедших на нашу сторону и объявивших, что они были прежде русскими подданными. Китайцы грозили привести много-много войска... Не знаю, чем покончится дело.

Наконец нельзя не упомянуть, что в Хабаровке красуется на видном месте большой дом, — фактория амурской компании, — этой так неудачно действующей компании, которая имеет на Амуре три не имеющих работы парохода, множество дорогих служащих и кучи непродającychся товаров.

Недалеко от Хабаровки в протоке, при устье Усури, стоит станица Казакевича. При увеличивающемся внимании к восточным портам многие убеждены, что Хабаровка утратит теперешнее свое значение, которое перейдет на станицу Казакевича, если торговый путь пойдет со временем через восточные порты по Усури.

При этом не могу не упомянуть о следующем факте: всякий сумеет сделать из него выводы. Теперь между торгующими весьма ча-

сто приходится слышать, что и Николаевск скоро упадет и что всё значение его тоже перейдет на восточные порты. Не зная ни Николаевска, ни восточных портов, конечно, я не могу судить, насколько это верно, но и не в этом дело, — для меня интересно существование этого убеждения и радость, заявляемая почти всеми приезжими оттуда, что «этот проклятый город», как они выражаются, упадет. При этом сплошь да рядом слышатся пожелания Николаевску провалиться и т. п. Не знаю, откуда взялось такое несочувствие Николаевску, знаю только, что такое мнение о «городе всевозможных скандалов и мерзостей» (подлинные слова) приходится слышать беспрестанно не только по Амуру, но и почти ото всех приезжавших с Амура. Если спросите о причине такой неприязни, то в ответ вы получите целые десятки рассказов о проволочках администрации, о несправедливостях относительно торгующих, о том, как тянутся дела, о страшной дороговизне, о скуке, о скандалах и т. п. Не жив в Николаевске и не имев возможности убедиться в справедливости рассказов, я, конечно, не могу приво-

дить их, а заново только интересный факт, — которому подобного я не замечал относительно ни Иркутска, ни Читы, ни Благовещенска.

Усури приносит с собою и свою своеобразную растительность с ее удивительным разнообразием и соединением в одном и том же месте, на одном и том же утесе деревьев, по-видимому, совершенно различных климатов: осины и орешника, приносящего огромные грозди так называемых грецких орехов, лещины нескольких сортов, тополя, липы, дуба, березы, винограда и пр. И всё это образует густейший лес, заваленный громадными гниющими деревьями и заросший густейшею травою. Осина и рядом — ореховое дерево с своими огромными перистыми листьями и гроздьями в шесть-восемь крупных орехов, жиденькая береза и в ее тени вьющийся виноградник с большими кистями еще зеленого винограда. А внизу торчат глыбы гранита, в который бьет высокий вал Амура!

Если бы кто-нибудь хотел вынести приятное впечатление из *наружного осмотра Амура*, тому надо бы посоветовать проехаться только до Хабаровки и то не во время боль-

шой воды. За Хабаровкой — оборотная сторона медали. Вот характер местности: невысокие утесы с небольшим слоем глины, а сверху тонкой полоской чернозема, на этих утесах густейший лес; между двух утесов маленькая падь, — в ней болото. По всему Амуру острова, но это временные наносы. Вот был остров наносный из мельчайшего ила (сверху два, три вершка чернозема), но валом его понемногу подмывает, земля обрушивается, и, смотришь, через несколько лет острова как не бывало; зато в другом месте нанесет подобный же остров, — мель увеличится, выйдет из-под воды, зарастет по краям мелким тальником, тальник сделается все больше и гуще, и вот по краям образуется гребень в несколько саженей ширины, а внутри болотистый луг; если же матерой берег близко, то и тянется этот болотистый луг вплоть до гор, а горы, как сказано, сплошь заросли лесом. Кое-где виднеются гольдские деревни, ну да гольдам только и жить тут: рыба есть, чего же больше? Но каким-то чудом попали сюда и русские деревни, — не станки, а большие деревни.

Вот как живут в них: например, на тре-

тъем станке возьму хоть самого богатого крестьянина. Хозяин лет сорок с чем-то, четыре сына, все работники, трое уже работали нынешнею весной на пашне, жена и двое маленьких детей. Вся семья работающая, я в этом убедился, простояв около этой деревни несколько времени, за бурей; поднимаются чуть свет, ложатся поздно, к труду привыкли, да и немудрено, это вятские крестьяне, а не казаки 2-й конной бригады. Впрочем, и самые постройки, дом с четырьмя маленькими пристройками, баней, амбарчиком и т. п., доказывают, что это не казаки, у которых выстроен дом, — и только; иной казак амбаришко порядочный принялся строить только на седьмой год переселения. Следовательно, трудиться готовы, лишь бы труд приносил какой-нибудь полезный результат. А вот результаты труда: у этого крестьянина два клочка пашни, оба на покатостях гор; в одном 150 шагов длины и около 150 ширины, следовательно, 1 дес. 100 кв. саж., тут посеяна рожь-ярица и овес; другой клочок в 120 с чем-то ширины и 150 длины, — рожь озимая и ячмень; всего, следовательно, немного менее двух десятин. И это

у самого богатого крестьянина, а средним числом в тех деревнях, где мне случилось быть, пашень приходилось *немного более полдесятины на семью*. Пашень! Какое громкое название для клочка земли, который и пахать нельзя, земля везде разбрасывается лопатой между пней. На этих двух клочках я насчитал: на первом около 200 пней, на втором более 130. А сколько уже повыдергано этих пней, — целая куча гниет около дома... «Как привезли это нас, высадили, — лес кругом, берег крутой, лес да лес. Даже этого места не знали долго, вот, где дом стоит. Ну вот какой был лес, что вот видишь вся постройка, тут все и вырублено; окромя только избы, та из паромов. Дали это лесу, ну прикупил у соседей: у кого бревно, у кого два, вот и построил. Деньги есть, а хлеба нет и не будет; что добудешь с полдесятины на семью. Паек? Пайка на 20 дней только хватает (из месяца), ну на 10 дней покупать должен. Я вот как пришел, так челковых на 50 уже купил хлеба-то. Сперва всё уж тут пойдет, и рожь, и ярица, и ячмень, и овес, а потом прикупаешь у соседей, у кого остается от пайка, потому на ребят ма-

лых тоже дается». Сказали мы ему, что в нынешнем году везут им не полный комплект хлеба. Призадумался хозяин; худо, ведь и купить будет негде. То покупали по рублю, теперь и купить, поди, нельзя будет. Благо еще деньгами запасся; вот на пароходы уже поставили сажень 25. «Слава Богу, теперь хоть знаем, что деньги платят, а то прежде велено ставить, ну и за деньги ли, так ли, — не знаем; после уж, на другой год, вышли деньги. Теперь это дают квитанции, а зимой по квитанциям получим по 1 р. 27 к. за сажень. Вот хоть этим поддержка; тоже вот, когда пароход снизу идет, всегда заходит, продам молока, яиц, денежки тоже есть». Да что, здесь денег много, в Росее рубль ассигнациями так уж много стоит, а тут серебряный рубль ничего не стоит», — вот кошек купил на рубль восемьдесят серебра, — за Ваську рубль отдал, да за кошку восемьдесят копеек. А то уж бурундуки да мыши одолели, и уж сколько их было, так это Боже упаси; ну, купил кошек, ничего, слава Богу, меньше стало, а то, бывало, так весь хлеб и съедят». — «А теперь зато пташка одолела, и кто ее знает, какая это пташка, видимо-неви-

димом ее налетит, весь хлеб так и ест. Уж мы чего не пробовали: выстрелишь, перелетает рядом и сядет к соседу; чучел вешали, ничего не помогает». Заговорили о покосах. «Да оно что, кое-где это есть, сено тоже хорошее, только уж беда топит; снесет, размочит, — полкопны пропадает, и почнешь собирать в лесу, а его вчетвером в день более двух возов не насобираешь промеж деревьев». — Да вы бы на высоких местах косили, ничего хоть и подальше будет. — «Да где ты их найдешь? Ходили это внутрь искать, — тундра, болота, а то лес; уж мы тут везде высматривали, нет ли местечка, да нет, нигде нет, место бы и хорошее, — леса нет, да вот, поди, топит». — «Эх, хлеб одолел, кабы было где хлеб сеять, не то бы было».

Это в одной деревне, а вот в другой, — в Мылках. Сперва о местности: наносной гребень в 10 саж. шириною, от него покатость к реке градусов в тридцать пять; за домами, расположенными на гребне, неглубокая впадина, идущая до гор. В этой впадине и часто между домами топь, кочковатое болото, поросшее мелким лесом. Деревня примыкает

одной стороной к небольшому утесу, подходящему к реке вплотную. В этой деревне, состоящей из 30 семей, «пашень» разработано лопатами да кирками около 15 десятин. Я сам обошел все эти «пашни» за исключением трех-четырёх десятин, находящихся верстах в пяти от деревни, около озера; прочие расположились частью на утесе, где вырублен лес, между пней, частью на спуске от домов к реке, *на покатости в тридцать пять градусов!* — Где твоя пашня? — «А вот». И я увидел несколько клочков, лепившихся около бани, каждый по нескольку квадратных сажень. — Это всё, что ты распахал? — «Нет, еще на утесе есть». Полез я на утес. Он вышел вплотную к Амуру, который огибает его, ширь тут огромная, место вполне открыто бурям, которые весь хлеб перекрутили, перемяли. — «И не знаем, как косить станем, да и Господь их знает, какие-то слабые эти хлеба, совсем не держатся». — «Да, а скосишь, что толку будет? Вон мы скосили, — говорят несколько мужичков, которые пригорюнившись стоят около скошенной ярицы, сложенной в крестцы. Действительно, хлеб весь пророс и никуда не

годится после двадцатидневных непрерывных проливных дождей. «Эх, Господи, вот напасть-то. Ну что весной поседем?» — Подвезут вам. — «Да когда подвезут. Нет, видно, вовеки нам хлебушка своего не дожждаться». — «Уж так это плохо, так-то скучно здесь, наказал Господь за грехи. Высадили это нас, — орешник густой такой, топорами прорубались вот сюда, где дома-то, да и тут не радости пошли, — вишь болото какое. А весна придет, все примемся копать пашню лопатами, бабы, ребята, все уж тут работают; поясница болит, ну да, думаешь, свой хлеб-то будет, а тут вот бурей повалило, перекружило, хоть что хошь делай, а то пташка одолевала, видимо-невидимо налетит, а тут опять дожди, ведь 20 дней не переставаячи, дожди да дожди, весь хлеб как есть погноили. Что за напасть такая!» — А где у вас сенокосы? — «Да где, по островам; вот на аршин[40] вода еще прибует, — всё затопит, ну и коси тогда по утесам, в лесах, а много ли там накопишь? И в лесах-то ведь все болото». — «И во всем-то тут худо. Вот теперь топоры, — и тех негде взять, купил я это американский топор, крепкий то-

пор, хоть что хошь руби, — только уж пообтерся порядочно, третий год служит. Три рубля дал, у солдата купил, а теперь точить вон не на чем, уж мы искали брусков, точильного камня, нет нигде, а казенный брусок весь вышел. Купил я американских подпилков, — ничего, берет хорошо спервоначалу, потом глядишь, весь потрется».

— Ну, а скот как держится? — «Ну, скот, что говорить, скот хороший, за лето так отъестся, любо посмотреть, — работы нет ему никакой, тут не только что на телеге, на лошади не проехать. Ну, опять скотом начальство хорошо снабжало: дали по одному комплекту, пал; это на другое лето опять приплавил, а потом опять давали, кому лошадь, кому корову. Нет, это что, грех пожаловаться».

«А вот до Горюна доедете, так там еще лучше увидите», — говорили мне несколько раз, «недаром же Горюном зовется»[41]. Но дальше Мылок я не поехал. Полученное здесь известие о разбитии четырех рейсов сплава, т. е. 48 барж с хлебом и разными припасами для Николаевска и этих же крестьян было причиною того, что направление моей поезд-

ки изменилось, — я поплыл вверх на лодке. У крестьян нашлась хорошая довольно большая гольдская лодка, с маленьким дырявым парусом; оказалось, что можно нанять и гребцов. Устройство гольдских лодок очень простое, но удобное, эти лодки очень хорошо ходят вверх на гребях и на парусе, и на них удобно можно переплывать Амур, даже в сильное волнение, несмотря на его большие, совершенно морские волны, лишь бы был хороший рулевой, который всегда держал бы лодку, подставляя валу корму, а не борт, иначе лодку мгновенно зальет водою, несмотря на высокие борта. Подчас страшно становится за гольдов, когда они при сильном низовом ветре переезжают Амур на крошечной лодке вдвоем, причем на веслах иной раз сидит мальчишка лет одиннадцати. Впрочем, наши крестьяне, приобретая от гольдов их лодки и оморочи (берестяные узенькие лодки), приобретали от них и умение плавать по широкой и бурливой реке, «а у себя-то дома и лодок не держали, — хоть была речка, да мелкая; ну, да уж натерпелись мы на Ингоде, пока привыкли к воде, — наших трое вон раз

чуть не утонули спервоначалу, — а теперь не хуже гольдов плавают». Крестьяне наши хвалят гольдов и живут с ними даже дружно, хоть и зовут поганую тварью, а подчас берут у них рыбу и не брезгают варить в их котелках и есть из их чашечек. Гиляков не хвалят: зверь народ, а гольды, говорят, хороший народ.

На обратном пути заезжал я еще в деревни Маю и Долю (гольдская Маэ, Доле) и видел те же пародии на пашни, слышал те же рассказы, с тою только разницей, что, едучи вниз, я слышал опасение, что хлеб прорастет, теперь оказалось, что и ничтожное количество выросшего хлеба действительно везде проросло и положительно никуда не годится.

В Доле я шел по довольно еще отлогой покатости горы к одному дому, — покупать молока (скот есть и порядочный).

— А вот наша пшеница, — говорит одна баба, — куча навоза, и только, все сгнило.

Я нагнулся: действительно, должно быть, росла пшеница, судя по сгнившему прогоркшему колосу.

— А вот ярицу сеяли, да трава заглушила.

Трава в аршин, хлеба не видно. А рядом бьют землю лопатами, родом большой мотыки, — готовят «пашни». Напал я на одного старика, — плачет, показывает свой клочок сгнившего хлеба: «За что мы тут все пропадаем? Не дожидаться нам хлеба. Уж мы просились, просились отсюда, — нет, ничего. Вот ждали, сказывали, царский адъютант проедет (генерал-адъютант Лутковский), ждали мы его, да нигде, сказывают, по деревням не заезжал[42]. Уж мы не знаем, к кому доходить», — прибавил он с желчью. Старик все плакал и твердил: «Пропадем мы тут, пропадем; худо тут, — хлебушка не родится». Крестьяне, говорят, ко всякому проезжему бросаются с такими же жалобами, особенно ко всякому, носящему военную фуражку, — просят помочь, умоляют, чтобы их переселили куда-нибудь, например, на Уссури.

Вообще не только в Доле, но и во всех этих деревнях крестьяне убедились, что тут они ничего не добьются, что труд их пропадет даром, а потому — теперь их единственное желание переселиться куда-нибудь по Уссури, к Благовещенску, куда позволят. Говорил я,

например, на 3-м станке с тем богатым крестьянином, владельцем двух десятин. — Что вам была за охота переселяться из России? — «Сенокосов не было дома, да лесу не было, ну и худо. Пожелали сюда идти, ведь избавление от податей на 16 лет, от рекрутчины на 6 наборов. А теперь так сами не рады. Наши вон все просят на Уссури. Да и я, так только говорится, жаль постройки, а и то переселился бы: здесь ведь хлеба не дождаться».

Конечно, найдутся господа, которые скажут: «Да, знаем мы этих лентяев!» С этими господами, конечно, и спорить нечего, но так как на мнения этих господ могут сослаться те, которым не хотелось бы сознаться, что поселением крестьян между Николаевском и Хабаровкой сделан громадный промах, то я нарочно и привел пример самого работающего крестьянина, владеющего самыми благоприятными условиями, — и что же он разработал в эти года? Две десятины!

Да наконец, у кого из крестьян руки не отнимутся, видя такие жалкие результаты от таких больших трудов? И слышат же при этом, как «наши же крестьяне втроем ушли в

прошлом году на Завитую (речку около станции Поярковой) и сказывают, что разработали в первый же год 12 десятин, их-то стали требовать, один и вернулся, ну, хотели примерно его наказать, однако простили». — Да за что наказывать? — «А без билетов ушли все трое, жен своих здесь оставили, дескать, может, выйдет разрешение, ну, тогда семью переведут». И добро бы был недостаток в земле, — тогда занятие таких мест, как места от Хабаровки до № 16 станка, имело бы какой-нибудь смысл. Но зачем заставлять работать в таком месте, где труд дает плохие результаты, когда есть под боком места, где тот же труд дал бы результаты вдесятеро лучше? Если бы крестьяне были поселены в окрестностях Благовещенска, разве это не было бы выгоднее правительству? Правительство и теперь еще их кормит, дает паек и долго еще будет кормить, а если б они были поселены около Благовещенска, то продавали бы уже хлеб, и как бы пригодился этот хлеб теперь, когда погибло от бури с лишком 100 000 пуд. муки. В самом деле, смешно даже доказывать, что гораздо выгоднее обществу, если человек

трудится над тем, что приносит хороший доход, чем над тем, от чего он, потратив втрое более сил, получит вдесятеро менее дохода. Мы долго думали, какие соображения могли бы быть причиною заселения этих мест. Почтовая гоньба? Заготовление дров? Но разве пять, шесть, на некоторых станках десять семей ссыльнопоселенцев, крестьян-казаков или же солдат не могут содержать почтовой гоньбы и заготавливать дрова (от 50 до 100 саж. в год)? Разве не было бы выгоднее увеличить производство хлеба на Амуре поселением нескольких сот семей на удобных местах, и удешевить хлеб, а затем хотя бы постоянно давать этот паек пяти-шести семьям, чем постоянно же кормить целые деревни пайком (причем пуд муки обходится около 1 р. 50 к.)?

Современная летопись. — 1863. — № 45.
С. 4–7.

[IX] Из Иркутска

19-го февраля 1864 г. После страшной засухи, которая, начавшись с лета 1862 г., продолжалась до середины июня 1863 г., полили в Забайкалье и на Амуре страшные дожди; в конце июля и начале августа задули на Амуре сильные низовые ветры, и дожди пошли проливные, не переставая около трех недель. Наконец, 4-го и 5-го августа пронесся по Амуру страшнейший ураган, который разбил в разных местах 48 барж с мукой, крупой, мясом, солью и разными припасами для Николаевска и для крестьян, поселенных между Хабаровкой и Николаевском. Потеря, за вычетом всего спасенного, оказалась огромная: около 100 000 пудов муки, 12 000 п. крупы и 23 000 п. разного груза — мяса, гороха, масла, холста, сукна и т. п. На разбитых рейсах[43] удалось спасти очень немного, так, например, из 54 000 п. груза спасено было не более 10 000 п., и только на одном рейсе, хотя баржи и залило водой, но их удалось вытащить, отлить воду и спасти груз, состоящий из муки; мука же, как извест-

но, от воды покрывается только сверху корою не толще вершка, а далее не пропускает воды.

Ряд неудач, претерпеваемых сплавом (который только в 1862 г. дошел благополучно), невольно заставляет задуматься о средствах избежать этих неудач. Задача эта не так легка, как кажется с первого раза. Во время моего приезда в Россию зимою нынешнего года мне не раз случалось слышать самые поверхностные разрешения этого вопроса от лиц, интересующихся амурскими делами, но совершенно незнакомых с Амуром, воображающих его речкой вроде Невы и готовых встретить рассказ о гибели 48 барж с недоверием, на том основании, что не может же разбиться столько барж на реке.

Поэтому постараюсь вкратце указать трудности этого вопроса.

Сперва продовольствие справлялось на Амур на баржах четырехугольных, чрезвычайно неуклюжих и глубоко сидевших (говорят, около двух аршин). При этом имелось в виду, что на месте эти баржи пойдут на постройку домов. В первые годы приобретения Амура, по стечению счастливых случайно-

стей, воды было много, и эти грузные постройки счастливо проходили Ингоду; но понятно, как трудно было таким баржам отбиваться от утесов и протоков, куда их заносило течением, как трудно было им сниматься с мелей и как трудно причаливать к берегу. Причаливание к берегу производится очень оригинальным образом: выбирается мягкий, приглубый берег, и баржа прибивается к нему, очень медленно изменяя направление движения с помощью носового и кормового весел, когда она идет уже возле самого берега, тогда или соскакивает кто-нибудь на берег, или съезжают на лодке с причальным канатом, завертывают его за дерево, куст, камень, и канат «травят», т. е. отпускают постепенно. Понятно, что на быстрой Ингоде чрезвычайно трудно остановить быстро несущуюся баржу; оттого иногда канат лопаётся и баржу уносит вниз уже без лодки и нескольких людей, сошедших на время причаливания. Тогда она причаливает там, где Бог поможет; иногда бывают и раненые от лопающихся канатов. Понятно, как при таком способе причаливания трудно было управиться с четырех-

угольной баржей, которую при приближении одним углом к берегу постоянно вертело течением. Впоследствии сделали шаг вперед, баржи стали делать пятиугольными, — вроде утюгов, но все-таки чрезвычайно тяжелыми и неуклюжими. Наконец, теперь баржи строятся с закругленным носом и кормой, плоскодонные, разумеется, с крышей, и довольно свободно могут управляться семью или восьмью рабочими, нагруженные 400–500 пуд. груза, с 7-ю человеками и провиантом для них на два или три месяца, они сидят около 14–16 вершков.

Эти баржи несравненно лучше прежних, но все-таки не пригодны для плавания по Амуру. При постройке их приходится иметь в виду несколько совершенно несовместимых условий, зависящих от того, что имеются в виду две совершенно несходные реки: Ингода, узкая, горная река, быстрая, но мелкая, для которой самая большая осадка может быть в аршин[44], и Амур, ниже впадения Сунгари, — огромная, широчайшая река, с морским характером, — бурями, крутыми валами, которые разбивают ныне строящиеся баржи в

цепки.

Но кроме того, приходится принимать в соображение еще и то, что баржи строятся для того, чтобы сделать один только рейс до Благовещенска или Николаевска, где продаются за 25 рублей.

Вот каким трем несовместимым условиям должны удовлетворять они: мелкая осадка, прочность и дешевизна.

Так как при постройке барж приходится стремиться к тому, чтобы удовлетворить всем трем условиям, то баржи выходят и грузно сидящими, — настолько, что в нынешнем году они стояли с месяц в 12 верстах от Читы, не имея возможности тронуться — и дорогие, и не прочные, что доказал опять опыт нынешнего года.

В Забайкалье и на Амуре приходится слышать много толков о сплаве, при этом существуют три различные мнения: одни утверждают, что сплав может и должен производиться по-прежнему, что если сплавы разбивались прежде, то это происходило от неопытности; если же сплав разбит в прошлом, 1863-м году, то это от случая, от

необыкновенной бури. Действительно, такие бури бывают редко, но дело в том, что баржи не выдержали бы и более слабой бури, наконец, кто же поручится, что такой бури не будет и в будущем году? Нельзя же подвергать край риску в одно прекрасное лето остаться без хлеба, да и, наконец, слишком накладно будет переносить часто подобные потери.

Гораздо основательнее, кажется с первого взгляда, мнение других, утверждающих, что гибель барж случилась от того, что они могли тронуться из Читы не в апреле или мае, когда река очистилась от льда, а только в середине июня, когда прибыла вода; оттого, несмотря на необыкновенно скорое и благополучное плавание, они попали на низовья Амура, — около Хабаровки, — в начале августа, т. е. в то время, когда преимущественно бывают на Амуре бури. Поэтому предлагают всегда иметь в Николаевске годовой запас всего необходимого, и если баржи по недостатку воды весной выйдут поздно из Читы, то не посылать их далее Благовещенска, где они должны перезимовать и идти в Николаевск лишь с раннею весной будущего года.

Действительно, тут есть доля правды. Бури преимущественно бывают осенью, но они бывали и в мае, и одной такой бури достаточно, если не для того, чтобы оставить Николаевск без провианта, то для того, чтобы подвергнуть его многим лишениям, так как трудно иметь годовой запас решительно всего необходимого. Кроме того, заготовление этого двойного запаса в один год и постройка магазинов для хлеба, зимующего в Благовещенске, потребовали бы больших единовременных затрат, а на такие деньги можно бы завести пароходами и железными баржами.

Вообще, если баржи не в состоянии выдерживать амурских бурь, то как же посылать их с риском подвергаться этим бурям? Но дело в том, что это убеждение во многих не вкоренилось еще, и эти лица ждут объяснения гибели барж в других обстоятельствах, совершенно второстепенных. Так например, моряки задают вопрос, были ли у баржи якоря и, получив отрицательный ответ, говорят: «Еще бы, как же можно плавать без якорей? Якорь — первое условие плавания». Мы не можем отрицать пользы якоря, — во многих случаях

сплавщик оценит всю его пользу, мало того, при ветре, довольно сильном (но не буря), якорь незаменим — но во время бури он несколько не поможет: в одном рейсе баркас (баржа в малом виде) стоял на якоре не у берега, а ближе к середине реки (на том основании, что волнение сильнее у берега от взаимного усиления волн, идущих к берегу и возвращающихся от него). Волны так стали разбивать баркас, что рейсовый начальник едва успел приказать притянуть его к берегу, чтобы, если он разобьется, то по крайней мере люди могли бы спастись. Моряку якорь необходим, чтоб удержать судно на известном месте, но моряк забывает, что он имеет дело с посудой, которая не боится собственно волн, которую волны не расшатают, а баржа такая посуда, которая их боится. Баржи гибли не от того, чтоб их ударяло в берег и разбивало этими ударами, а просто не выдерживали волнения: баржа расшатывалась, доски в бортах «просто ходили», по выражению сплавщиков, вследствие этого конопать вышибалась, и в это отверстие, в палец шириною, вливалась вода; кроме того, доски в бортах расшатыва-

лись на стыках (там, где кончается одна доска по длине и начинается другая), течь становилась так сильна, что люди не успевали отливать воду, — баржу заливало; или же сносило крышу и заливало баржу сверху, или же подламывало ее посередине там, где приподнимало валом, нос же и корма висели чуть не над бездной. Якори, необходимые в других случаях, тут ровно бы ничему не помогли. — Другие обвиняют рейсовых начальников за неуменье выбрать место для остановки[45]. Но рейсовые начальники причаливались в тихую погоду у удобного, по-видимому, берега. Ночью поднимался такой ветер, не совсем низовой, что баржи прибывало к берегу, им не было возможности отойти, переменить место, так как они движутся только силою течения, которое на низовьях Амура довольно слабо и пасует перед сильным низовым ветром. Что же им оставалось делать? Ждать результатов бури. Во время же бури трудно было спасти гибнущие баржи: если б одна или две из них подвергались опасности, тогда можно бы было собрать народ со всех остальных и отливать воду. Но их стало заливать

почти одновременно, — отовсюду бежали к рейсовому начальнику старшие с криками: «В[аше] Б[лагородие], номер такой-то тонет, такой-то номер заливают, крышу сорвало» и пр., и пр. К тому же это было ночью при проливном дожде; чтобы попасть с берега на баржу, надо было спуститься в воду, рискуя в темноте быть залитым валом или получить удар от бросаемой баржи; на мокрой крыше ее нельзя было держаться, — как тут спасти груз? Будь рейсовые начальники в десять раз опытнее, они все-таки ничего бы не придумали.

Одним словом, прежде всего необходимо прийти к убеждению, что сплавы разбиваются не от случая, не от неопытности рейсовых начальников, а от того, что ныне строящиеся баржи положительно не пригодны для плавания по Амуру, что они слишком слабы, что достаточно бури гораздо слабейшей, чем та, которая была в нынешнем году, чтобы разбить и более барж. Тогда возникает вопрос, отчего же баржи слабы? Построены ли они небрежно, или нельзя их иначе строить?

Хотя мы выскажем желание, чтобы баржи

(если уж оставаться при прежней системе сплава) строились прочнее, и убеждены в возможности этого, потому что лишних 10 пуд. железных скреплений не увеличит осадки баржи, и чтобы сплав лучше снаряжался лодками, топорами и многим другим, — но с другой стороны, тут же оговоримся, что хотя бы баржи строились идеально хорошо при условиях, ныне принимаемых в соображение, при легкости, дешевизне и прочности они все-таки будут разбиваться в щепки от амурских бурь; амурская же буря, как, например, буря 4-го и 5-го августа прошлого года, бывает так сильна, что пароходы «Телеграф», «Лена», «Казакевич» и др., разбросанные на протяжении более 1000 верст, едва могли спастись, несколько раз переменяя место во время бури, первый же пароход должен был во все это время держаться под парами, так как якоря не могли удержать его.

Одни только железные баржи могут выдержать подобную бурю, — железные, буксируемые пароходами, — и производство сплава на таких баржах есть единственный исход.

Но... тут-то и встречается камень преткно-

вения. Для того, чтобы иметь достаточное количество барж и пароходов, чтобы поднять весь сплав, необходима единовременная затрата капитала, которую местными средствами, конечно, невозможно сделать. Сделать же ее необходимо и немедленно, — не рискуя еще раз потопить в Амуре груза на несколько сот тысяч рублей и в минуту необходимости оставить Николаевск без хлеба и припасов. Решиться на такую затрату надо тем более, что она не будет слишком велика, так как и теперь уже постепенно заводится несколько пароходов с железными баржами.

При этом нельзя умолчать о том, что сперва необходимо нам самим твердо проникнуться убеждением, что невозможно плавить хлеб в Николаевск на одних и тех же судах как по Ингоде, так и по Амуру. Это убеждение до сих пор не довольно твердо вскоренилось во всех, иначе бы, конечно, хотя часть груза сплавлилась бы на пароходах, имеющих железные баржи. Таких пароходов летом 1863 г. имелось уже три[46], а между тем ни один из них не помогал сплаву (до тех пор, пока сплав не разбился), а стосильный пароход «Амур»

должен был развозить ненужный дубовый и ореховый лес да почту, потому что думалось, что ничего, — Бог поможет, сплав дойдет благополучно.

Современная летопись. — 1864. — № 14. — С. 11–13.

[X] Из Иркутска

31-го марта 1864 г.
Во время моего возвратного пути с Амура в августе и сентябре прошлого года Амур представлял печальную картину: сплав был разбит, крестьяне, не имевшие своего хлеба, сильно приуныли, сено все снесло, и приходилось снова косить на новых местах, — по хребтам в лесах, — «а много ли его в лесу в день-то насобираешь?» Амур разлился страшным образом, — иногда мы видели перед собою целое озеро грязной воды в несколько верст шириной, озеро, из которого кое-где торчали деревья и кустарники затопленных островов. Вода же все прибывала: навстречу неслись нам бревна, деревья, вырванные из берегов, и обломки барж[47]. Картина

была грустная. В Хабаровке мы узнали, что такое же наводнение, немногим уступающее наводнению 1861 года, было и на Уссури: восемь станиц, говорили нам, залиты водою.

Выше Хабаровки расположен амурский пеший батальон (казачий, разумеется). Наводнение и тут было громадное, — многие станицы были совершенно затоплены; мало того, пашни казаков, которые после 1861 года распахали землю на новых местах, тоже были залиты водою Амура или побочных речек, деревни торчали оазисами посреди целых озер, даже в больших станицах, как Михайло-Семеновская, сообщение между домами производилось с помощью плотов и лодок. В Михайло-Семеновской теперь находится батальонный штаб, который прежде, кажется, предназначался в станицу Екатерино-Никольскую. Эта последняя, стоящая на высоком берегу, в хорошем месте, показалась неудобною. Из каких-то стратегических целей, будто бы для того, чтобы командовать устьем реки Сунгари [48], батальонный штаб и несколько чугунных орудий были расположены в станице Михайло-Семеновской, где выстроены канце-

лярия, школы и т. п. Все это было бы очень хорошо, но теперь оказалось, что и станицу, и штаб, и орудия, стоящие на берегу, все топит во время наводнений, и потому теперь, вероятно, придется переносить батальонный штаб в станицу Екатерино-Никольскую.

Учитывая этот факт, мы при этом очень хорошо сознаем невозможность обойтись без ошибок при заселении такого громадного пути, как Амур; но вместе с тем приводим его как подтверждение необходимости более дорожить трудом казаков; при большей обдуманности и осторожности можно было бы избежать подобных промахов. То самое, что эти места мало заселены туземцами, должно было навести на сомнения, сомнения — на расспросы, а расспросы, вероятно, обнаружили бы, что Амур часто топит эти места.

В Михайло-Семеновской станице мы узнали еще одну печальную новость, — о гибели барж с частью механического заведения. Как вам уже известно, в Сретенской устанавливается механическое заведение для починки пароходов и т. п. Часть его была отправлена из Благовещенска в Сретенск еще в начале про-

шлого лета (в июле)[49], другая же часть, состоящая из огромных ящиков по несколько сот пудов, была отправлена из Николаевска на деревянной барже, у которой крыша была снята для удобства нагрузки, на буксире у парохода Уссури. У Михайло-Семеновской руль на барже сломался, и для починки его требовалось остановки, вероятно, не более суток. Но капитан парохода, не знаю уже почему, торопился в Благовещенск и заблагорассудил, оставив баржу у берега, на котором расположена станица, уйти с пароходом в Благовещенск. В это время задул ветер, разразился 4 и 5-го августа бурей, и баржу стало заливать в виду всей станицы, а так как на барже был только один сторож, то дело кончилось тем, что баржу в продолжение ночи залило волнами, и она села на дно. Говорят, что и утром еще можно было бы спасти ее, так как собственно баржа не потерпела значительных повреждений. Не знаю, насколько это верно: когда мы пришли, воды прибыло настолько, что над баржею свободно мог бы пройти пароход.

Выше Михайло-Семеновской, в амурском

батальоне, мы встречали то же самое наводнение; даже частные лица, которые могли сами выбрать себе хорошие высокие места, и те не избежались от опустошений, то есть г. Амурский хлебопашец[50], который с паразитическим усердием несколько лет занимался хлебопашеством на Амуре, с необыкновенною твердостью перенося всевозможные лишения и невзгоды, — и тот в несколько дней увидел все свои надежды разрушенными: поля (находившиеся верстах в двадцати от Амурса) залило водою, и все погибло.

Вообще вся местность, занятая амурским пешим батальоном, чрезвычайно неудобна: во время большой воды ее всю топит, и в нынешнем году амурский батальон лишился своего хлеба, так что на прокормление его потребовалось около 40 000 пуд. муки. Что можно было послать из Благовещенска, было послано, именно 25 000 пуд., и то в надежде, что можно будет купить несколько хлеба (тысяч десять пуд.) у крестьян, поселившихся по реке Зее.

И снова является вопрос: для чего же нужно непременно занимать эти места больши-

ми станицами? Неужели и тут нельзя было устроить только почтовые станции, а людей селить в тех местах, где можно жить своим хлебом, то есть в окрестностях Благовещенска, где сгруппировалось и маньчжурское население? Эти места при хорошей обработке были бы запасным хлебным магазином для Амура за Хабаровкой, теперь же, когда разбился сплав, да к тому же случилось наводнение, надо было думать о подмоге из Забайкалья. Но и оттуда трудно было ждать подмоги; там тоже разыгрались реки, в особенности Шилка и ее притоки, и наводнение тоже было страшное; наконец, наступила осень, поздно было уже выслать хлеб, так как вскоре должна была пойти по рекам шуга (лед)[51]

В самых последних числах августа мы пришли в Благовещенск. Там благоденствовали сравнительно с тем, что мы видели на низовьях; хлеб не дорог, через реку находится большая маньчжурская деревня, а маньчжуры за недорогую цену снабжают скотом[52], бузою, овощами, разной живностью, а крестьяне с Зеи навозят ржаной муки (так как маньчжуры не сеют ржи[53]), зелени, арбу-

зов. Арбузы привозились возами и продавались в розничную продажу от 6 до 10 к. за штуку.

Пробыв в Благовещенске и 1-го сентября, в ожидании отхода парохода, мы видели, как оживает этот городок в первые дни каждого месяца, приезжают маньчжуры, отпирают свои лавки, которых можно насчитать на базаре, я думаю, с тридцать, и начинается деятельная торговля всякою всячиной: продают пшеничную муку, живность, мясо, рис, табак, ганзы (маленькие медные трубки, насаженные на тонкий черный чубук в пол-аршина и мундштуком из какого-то сероватого камня), чашки фарфоровые и деревянные, чрезвычайно употребительные между русским населением, конфеты, всегда несколько воняющие травяным маслом, которое маньчжуры употребляют в пищу и которым сами насквозь пропитаны, шелковые материи, халаты, фонари, зеркальца и прочие безделки, на которые бросаются русские на первых порах знакомства с китайщиной. Но лучше всего все-таки торгуют «ханшиной» (рисовую водкой), которую китайцы пьют чашечками с на-

персток, а русские большими деревянными чашками; вследствие чего между русским людом на первых порах сильно развивается пьянство. Все эти товары, впрочем, довольно низких достоинств. Рис очень не чисто выделан и имеет розовый цвет, из прочих же вещей сбывают здесь то, что нейдет с рук у себя дома. Но маньчжуры народ чрезвычайно торговый, а потому, если покупатели будут позыскательнее, то и они станут продавать товары лучших достоинств и обратят внимание на лучшую обработку риса и на то, чтобы изделия не воняли маслом. Почти каждый маньчжур, имеющий какую-нибудь собственность, непременно начинает торговать чем-нибудь, покупает всякие меха, — соболя, лисицу; а если торговать уже нечем, то всегда готов доставить вам то, что вы попросите. Помню, я изъявил желание купить бамбуковую трость[54] и сказал об этом одному маньчжур, который сам ничем не торговал, он не поленился переехать через Амур (а это шутка: Амур будет против Благовещенска шириною более версты и довольно быстр) и в тот же день привел с собою другого маньчжура, у ко-

того были трости, зная, что я куплю одну трость, много две. Вообще их набивается всегда очень много на пароходы, они бесцеремонно забираются в каюты, жмут руки сидящим в ней, приговаривая обычное «мунду», и, закурив свои ганзы с вонючим табаком и беспрестанно отплеываясь во все стороны, сидят хоть бы только для того, чтобы посмотреть на то, что мы делаем. Если на столе лежат перо и бумага, то кто-нибудь из гостей садится писать, или, если умеет, то и рисовать, причем перо, конечно, оказывается неудобным, и он достает свою кисть. Обыкновенно рисунок изображает какого-нибудь важного маньчжура, с страшными глазами никана (китайца), которых они, по-видимому, недолюбливают.

Из Благовещенска мы выбрались только вечером 9-го сентября, так как наш пароход должен был взять с собою на буксире две баржи, одну с товарами, другую со вновь переселенными казаками, в числе около 200 человек.

Кстати ли, не кстати ли, но делаю небольшое отступление о вновь переселенных каза-

ках, по возможности короткое.

Вновь переселенные, сынки, кадеты, гольтепаки, бузуй, эти слова часто приходилось нам слышать на Амуре. Постараюсь слегка ознакомить вас с теми людьми, которых называют этими именами, слегка, конечно, потому что для того, чтобы писать об них подробнее, надо было сделать с ними более подробное знакомство, чем то, которое я мог сделать, плывя с ними на пароходе.

Во всяком гарнизонном батальоне накаплилось много «сволочи», другого названия им не было, в Сибири же рабочих рук мало, а потому граф Муравьев и предложил прислать в Восточную Сибирь всю эту «сволочь», конечно, думая при этом, что когда они попадут в новую страну, где неволей иль волей придется работать, заниматься обработкой земли, то из них выйдут порядочные люди. Для этого и было решено поселить их между казаками, «сынками» к различным хозяевам. Полжизни своей, после отдачи в солдаты, прожили эти люди, не имея в руках никакой собственности, кроме казенной, не работая ничем, кроме ружья для приемов. Попадались

они в чем-нибудь, их секли; если это усиленное сечение вело к тому, что человек еще более озлоблялся и делал, наконец, что-нибудь похуже обыкновенного проступка, тогда, наконец, решались отдать его под суд, прогоняли сквозь строй и затем махали уже на него рукой. Потом повели таких людей в партии через всю Сибирь, а это, как известно, самое лучшее средство испортить даже неиспорченного человека. Веселая компания, близость с личностями, проповедующими, что солдату у мужика украсть не только можно, но даже чуть ли не должно, сближение с ними, как и всегда бывает в дороге, воровство по пути, пяти-шеститысячный путь с возбуждаемым им озлоблением, когда он неудобно проходит — всё это замечательная школа (о которой, впрочем, уже довольно было писано по поводу арестантов). Ну, и вышли люди разные, но главные отличительные признаки большинства — это склонность к пьянству, отчасти к воровству, и страшное озлобление против всякого начальства, всё равно: винного или безвинного; «какое начальство во всякую минуту не виновато перед нами по закону?» Вот

фраза, которую мне приходилось слышать не раз.

Казачи, по многим причинам не любящие новых пришельцев, встретили их недружелюбно. Да и как было им смотреть на человека, вошедшего рабочим в семью по приказанию начальства, да еще и неумелого, совершенно отвычного от сельских работ. А на женатых еще пришлось обществу даром строить избы. Уж Бог, впрочем, знает, как были во многих батальонах построены эти избы, как снабжены хозяйством. В результате вышло то, что казаки сразу не полюбили сынков, а сынки и их не полюбили, отчасти потому, что вообще «расейские» свысока смотрят на сибиряка, отчасти потому, что не за что было полюбить при неприязненной встрече.

Так как хлебопашество вообще им не давалось, по собственному неумению, по невозможности одному человеку взяться за хозяйство, так как другим не жилось в семьях и пр., и пр., то они стали ходить на работы на прииски, в Сретенскую гавань, на сплав и т. п., т. е. на такие работы, где всё как будто нарочно подстроилось для того, чтобы человеку

еще более испортиться.

Между тем так как в Николаевске, от недостатка рабочих, была страшная дороговизна рабочих рук, то туда послали часть этих сынков из амурского батальона. Но к работе они были непривычны, заработная плата не могла соблазнить их, потому что впереди ничего не предвиделось, как только выпивать на свой заработок; следовательно, понятно, что рабочие вышли из них прескверные, а так как водка, ром и т. п. в Николаевске не дешевы, то для того, чтобы было на что выпить, пришлось пуститься на воровство, — и в Николаевске развилось страшное воровство. К тому же прошлым летом боялись уже, что сплав может не дойти, а потому порешили отправить сынков из Николаевска в Благовещенск. В Благовещенске тоже тяготились подобными сынками, а потому порешили собрать их из Благовещенска и отправить в Забайкалье, там-де что-нибудь с ними сделают, разместят в казачьи батальоны, одним словом, сделают, что хотят, а в Благовещенске лишнего хлеба нет, чтобы кормить такой непроводительный народ. Таким образом,

поместили всех таких сынков, около 200 человек, на одну баржу, женатым предоставили ее внутренность, а холостых поместили сверху, на палубе, и отправили в дорогу дней на двадцать. Это было в начале сентября. Ночи в это время становятся в Сибири очень холодные, а надо было посмотреть на наряд этих людей: у некоторых шинель и холщовые брюки, да холщовая же фуражка составляли весь наряд. У иных и шинели не было (у двух, у трех — на том основании, что дали им вместо солдатской шинели арестантскую, они чрезвычайно этим обиделись и пропили шинели). Другие жаловались на невыдачу им из казны следовавших вещей, но нельзя сказать, чтоб это действительно было так: во всем верить им трудно; но мы убеждены, что тут есть доля правды. Наконец, если и давали по положению, то этого недостаточно. Надо принять в соображение, что делать просеку в девственном лесу или идти со сплавом, находясь иногда целую неделю под дождем и налегая на весло, не то что жить в казармах[55]

Но вообще на них смотрят как на людей, внимания не стоящих, а потому, например,

вот какие случаи происходили в Благовещенске. Наш пароход простоял в Благовещенске четверо суток в ожидании отправки этих сынков: в первые два дня ничего не делали, на второй был праздник, 30-го августа, в городе было много именинников, следовательно, тоже ничего не делали; только 31-го в девятом часу вечера, в такое время, когда и зги не было видно, собрали людей, пересчитали их и выслали на баржу. Крики, шум, руганья, визг детей возвестили нам о их прибытии. При свете двух фонарей по счету посадили всех на баржу, сняли сходни и оттолкнули ее от берега. На другой день оказалось, что женатые набрали с собою слишком много клади, гораздо больше, чем сколько полагалось на человека[56], пароход был частный, Амурской компании, и капитан не хотел везти лишний груз, а потому на другой день всех снова высадили и стали вешать имущество. В это время часть сынков пошла в город и, собравшись перед квартирой полицмейстера, начала шуметь. Их разогнали, а трех зачинщиков заковали. Конечно, мы поинтересовались узнать, что было причиной этого обстоя-

тельства. Оказалось, что несколько человек, присланных в Благовещенск, сидели под арестом и в течение 8 дней не получали никакого продовольствия. Теперь они стали требовать себе провианта за эти 8 дней. Так как это требование было слишком грозно, то их заковали и выдержали под арестом на барже. При мне кто-то сказал им, зачем же они не просили себе провианта: тогда бы их, верно, удовлетворили. Если они восемь дней не получали провианта, то это случилось как-нибудь и т. п. — «Эх, да уж надоело просить. Да вы сегодня что-нибудь ели?» — «Ел». «То-то вот, а мы сегодня еще ничего не получали. Провиант приняли, а раздавать до сих пор не раздавали». Это было уже часов в восемь вечера, и до восьми им не позаботились дать провианта, в девять же часов поздно ужин варить, к тому же вешать темно: «Получите завтра!»

В Забайкалье встретят сынков, конечно, опять с неудовольствием. Когда, в проезде по Аргуни, я говорил казакам, что к ним скоро пожалуют новые гости, то они были очень этим недовольны, потому что «эти сынки работать не хотят, на сходках горланят, и толь-

ко». Но нужно также сказать, что некоторые батальонные командиры, которые умеют хорошо обращаться с ними, заботятся о них, но вместе с тем строго взыскивают за воровство и т. п., те, которые старались соединить их в артели, приохотить к работе, те говорят, что сынки особенно не тяготят их; точно так же мы слышали, что и на Амуре они местами образовали артели и хорошо занимаются хозяйством. Вообще же казаки их недолюбливают, оттого, что на них приходится строить избы, а пользы от них мало, постоянные ссоры с обществом. Впрочем, тут, может быть, отчасти виноваты и сами казаки, решить этот вопрос могут те, которые жили с ними.

Но довольно, 1-го сентября вечером наш пароход «Генерал Карсаков» отчаливал. Надо было пройти хотя несколько верст, так как на другой день был понедельник, и капитан не решился бы выйти в такой тяжелый день. Маленький, всё более застраивающийся городок проходил перед нашими глазами, на берегу гулянье под звуки музыки, несколько платков машут нам на прощанье, мы отвечаем тем же, закатывающееся солнце, чудесный,

широкий Амур, китайская деревня посреди деревьев, поля и горы на горизонте.

Пароход (надо же показаться перед благовещенскими жителями) идет полным ходом, мощно таща за собою вверх две баржи, — одну с товарами, другую с сынками. И на них, видно, подействовал вечер, собрался хор, и даже закованные подтягивают в хоровой песне...

Выше Благовещенска тоже пострадали казаки: что спаслось от наводнения, то большею частью проросло на корню или в снопах; впрочем, когда была приведена в известность потеря, то все-таки оказалось, что 1-й полк просуществует своим хлебом. Вообще же от наводнения избавился только 2-й полк, расположенный от Благовещенска почти до Хингана, и крестьяне по реке Зее.

Поднимаясь дальше, мы узнавали, что и на Шилке в августе было такое наводнение, какого не помнят уже лет 80. Старые поселения, как, например, Шилкинский завод, страшно пострадали, целая улица домов, выходящая к реке, была отмыта водою и снесена со всем имуществом. Вода подступала под

самую церковь очень старой постройки; крестьяне должны были выбраться к горе и там жить, пока не сбыла вода.

Всякое сухопутное сообщение вдоль по Амуру прекратилось, а потому мы принуждены были тащиться на пароходе «Карсаков» [57], который, благодаря нераспорядительности и медленности своего капитана, тащился иногда по 30–40 верст в сутки.

Добравшись до Усть-Стрелки и не желая по-прежнему тащиться по тридцати верст в сутки, я съехал с парохода и отправился по Аргуни. Амурский тракт в Читу идет, собственно говоря, по Шилке частью берегом, частью «горою».

Берега Шилки, как я уже писал прежде, загромождены огромными утесами; утесы эти подступают к реке вплотную, спускаясь к ней иногда чуть не вертикальными обрывами. Между утесами и рекою можно иногда воспользоваться узким пространством, по которому едва проходит лошадь, и по этому-то узкому куску утеса, заваленному покатыми к реке камнями, пробирается привычный к таким переходам конь, часто с огромным вью-

ком. Но эта дорога по Шилке, большею частью слегка поправленная, с перилами, была залита, и приходилось бы объезжать каждый утес, а так как утесы опускаются круто не только к реке, но и в обе стороны, то, чтобы перевалить через каждый отрог, надо углубляться в горы, подниматься вверх по «падушке» и точно так же спускаться, чтобы снова таким же образом объезжать каждый утес. Дороги в горы нет, а потому приходилось бы делать громадные объезды. Вот почему все, знавшие эту дорогу, советовали мне сперва ехать Аргунью и выехать на Шилку только там, где уже проведена настоящая верховая дорога, т. е. выше Горбицы (миновав шесть пустых станков), так как по Аргуни прежде шел Амурский Тракт, и там существует в горах верховая дорога и сделана просека.

Усть-Стрелочная станция, находящаяся на Аргуни при слиянии ее с Шилкой, окружена со всех сторон горами: еле-еле выдалось местечко для ряда домов и часовенки; пашни разбросаны по горам. Затем на 45 верст нет уже селения, но каких 45 верст! — меренных Аргунью, а горою верных шестьдесят. Дорога

однообразна; крутые подъемы, крутые спуски с невысоких гор, которых целые массы нагромодились в этих местах; во все стороны только и видно, что горы да горы, заросшие пожелтевшею в это время лиственницей, посреди которой, как оазисы, выдаются зеленые кучки кедровых стланцев. Иногда, из-под той горы, по которой вьется тропинка, виднеется половина Аргуни, русло которой забросано громадными гранитными валунами[58]. Луга очень редки, и казаки принуждены бывают косить сено на китайской стороне, так как площадки, выдающиеся на этой стороне между гор, все заняты пашнями или самими станциями. Такой же характер имеет и второй станок от Усть-Стрелки в 60 верст (Аргунью же, а едут горами) с тою только разницей, что спуски еще круче и нет возможности спускаться иначе, как держа лошадь в поводу, причем она иногда вдруг несколько шагов скатывается на задних ногах, с шумом роняя мелкие камешки, по которым идет спуск. Дорога состоит из простой тропинки, вьющейся в лесу, которая теперь так заросла травой и огромными корнями деревьев, что трудно

было бы отыскивать ее, если бы не зарубки на деревьях. Глушь страшная, только изредка удается увидеть козу, с необыкновенною легкостью несущуюся в лесу, или напасть на медвежий след; кроме того, иногда чуть не из-под ног лошади с шумом выскакивают терева.

Большую же часть в лесу царит мертвая тишина, нарушаемая только тогда, когда вы подъезжаете к бурливой горной речке. За речкой снова подъем, крутой, каменистый, скучный. Но вот мы выбрались на возвышенность, на безлесную площадку «елань» в несколько верст в окружности. Хочется пустить лошадь рысью, но нет: на возвышенности образовалась «марь» — огромное болото из гниющей травы и залеживающегося снега. Тут и тропинка исчезает, всякий пробирается, где ему удастся, посреди кочек, поросших каким-то кустарником, напоминающим своими плодами хлопчатобумажник.

Такую местность я видел на всем моем пути по Аргуни.

В этих местах попадались мне между казаками зобатые: это переселенцы с Урова.

Уров — река, впадающая в Аргунь с левой стороны. В низовом течении она большею частью течет в узкой гористой долине, но в верховьях — по одной из самых плодородных долин во всем Забайкалье, — чрезвычайно хлебородной и с превосходными покосами, до того хорошими, что и теперь жители, переселенные оттуда и частью с Аргуни, ездят на Уров ставить сено часто за 50 и более верст. В 13 станицах, растянутых по реке Урову, на протяжении 120 верст, было замечено развитие зоба и кретинизма. Местный доктор г. Кашин занялся исследованием причин этой болезни и нашел причины образования зоба в характере местности и образе жизни[59], и преимущественно в воде, в которой, по его, впрочем, неточному анализу (накрахмаленная бумажка), можно было разве только предположить отсутствие йода, а никак не прямо выводить заключение об его отсутствии. Статья, написанная г. Кашиным по этому поводу, никак не могла убедить, чтобы причиной зоба непременно была местность, потому что, во-первых, он вовсе не обратил внимания на наследственность, которая с особенною силой

влияет в горных лощинах, где браки большею частью совершаются между жителями одних и тех же деревень, — явление, как говорят, довольно часто встречающееся вообще в Забайкалье, где есть целые деревни, наполненные лицами одной и той же фамилии, а во-вторых, совершенно не доказал и не подтвердил даже ни одним примером, выразившись общою фразой, что с переселением в другую местность уменьшаются зобы и дети бывают не зобатые (последнее положительно невероятно). Следовательно, нельзя было исключительно винить местность и воду, нельзя было и потому, что причины образования зоба до настоящего времени совершенно неизвестны науке, и что тут же рядом встречаются опровержения того, чтобы уровская вода была причиною образования зоба (так как они встречаются по Аргуни выше Урова) и чтобы Уровские горы были также тому причиною, потому что можно насчитать кучу фактов существования зобатых в широких долинах и равнинах[60]. Господин же Кашин крайне преувеличил влияние уровской воды, приводя, например, в доказательство своего поло-

жения, что в Усть-Уровской станице живущие по Урову зобаты, живущие же по Аргуни — нет, совершенно забывая, что есть зобатые выше и на Аргуни и не обратив внимания на то, что жившие тут по Урову могли получить свои зобы по наследству. Преувеличение простирается, как говорят очевидцы, весьма достойные доверия, и на величину зобов (будто бы до объема детской головы; но таких больших зобов им не случилось видеть). Одним словом, статья г. Кашина была только первым шагом исследования этого чрезвычайно сложного вопроса. Но появилась она в такое время, когда нужны были люди для заселения Амура, казаков из Забайкалья уже и так довольно много было послано, — а потому эта статья, которая в другое время вызвала бы более серьезные исследования, более разнообразные опыты, подбор статистических фактов и т. д., тут привела за собой не исследование, а просто выселение казаков с этой местности на Амур и на амурский тракт, на низовья Аргуни. Тринадцать деревень, на одной из самых богатых местностей, опустели, жители выселены, и только

оставшиеся пустые их дома свидетельствуют о надежде жителей когда-нибудь вернуться из бесплодных, диких, бедных землю поселений на низовьях Аргуни в богатейшую, черноземную, плодородную Уровскую долину. Вообще эти пустые дома свидетельствуют о чрезвычайно грустном факте: переселение было сделано вследствие статьи, ничего не доказавшей и которой недоказанность доказана через несколько времени другою статьей[61], более добросовестною, так как она умела сознаться в неведении науки об этих фактах. Как бы то ни было, ошибка сделана; конечно, вернуть уривцев, переселенных на Амур, невозможно, но те, которые живут теперь по Аргуни,нося те же зобы, как и на Урове[62], просят только об одном, чтобы им позволили вернуться на старые плодородные места. Бесспорно, комиссия, назначенная с целью пересмотра, насколько тут могут быть вредны уровская местность и вода, была бы истинным благодеянием в этом случае, хотя бы потому только, что разъяснила бы вопрос о зобатах.

Но продолжаю описывать свой путь: когда,

оставив Аргунь, я выехал на реку Газимур, в нескольких десятках верст от ее устья, то увидел совершенно другую местность. Правда, те же горы, но между ними выдаются широкие, теперь просохшие долины с богатой черноземной почвой, на которой хлеб родится превосходно. Впрочем, в нынешнем году превосходные луга от проливных дождей превратились в болота, а хлеба пострадали от мороза, бывшего 20-го июля; за ночь, говорили мне, вода покрылась слоем льда в палец толщиной. Вследствие этого хлеба, бывшие тогда в цвету, большею частью никуда не годились. Подъезжая к полю, я видел богатые, роскошные хлеба огромного роста, но зеленоватые (я проезжал в половине сентября). Если я брал в руки колос, то он оказывался пустой. Конечно, ночной мороз не везде был одинаков, завися от положения долин, степени открытости или закрытости их, так что были места, где жители надеялись собрать что-нибудь и, по крайней мере, не боялись голода, тогда как на низовьях Аргуни эта боязнь была очень основательна, — весь хлеб пророс или сгнил в снопах.

Проехав несколько десятков верст по Газимуру, я должен был сделать последний перевал, чтобы выехать на Шилку, а там уже ехать по почтовой верховой дороге. Последний перевал огромный, около 60 верст через Голец (гольцы — горы, обнаженные от леса [63], — большею частью из гранитных глыб, в сентябре уже покрытых снегом). Дороги уже вовсе тут нет, только вьются по разным направлениям несколько тропинок, протоптанных зверопромышленниками — казаками, которые с Газимура иногда возили хлеб на Шилку, конечно, на вьюках. Приходится пробираться через чащи из мелкого ельника, спускаться по тропинкам, заваленным громадными камнями, сброшенными с вершин, или вековыми лиственницами, долины часто усыпаны крупными остроконечными камнями, «россыпями», и нужна вся переносимость забайкальской горной лошади, чтобы переносить подобную дорогу.

Но вот речушка, текущая в Шилку, из-за деревьев выглянула одна мутовка[64], через 100 саж. другая, еще и еще, на каждых 50–70 саженьях. Наконец, вот и Шилка в страшном

разливе; насилиу докричались, пока из деревни выехал «бат», лодочка, выдолбленная из одного цельного дерева, качкая, но поворотливая и управляемая одним веслом. Впереди до Сретенска уже настоящая почтовая дорога, т. е. тропинка, вьющаяся на вершине или, что еще хуже, на крутой покатости горы, спускающейся утесом к Шилке; объезды под утесами, местами промытые водой; спуски гор с оврагами под ногами лошади, — одним словом, со всеми удобствами горных дорог...

Современная летопись. 1864. № 19. С. 9–12; № 20. С. 7–9.

[XI]

Приехав в Иркутск, я застал там оживленные толки о нескольких крупных фактах, интересных не только для иркутских жителей, но и для всех русских читателей. Но об них было довольно писано корреспондентами столичных газет, им возражали в «Иркутских губернских ведомостях», следовательно, дело несколько выяснено, так что я упомяну только об одном интересном факте. В Иркутске в настоящее время красуется городской полицейский телеграф. Он проведен между тремя частями[65], на которые разделен город, и действует с помощью трех аппаратов. Вся игрушка стоила, говорят, около 2000 руб. Телеграф этот просто мозолит глаза всякому рассудительному человеку. Беспреданно от всех приходится слышать: «Ну какая надобность Иркутску в городском телеграфе? Что они будут такое нужное передавать? В случае пожара, что ли?» Но очевидно, что в случае пожара сигналист на одной каланче скорее увидит фонарь, выставленный на другой, чем от нее успеют передать сигнал в помещение

телеграфа, откуда уже примутся телеграфировать и т. д. Все это очень ясно. В одном только случае телеграф принесет пользу. Понадобилась для какого-нибудь дела справка из другой части: вместо того чтобы ждать, пока наберется несколько подобных справок в одну часть и тогда отправлять рассыльного, лучше спросить по телеграфу. Может быть, найдется еще два, три случая, в которых телеграф будет полезен; но все это недостаточные причины для того, чтобы заводить его. О нем могла бы быть речь только тогда, когда бы сообщений между частями было так много и они были бы так часты, что было бы *выгоднее* одновременно затратить капитал, дабы потом удешевить стоимость сообщений, чем ежегодно тратить значительную сумму на содержание рассыльных. Может ли этот случай иметь место в Иркутске? Стоило ли одновременно затрачивать на постройку телеграфа 2000 руб., да, кроме того, будет ли содержание служащих при телеграфе обходиться настолько дешевле сравнительно с содержанием рассыльных, чтобы телеграф оказался выгодным? В Иркутске, само собою, — нет. А мы так убеж-

дены даже, что и число рассылных останется почти то же, только прибавится еще известный расход на содержание телеграфа. Наконец, если бы в Иркутске не было надобности в сотнях других усовершенствований по устройству города, тогда понятно, что можно и телеграф завести, но заводить его там, где нет других, более полезных, даже необходимых учреждений, — это просто странность.

Но на это могут сказать, что телеграф построен на деньги, пожертвованные именно на его устройство. Действительно, можно дойти до того, чтобы утверждать это. На деле же постройка телеграфа есть жалкий факт, доказывающий, что с таким купеческим обществом, как иркутское, можно делать что угодно, и на его денежки всякие затеи приводить в исполнение.

Впрочем, довольно об этом. В начале апреля я выезжал из Иркутска за Байкал. Байкал составляет огромное препятствие сообщениям Иркутска и России с Забайкальем. В первых числах апреля почтовые станки снимаются и почтовое сообщение через байкальский лед прекращается: почта ходит кругом

моря до второй половины мая, когда открывается пароходство. Но для частных лиц бывает еще возможность переехать Байкал даже в самых последних числах апреля, заплатив прибрежным крестьянам иногда довольно значительную сумму за переезд, от 10 до 50 и даже до 100 р., смотря по времени и трудностям. Эти переезды отличаются порядочною оригинальностью, но крестьяне уже хорошо знают Байкал и привыкли бороться со всеми трудностями, а потому переезды большею частью бывают безопасны, иногда, впрочем, сопровождаясь купаньем в Байкале. Лед растрескивается, и для переправы через такие трещины [66], через которые положительно уже невозможно перескочить лошадям, приходится прибегать к разным хитростям. Тогда или подкладывают несколько кольев, вместо моста, или отыскивают кусок льдины, чтобы втиснуть его там, где трещина поуже, сделать из него мост, переезжают на льдине, как на пароме, причем все зависит от воли ветра, и приходится иногда ждать, пока соседние трещины не закроются, что бывает часто с переменой направления ветра. Но затем, около

начала мая, всякое сообщение становится уже невозможным и приходится ездить кругом моря.

Кругоморский тракт недаром с давних времен пользуется известностью и занимает одно из видных мест в числе дурных дорог, которых немало в хребтах Восточной Сибири. Тут приходится ехать верхом около 200 верст через огромные болота по плоским вершинам гор, подниматься по несколько часов на крутые горы и, наконец, переваливать через хребет из громадных гольцов, засыпанный невылазными, тающими в начале мая снегами, иногда в две сажени глубиной. Ехав в прошлом году, около 10 мая, по этой дороге, я принужден был 20 часов тащиться один станок в 18 верст; лошади вязли в снегах, тонули по самую морду в озерах, образовавшихся в долинах, между снеговыми берегами, и проваливались на каждом шагу сквозь тонкую кору отвердевшего снега. Не менее затруднительна в это время и переправа через реку Снежную, которая бурлит поверх льда, осевшего на дно, с невыразимою силой ворочает огромные камни, достигая непомерной быст-

роты от прилива тысячи мелких ручейков и импровизированных в снегах речек. Вообще только крайняя необходимость вынуждает ехать в это время кругом моря. Так бывает весной. С половины ноября, когда сообщение на пароходах становится уже опасным, снова начинается езда по «Кругоморке», хоть и не с такими трудностями, как весной, и продолжается до января следующего года, пока Байкал не станет.

В нынешнем году лед был очень крепок, и, когда я переезжал Байкал 10 апреля, даже почтовые станки не были еще сняты. Попадались, правда, во льду три, четыре трещины, но лошади свободно их перепрыгивали. По всей дороге от моря до Читы, главным же образом за Верхнеудинском, попадались мне крестьяне, везшие провиант в Читу. Так как в прошлом году была засуха, а отчасти и голод в Забайкалье, хлеба же для Амура все-таки требовалось несколько сот тысяч пудов, то решено было закупить этот хлеб в Иркутской губернии. Обыкновенно закуп производился, да и в нынешнем году произведен, не коммерческим образом, а чиновником по так на-

зываемым *вольным* ценам. Этот термин означает, что на каждую волость накладывается столько-то хлеба по цене, которая в нынешнем году была назначена 35 коп. за пуд муки и 85 коп. за доставку из Иркутской губернии в Читу. В настоящее же время, ехавши по тракту, я обгонял транспорты с артиллерийскими вещами, доставка которых обходится от Верхнеудинска до Читы *по 1 р. и 1 р. 15 к.* с пуда, от Иркутска же вольные цены были *не менее двух рублей.*

Если эти цифры и покажутся неубедительными, то вот другие[67]: на лошадь накладывается здесь не более 20 пуд груза. Положим — 20 пуд кроме бочки; следовательно, за доставку их получится с казны 17 р., а за 4 подводы — 68 р. Обозы, которые я обгонял, шли от Иркутска до Читы не менее месяца — до шести недель — средним числом 35 дней. Лошади дается в день *не менее 10 ф.* сена. Пуд сена, самого дрянного, стоит не менее 50 к. и до 1 р., берем 75 к. На четыре лошади выходит 1 пуд, следовательно, в 35 дней *26 р. 25 к.*[68] Так как ясно, что на десяти фунтах невозможно лошади идти и везти кладь, то возчики да-

ют им еще ячменя. Пуд ячменя стоит 1 р. и более, но положим, что в день лошадь съест копеек на 15, четыре лошади в 35 дней — 21 руб. Один крестьянин при 8-ми возах съест в день копеек на 10[69] (на 4 воза приходится 5 к.), да за ночлег можно положить хоть по копейке с воза, да две копейки за возчика — итого 10 коп.; *еще 3 р. 50 к.* Затем, придя в Читу, он пробудет там хоть два, три дня для сдачи; Чита дешевле 3–4 руб. ему не станет. Итак, *еще 3 р.*[70] Затем надо назад идти. Назад пойдут скорее — дней двадцать; где можно, будут идти на подножном корму, причем лошади питаются прошлогоднею «ветошью» (старую травой). Положим, придется употребить всего пудов десять сена. *Еще 7 р. 50 к.* Переночуют, положим, в поле; на еду по 5 коп. в день, следовательно, *1 р.* Далее, работник, положим, один при 8 возах; он стоит не менее 4–5 руб. в месяц, следовательно, на 58 дней хоть 8 руб., на 4 воза приходится *4 руб.* Итого *66 р. 25 к.* Это такие цены, которые только заставляли улыбаться крестьян, слышавших этот расчет. Так они низки. А переправы через реки? Вот, например, весной, чтобы перевезти через лед

на Селенге воз в 20 пудов, брали 2 руб., да хоть по рублю, и то за 4 подводы 4 рубля. Потом надо же справить телеги, оковать их, взять от дома нужных в эту пору лошадей, справить сбрую и пр., и пр.... Словом, очевидно, что эти *вольные* цены по 85 коп. с пуда делают продажу хлеба налогом на Иркутскую губернию для Амура. Но лучше всего говорили за себя сами обозы. По дороге они представляли чрезвычайно жалкую картину: изнуренные клячи едва-едва тащат двухколесные телеги с бочками. Позади обоза идут несколько едва переступающих лошадей уже без клажи. Вдоль по дороге валяются павшие клячи. Следовательно, крестьянин доставит не полное количество заподряженного хлеба, станут продавать его лошадь, чтобы пополнить это количество...

Слава Богу, теперь перестали это делать... Надо отдать справедливость — в Забайкальской области старались облегчить крестьянам горе: по всей дороге старались выставить сено, предписывая бурятам вывозить его для продажи на дорогу и т. п. Это хоть дало обозам возможность дойти до Читы. Затем, что-

бы дать возможность тем, которые сдали хлеб в Чите, выбраться оттуда[71], местный губернатор разрешил выдачу им по рублю на телегу. И как были благодарны крестьяне за эту милостыню! Когда же, наконец, окончится такая система снабжения Амура? Такого рода закупы производились постоянно, за исключением года или двух, и в Забайкалье, на том будто основании, что надо стряхнуть с жителей неподвижность и заставить их продавать за хорошую цену свой хлеб. За хорошую цену! Но была ли эта цена хорошею? Вот вопрос, а ответом на него могут отчасти служить предыдущие строки.

В стороне от тракта, верстах в двенадцати, за рядом небольших холмов, в долине находится бурятский дацан Онинский. Дацанство — приход. Дацан — храм, около которого живет ламайское духовенство. Онинский дацан не из богатых; храм построен лет пятьдесят тому назад каким-то иркутским архитектором под руководством одного старого тайши. Архитектура его чрезвычайно напоминает архитектуру наших церквей — та же колокольня (хотя и без колоколов); даже тот же

крестообразный вид в плане. Дацан построен из кирпича, крыт тесом, вся работа довольно грубая. Великоною он не больше наших, среднего размера, сельских церквей. При входе в двери изображены барельефом какие-то два фантастических зверя, напоминающие собак. Внутри храма, в глубине против входа, стоят три больших идола, глиняные, позолоченные; около них куча мелких бурханов из бронзы, иные с собачьею головой (бог зла, когда он рассердится), другие с несколькими руками. Около них наставлены употребляющиеся при богослужении колокольчики, чашечки, длинные курительные свечи; перед бурханами день и ночь теплится в большой площадке огонек. Весь храм завешан большими лентами, сшитыми из кусков синего, желтого и красного сукна, шелковыми лентами с молитвами и т. п. Прямо от алтаря до входных дверей сделаны низкие скамейки для лам, а у алтаря спиною к богам — кресло для «ширета» (главное духовное лицо в дацане). В стороне от алтаря лежат богослужебные книги на тибетском языке, узкие, длинные, состоящие из отдельных листков, сложенных между двумя

дощечками. Всех их штук до 60. В боковых отделениях храма хранятся несколько медных длинных труб, величиною иногда до сажени, раковин, бубнов, в которые нещадно трубят, пищат и гремят при богослужении. Тут же стоит белый деревянный слон, которого раз в году, когда «собирается вся братская компания», как объясняет переводчик, возят вокруг дацана. Дацан построен в два этажа, в верхнем этаже молельня, только гораздо грязнее и беднее, без больших истуканов, почти все бурханы намалеванные на холсте. Тут, по крайней мере, хоть есть где поместиться народу, а внизу так устроено, что только ламам и прислужникам есть место, народа же может поместиться лишь самое небольшое количество — остальные могут со двора смотреть. Вокруг дацана построено несколько деревянных часовенок, в которых те же намалеванные бурханы; в одной из них, впрочем, поставлена огромная пустая деревянная шестиугольная призма, которая, как юла, вертится на вертикальной оси. Она нагружена молитвами «ом-ма-ни-бад-ме-хом» («господи помилуй», поясняет лама). Каждый поворот этой

«курды» равносильны тому, как если бы вертящий ее столько же раз повторил молитву, сколько раз она повторяется в бумагах и книгах, которыми доверху нагружена юла. Около дацана живут 13 лам, народ самый непроизводительный, с кучею прислужников и разных должностных при дацане. Все это питается на счет прихода и нещадно обирает его. Впрочем, ламы полезны в одном отношении; они обладают очень порядочными медицинскими познаниями и некоторые болезни, как говорят, вылечивают гораздо лучше наших врачей. В некоторых местах, отдаленных от городов, где обратиться к доктору за помощью есть уже некоторый риск, большая часть населения скорее пойдет к ламе, чем к русскому доктору, который, попав в глушь, часто засыпает на казенном содержании и забывает даже то немногое, что знал.

В домах у лам те же алтарьки с бурханами, несколько книг, грязь, непомерное любопытство обо всяких, нисколько до них не касающихся, предметах — вот проехал генерал такой-то, а скоро ли поедет такой-то и правда ли то-то и т. д. Между прочим, русская цивили-

лизация занесла к ним своего спутника — самовар, а с ним проникли и погребцы и стаканы, из которых ламы пьют чай, когда угощают гостя, прикусывая кусочком наигрязнейшего сахара.

Ламайское богослужение, говорят, очень интересно, особенно несколько раз в году, во время больших праздников, например в июле, когда оно продолжается несколько дней: тогда катают бурхана на слоне, а после того начинаются под палящим степным солнцем игры вроде олимпийских. Но так как самому мне не случилось присутствовать на этих праздниках, то об этом — до другого раза.

Современная летопись. 1864. № 24. С. 9–11.

[XII]

Ст[аница] Чиндантская, 14-го мая 1864 г.

Когда я выезжал из Читы, в конце апреля, реки уже прошли, местами даже начинали показываться признаки травы; в Чите, на острове (при слиянии Ингоды с Читой) кипела жизнь: проходили баржи, усиленно работала паровая мукомольная мельница, баржи грузились и отходили, чтоб, отойдя несколько верст, садиться на мели по Ингоде, иногда слегка разбиваться на подводных камнях. Повторялось, одним словом, то, что бывает каждую весну: те же жалобы на недостаток лоцманов, на то, что в лоцмана нанимаются люди, никогда не плававшие с баржами, — то же стаскиванье барж с мелей, та же «Дубинушка» (песня) при снимании барж. Рейсы понемногу, впрочем, подвигались, хотя и старались идти возможно скорее, чтобы успеть доставить на Амур семенной хлеб ко времени посева. 28 апреля они были, впрочем, только в 20 верстах от Читы.

В Читу ожидался пароход (амурского телеграфа) «Гонец»... то-то удивит читинцев! Па-

роход на Ингоде — правда, очень мелко сидящий, не более фута, кажется! Он должен был взять вниз на буксир баржу с грузом, что, впрочем, едва ли удастся исполнить на извилистом фарватере Ингоды и при ее быстром течении.

Скоро мы расстались с Ингодой, круто повернув на юг, на правый ее берег. На правом берегу те же горы, но чем дальше, тем больше видно травы; сосновый лес заменяется березняком, видно, что мы подвигаемся к югу. Хребты становятся мельче, формы округлее, лес постепенно исчезает и, по мере приближения к деревне Усть-Илее, местность переходит в голую степь. Тут на плоской степи, посреди наносных песков и гальки, кое-где поросших тальником, вьется десятками изгибов мелкий, быстрый Онон. Кое-где пробивает он себе дорогу между небольшими отрогами холмов, которые он подмывает, обнажая тогда каменные глыбы, служащие им основанием, отсюда начинают тянуться бесконечные степи, начало громадной Гоби. Холмы, которые мы проезжаем, состоят в верхних слоях из крупного песчаника и мелких кам-

ней, посреди которых в изобилии разбросаны довольно ценные камни всевозможных сортов. Со временем из них, а также из попадающихся здесь в окрестностях больших кусков горного хрусталя, тяжеловеса и др. будут, вероятно, извлекать значительную пользу.

За Усть-Илею дорога идет уже по пограничным караулам, верстах в 30 от китайской границы, обозначенной против каждого караула двумя каменными маяками и дорожками, протоптанными для объездов.

В этих местах живут казаки 2-й конной бригады. Эти казаки — казачья аристократия — далеко не похожи на всех остальных, особенно пеших. Образованы они из существовавшей уже издавна пограничной казачьей стражи. Вследствие близости монголов многое переняли они от них: то же громадное скотоводство, то же молодечество при обращении с лошадьми (например, когда их «укрючат» арканом из табуна, чтобы наложить клеймо), та же неприхотливость в еде, когда казак в степи, а дома — желание блеснуть своим аристократизмом, большими зеркалами, в которые никто не смотрится, пожа-

луй, лампой, которая никогда не зажигается, едой, сильно смахивающей обилием блюд и приправами на китайщину, то же истинно монгольское любопытство, наконец, та же роскошь в одежде жен, дорогие наряды и всюду проникающий кринолин, красующийся на китайской границе, — вот что бросается тут в глаза. В довершение всего, загорелые лица и часто попадающийся слегка монгольский тип лица и то, что всякий казак непременно «мало-мало» говорит по-монгольски, довершают оригинальный характер здешнего казачества. Главное занятие пограничных казаков — скотоводство, а при прежних пограничных правилах — контрабандная торговля; теперь этот источник иссяк, торговля для всех свободная, а потому многим пришлось приняться за хлебопашество, для разведения которого в этих местах есть много задатков.

Неизбежный спутник степей, скотоводство, достигает здесь огромных размеров: сперва по дороге попадают большие стада рогатого скота, потом большие табуны лошадей. Хозяева побогаче, владеющие стадами в несколько тысяч голов и табунами в тысячу и

более кобылиц, не составляют особенной редкости. Вот особенности этого скотоводства. Табуны разделяются на «косяки», состоящие из одного жеребца и десятка кобылиц, которые во всем находятся под руководством жеребца. При здешних условиях хороший жеребец ценится дорого. Весною, даже в начале мая, бывают сильные «пурги» — метели со снегом, которого выпадает иногда очень много; скот в это время бывает всегда очень слаб, к тому же линяет; снег часто начинает идти с дождем, а к ночи делается сильный холод, ветер разгоняет коней, они разбегаются и, мокрые, совершенно ослабевшие, замерзают или же забегают в пади, чтобы скрыться от ветра, там наносит вороха снега, кони не могут уже выбраться оттуда и гибнут. В этих случаях хороший жеребец чрезвычайно важен, чтобы «грудить», собирать свой косяк. Но часто ничто не помогает и целые табуны скота гибнут. Так как табуны круглый год ходят на подножном корму, зимою питаются «ветошью», прошлогоднею травой[72], заготовлять же сено невозможно (вследствие слишком большого числа голов и малого числа рабочих рук, раз-

брошенных в небольших селениях на огромных пространствах), то ясно, что стада и табуны подвергаются всем возможным случайностям, от которых избавиться их нет никакой возможности.

Вообще в настоящее время из всего этого скота извлекается только незначительная доля пользы; молоко от рогатого скота не получается в достаточном количестве вследствие самого характера скотоводства. Так, например, по сибирскому обыкновению корову доят здесь только тогда, когда у нее есть теленок, а между тем масло очень было бы куда сбывать[73]. Скота же теперь сбывать просто некуда или, вероятнее, по вкоренившейся лени, неохотно предпринимается что-нибудь для его сбыта; рогатый скот гонится иногда в Читу и то только тогда, когда цены очень поднимутся, и всегда гонится только небольшое число голов, например 20 или 30. Для лошадей тоже почти нет сбыта. Вследствие этого, когда теперь, после изменений в торговых правилах, открылся свободный ход в Монголию, то караваны стали двигаться по всей границе в Монголию и Китай для продажи

скота. Так как эта торговля есть единственный путь для сбыта скота пограничных казаков, то местное начальство старалось поощрять развитие ее, и в нынешнем году число караванов значительно увеличилось. Вместо того, чтобы ходить, как прежде, только до реки Керулена, куда выходили китайские купцы, казачки стали ходить и далее в глубь страны, чтоб избавиться от этих посредников и продавать скот самим нуждающимся в нем. В нынешнем году несколько караванов намерено отправиться значительно вглубь, до города Доло-Нора (недалеко от Большой стены). Торговля эта по преимуществу меновая — обмен рогатого скота, баранов и кобылиц на разные материи, а в особенности на кирпичный чай, служащий, большей частью, единицей, с которой переводят потом цены на остальные произведения. В прошлом году за кобылу (стоящую здесь от 10 до 13 р.) монголы давали 10 кирпичей (чая), которые здесь продавались по рублю, и рублей на десять «мягких», т. е. материй, дабы (китайки) и других бумажных материй, или изредка шелковых. Как видно уже из этого, торговля (очень зави-

сящая, между прочим, от умения торговать) выгодна, и вообще развитие ее чрезвычайно желательно, чтобы придать подвижности обленившемуся здешнему населению и доставить сбыт главным произведениям края.

Современная летопись. 1864. № 30. С. 12–13.

[XIII]

Во время пути моего из Чинданта в Караулы, лежащие вниз по Аргуни (с характером этих мест вы слегка знакомы из предыдущего моего письма), близ Караулов представлялось явление давно здесь невиданное, приходилось иногда ехать между двух рядов пашень. В прежние года и тут, говорят, сеяли несколько хлеба, но настал период из нескольких засушливых лет, хлеба родилось мало, а под боком — выгодная иногда контрабандная торговлишка золотом, в некоторых местах добычанье самосадочной соли, а главное — повсюду несколько сот голов рогатого скота и тысячи баранов; к чему хлебопашество! Продав несколько штук скота, — вот и хлеб! Но в последнее время подряд наступило несколько

неурожайных годов в Забайкалье, хлеб вздорожал, да и доставать его было трудно, казаки убедились, что без своего хлеба худо, и теперь хлебопашество снова возрождается, особенно после того, как увидели, что те хозяева, которые не переставали сеять даже и в прошлые годы, круглый год питались своим хлебом.

Действительно, здешние степи, в высшей степени удобные для скотоводства, не менее того удобны и для хлебопашества. От Чинданта почти во всю дорогу до Старо-Цурухайтуя тянулись перед нами необозримые, сперва совершенно ровные, потом более холмистые, но безлесные степи, покрытые на высоких местах наносною почвой, а в падинах превосходнейшим черноземом. Вдали сначала виднелись горы Ара-Булак, которые славятся своими топазами, тяжеловесами, бериллами и т. п. В паднях, по многим речкам, стали появляться приисковые партии, которые с прошлого года закопошились в Забайкалье, и на которые многие безуспешно затрачивают последний капиталец. Впрочем, не всё же безуспешно: с тех пор, как вышло разрешение

частным лицам искать золото в Нерчинском округе (в тех местах, где оно не было найдено горными чиновниками), заявлено уже множество мелких приисков, из которых один из лучших найден невдалеке от Читы. Если разовьются золотые промыслы, то, конечно, хлеб, овес и т. п. станут еще нужнее.

Тут же, на границе, как бы для большей противоположности всей окружающей лени и безделью, работает небольшая суконная фабрика г. Хилковского. Мысль об основании в Забайкалье суконной фабрики возникла давно, так как тут самое простое сукно привозится из Иркутской губернии, а между тем без сбыта пропадают массы шерсти от стад баранов в несколько тысяч голов (у одного хозяина) и от тех тысяч верблюдов, которые на свободе водятся в этих необозримых степях. Но приведена эта мысль в исполнение очень недавно. В настоящее время выписаны нужные машины, с большим трудом приисканы и приучены порядочные рабочие, и фабрика, с помощью конного и воловьего привода, стала вырабатывать очень прочные и мягкие солдатские сукна, показывая на деле всю доб-

ротность шерсти забайкальских баранов и верблюдов.

При этом не могу не высказать следующего: Забайкалье до такой степени богато сырыми продуктами и так бедно всякими мануфактурными изделиями, что, по моему мнению, фабричная деятельность, [с] помощью машин (рабочие руки здесь дороги по редкости населения), должна со временем получить здесь большое развитие. Фабрики суконные, стеклянные, кожевенные, канатные, винокуренные и др. найдут здесь превосходные и недорогие сырые материалы и хороший сбыт, как на месте, где все мануфактурные изделия страшно дороги, так и на Амуре[74]. В настоящее время делаются только первые опыты, и встречаются на первых порах большие затруднения, в особенности вследствие отсутствия сколько-нибудь знающих мастеровых, которых большею частью приходится выписывать из России. Но кроме того, тут много вредит и собственная техническая неопытность тех, кто устраивает фабрики. Это ведет к тому, что, видя неуспех и не вникая хорошо в причины его, люди с капитала-

ми не решаются затрачивать их на неверные операции и с недоверием поглядывают на фабричную деятельность в Забайкалье.

Но, не уносясь в будущее, возвращаюсь к пограничным Караулам.

В стороне от дороги бродят такие же огромные стада, как и прежде, только скот становится заметно крупнее[75]. Во все стороны виднеются юрты «братских» (бурят) и тунгусов, нанимающихся в пастухи; лучше их трудно найти пастухов, так как уменье обращаться вообще со скотом, а в особенности с лошадьми доведено у них до совершенства.

Тунгусы пасут стада, а аргунские казаки живут себе, питаюсь от своих громадных стад, в своих хоромах с совершенно ненужною им роскошью, зеркалами, лампами и т. п., живут не бедно, лениво: целая жизнь проходит в ленивом бездельи. Меня поражало, когда я жил в Старо-Цурухайтуе, то, что я целый день вижу хозяина дома. И дома-то он пальцем об палец не ударит, а между тем многого ему недостает. У богатого хозяина, имеющего несколько сот голов скота, не найдется запасного, лишнего ремня, нет лишнего седла, а между

тем сколько шкур должно оставаться *только* от ежегодно падающей скотины. В других местах, при такой обстановке, давно занялись бы выделкою кож для продажи; здесь и для себя-то выделывают лишь необходимо нужное количество ее.

Только тогда стряхнет казак свою лень, когда придет время накладывать тавро на жеребят в табуна. Тут настает действительный праздник: все отправляются в юрту пастуха; для праздника и бурятка принарядится в плисовый «озям» (халат), причем навешенные на голове «моржаны» (род кораллов, нанизанных на нитке) нещадно бьют ее по лицу. Более бойкие из казаков садятся на коней, берут «укрюк» — длинный шест с арканом на конце — и начинают «укрючить» коней из табуна. Выбрав свою жертву, «укрючник» во весь мах несется за ней, врезываясь в середину табуна; табунный конь, завидя укрюк, несется что есть мочи, но седок не отстает, следит за малейшим движением коня, ловко маневрируя своим, наконец, улучит минуту и накидывает укрюк. Конь не сдастся, мечется во все стороны, но укрючник крепко сидит в седле,

иногда даже, для большей крепости, садится за седло и так носится с конем, пока не обгонит его и не станет лицом к лицу, затягивая аркан. Тогда подскакивают пешие, хватают коня за гриву за хвост, удерживают его, пока снимется аркан и пока схвативший за хвост ловким движением сразу не повалит коня. Тогда все стоящие поблизости буряты наваливаются на свою жертву и накладывают клеймо или же надевают узду, обседывают, и когда седок забрался раз в седло, тогда конь может уже сбивать сколько хочет, — седок засел крепко; учащенными ударами нагайки он укрощает коня и ездит до тех пор, пока не доведет его до совершенного изнеможения. Тогда конь, после целого дня такой езды, поступает уже в число выездных лошадей. В этом празднике и женщины принимают живое участие. И от них слышатся меткие замечания о достоинстве коней, и они с таким же напряженным вниманием, как и казаки, следят за укрючением. Впрочем, участие их в мужских конных забавах выражается не одними словами: между женщинами не редкость найти лихих ездоков, даже наездниц,

которые не хуже любого наездника на скаку поднимают с земли какую-нибудь вещицу и т. п.[76]

Затем еще раз приходится приниматься за работу: мужчинам — на сенокосе, женщинам — в огороде[77]. Но сена вообще косят мало, так как табун круглый год ходит на подножном корму, а потому эта работа — и не трудная, и не продолжительная.

Прибавив к этому другие мелкие работы по хозяйству, вы получите всё, что делает приаргунский казак-хозяин. Ест он так, как и во сне не приснится любому русскому крестьянину: мясо составляет для него необходимость, и баранина, которую он ест, так жирна, что привела бы, я думаю, в ужас почтенного Льюиса... Поел — и на бок. — «Оттого казак и гладок (полон), что поел и на бок», — гласит местная поговорка. А уж после обеда нельзя не соблюсти «христианского обычая — семь часов отдыхать».

Так живет богатый казак-собственник. Конечно, бедный (а эти две грани довольно резко отделены) должен работать, наниматься куда-нибудь, косить на других и т. п., и бога-

тый всячески готов теснить его, — в отводе ли сенокосов, в отбывании ли повинностей ни в чем не упустит своего, взваливает на него всякую работу, а сам только поглядывает, да *отдыхает*.

Понятно, что при таком бездельи чувственность развита непомерно. Приезжего всегда поражает то, что казак на 35–40 году совершенно седеет, но оно немудрено, тем более, что и дети не отстают от родителей, которые, впрочем, сами, своими шутками, бывают причиною их раннего развития.

Роскошь в нарядах женщин развита, говорят, до крайности: кринолин составляет уже необходимую принадлежность туалета всякой, даже небогатой женщины. Будничные наряды просты; большею частью они бывают из дешевых ситцев, простые из дабы, которая за недорогую цену приобретается от пограничных монголов; зато праздничные делаются из дорогих ситцев, шерстяных и дорогих шелковых материй. В обыкновенное время вы не увидите на казаках и их женах тканей домашнего изделия; тканье вовсе неизвестно в этих местах, да и к чему? Когда стоит только

выменять кобылу — вот и чай, и одежда.

Но так живя, с тоски умрешь: необходимо развлечение. Первое развлечение составляют осенью травля лисиц и вообще всякая охота, весною — бега. На бега являются много охотников и, кроме самих бегающих, живое участие в беге принимают и зрители, которые ставят на пари по несколько голов скота из табуна и иногда, таким образом, проигрывается очень много. Третье развлечение составляют «вечорки» всяких калибров: с чаем, иногда с чаем и сахаром, с водкой и с угощением для девиц, со спиртом, с винами и с угощением и т. п. Впрочем, они знакомы уже вам по описанию их на Амуре, а так как амурская вечорка — повторение забайкальской, то я и не стану писать об этом.

Когда женщина отстряпала (а это занимает немало времени), то, за прочими мелкими работами, много остается ей свободного времени. Что же делать, как не болтать? И отсюда происходит непомерное любопытство казаков и казачек. Вы приехали на станок. Сейчас начинается угощение, от которого напрасно и отказываться, вас заставят есть или по

крайней мере пить чай. Между тем идет расспрашиванье: куда вы едете, зачем, потом «чьих вы» (вашу фамилию) и откуда вы родом. Мало того: жив ли ваш отец, ваша мать, сколько у вас братьев, моложе они или старше вас, где живут, чем занимаются, женаты ли, есть ли дети, сколько!.. И всё это с видом теплого участия (в каждой станице, заметьте). А потом всё это рассказывается по всему Караулу, приедут гости из другого Караула — им расскажут, сами поедут — и там расскажут. Действительно, о чем же и говорить, когда соберутся гости? Поговорят обо всем — и у кого какая кобыла ожеребилась, и каков жеребенок и сколько приплоду у такого-то богача, у другого и третьего. А всё времени много остается... Тогда расскажут о новом проезде, — всем же любопытно знать...

Вообще во многом поразительно здесь сходство русского человека с соседом-монголом. Конечно, сходство — всё же не тождество. Вот, например, пограничные караульные монголы — те уж вовсе ничего не делают — даже и косить не ходят. Правда, начальство заставляло их косить для зимы. Они на-

няли своих соседей-казаков. Казаки, бывало, накосят узенькую, в три размаха, длинную полосу; монголы умоляют уж: «довольно, довольно, когда мы всё это соберем?» и ухаживают за казаками, кормят напропалую, поят «ханшиной» (водкой), как будто они уж ни-весть какой подвиг сделали, что накосили столько сена. А для них оно, пожалуй, и подвиг, так как с косами они теперь только знакомятся, большею же частью косят большим ножом вроде серпа, а бывает что и руками на-рывают. Живут, впрочем, эти монголы очень бедно. Но они нетребовательны: была бы буда (просо), а чаю напиток можно у русских. А главное, был бы табак в «каптурге» (кисете), «аргалу» же (бычьего или скотского помета) в степи везде довольно, следовательно, в юрте будет тепло и в дырявой шубе, которая служит ему и зиму, [и] лето.

Современная летопись. 1864. № 33. С. 5–7.

[XIV]

Хабаровка, 8 июля 1864 г.

В этом письме я попрошу вас представить себе тех аргунских и олонских казаков, которых я старался очертить в предыдущем письме, вызванных по жребию или другим причинам из Забайкалья на этот Амур, который был тогда так страшен для всех. Рассказы об ужасных голодовках, трудностях плавания, лишениях и т. п. дошли уже тогда до Забайкалья и, само собою, в преувеличенном виде. Теперь казаки, прежде не видевшие другой реки, кроме своих мелких в вершинах Онона и Аргуни, очутились на парамах на широком, бурливом Амуре. Кое-как доплыли они, впрочем, и вот они высажены на такое место, где, на основании приблизительной тридцати-верстной дистанции, указано быть, например, станице Поярковой. От берега идет мелкий орешник, далее лес-черноберезник, дубняк, — правда, очень редкий. Дальше в лес боялись даже ходить на первых порах. Всплакнули казачки. Казакам пришлось тотчас же взяться за топор, за лопату, за соху, — за рабо-

ту, одним словом. Скрепя сердце и проклиная Амур, принялись они поднимать земли и, наконец, сеять озимую рожь, о которой прежде знали только понаслышке[78]. И разом, круто пришлось сделать изменение во всем образе жизни... В первые годы и скот (которого было взято ими небольшое количество) не держался. Бараны, бараны! Они так и падали... довелось проститься со щами из жирной баранины, в которой, «бывало, уж выбираешь кусок синего мяса, и то еще найдешь ли, нет ли, — гольный жир», — с грустью говорил мне один казак на Амуре.

И вдруг, вместо прежнего безделья, целый год «работай, паши, а всё никак не можем справиться, против забайкальского». — «И никогда не справимся: там и не сеяли, да был хлеб, знай себе только с крюком поезживай».

Но человек ко всему приновляется, и вот в каком виде представляются станицы 2-го конного полка теперь, через семь лет после переселения[79]. Прежде всего вас поражает форменность станицы: дома поставлены в линию вдоль берега на определенных интервалах, иногда задами «к Онону», «к Аргуни», как

и теперь еще казаки по старой привычке зовут Амур. Дворы огорожены довольно хорошо, в некоторых дворах видится крошечный амбар. Да большего и не нужно: хлеб складывается на пашне же в небольшие скирды, и хозяева, по мере надобности, ездят туда молотить, привозя домой молоченый хлеб небольшими частями. Во дворе погреб, — но в очень жалком виде: во время высокой воды все погреба бывают залиты водою, которая иногда остается там и на зиму. У некоторых хозяев, побогаче, виднеется небольшая, простейшего устройства, одноконная мельница; в одной станице я видел даже и ветряную мельницу (которых в Забайкалье почти не строят), сделанную тремя казаками сообща, — тоже вещь довольно редкая, так как компании у них не употребительны и, при странном понимании прав компаньонов, довольно невыгодны. Дома, большею частью, остались в том же виде, в котором семь лет тому назад построены солдатами линейных батальонов, — этими неутомимыми строителями, которые построили столько станиц (по 15–20 домов) и целый город (Благовещенск) с его дворцами. Вид до-

мов невзрачен, особенно вследствие особого устройства крыш, покрытых большею частью берестой или мелкими, не скрепленными досками. Дома вообще строены наскоро, иногда людьми, прежде в руках не бравшими топора, и потому построены нехорошо. В доме видно, что всё есть необходимое для безбедного житья, но на полах не красуются уже коврики из звериных шкур, по сундукам не разложены тюменские ковры, как бывало в Забайкалье. Пища хороша, мясо у богатого казака всегда есть; хлеба — озимой и яровой ржи, пшеницы и превосходнейшей гречихи необыкновенной белизны — вдоволь. Одежда не совсем хороша; забайкальской же роскоши только следы проглядывают; там дабы, канфы дешево выменивались от монголов на скот, тут и скота очень мало, и цены на него выше[80]. Зато прекрасно рождается лен и конопля. Но сеяние их и выделка своих полотен еще не вошли в обычай, и женщинам здесь не приходится, как в Западной Сибири или в большей части великороссийских губерний, подниматься в 3-м часу утра и прясть, и ткать, пока не рассветет и не придет время

приниматься за другие работы.

Вообще казаку предстоит работы немало: все работы по обработке земли, а кроме того междудворная гоньба и другие повинности: например, летом плывет чиновник[81], в лодке, так как оно спокойнее, чем ехать верхом. Сплыть недолго, но затем надо завозить лодку обратно, а это, особенно, если вода большая, — громадная работа, которая требует не менее 1½ или 2 дней. Конечно, большей частью приходится это делать для ездящих без прогонов, так как лица, платящие прогоны, стараются ездить на пароходах, а так разъезжают местные военные начальники, доктор, священник, которые на разъезды не получают прогонов. Разъездов же им предстоит немало, вследствие растянутости и величины приходов, сотен и пр.

Но не одна гоньба вредит хозяйству: вот, например, в то время, когда я ехал от Благовещенска до Поярковой (середина июня), то почти всё мужское население станиц уже 18-й день как оставило дома; оно ходило верст за 150 по рекам Зее и Завитой рубить и плавить лес для сотенных школ. А как важны для хо-

зьяйства 20 дней такого времени, когда нужно сеять гречиху и поднимать залогои! Но этим не всё кончилось, — только что вернулись, как большая часть казаков должны были идти в лагерные сборы, в сотенный штаб, учиться фронтовой службе и стрельбе в цель. И это опять в то же нужное время! Собрались они 17-го июня. К счастью, через неделю могли распустить их. На другой же день все разъехались на пашни. А в это время давно уже надо было сено косить, так как рожь уже отцвела, и скоро должна была поспевать.

Если бы не эти и подобные занятия, отвлекающие от работ, то дело в таких местах, как долина Амура в окрестностях Благовещенска, пошло бы очень хорошо и у казаков, переселенных из 2-й конной бригады. Но сколько труда стоило казакам привыкнуть к новой трудовой обстановке! В особенности сперва трудно им было потому, что скот, непривычный к здешним кормам, страдавший от отсутствия солонцов, падал в большом количестве. А между тем тогда приходилось, как и теперь, отбивать убийственную междудворную гоньбу и также почтовую, которая была еще труд-

нее теперешнего, так как пароходное сообщение было плохо. Особенно трудно было справиться тем, у кого семья малая и имелась одна какая-нибудь лошаденка да бык. А рядом с богатыми хозяевами довольно найдется и таких. Правда, казна старалась всячески помогать подобным беднякам, снабжая их скотом, но так как при малом количестве скота труда падает на него больше, то он вообще худо держался. Мы видим проездом только богатых хозяев, живущих хорошо, мы почти не замечаем бедных семей, к тому же имеющих часто мало рабочих рук; тем постоянно приходится бороться с нуждой. Богатые нуждаются только в деньгах: оттого с таким нетерпением бегут казачки на пришедший пароход продавать молоко, яйца и т. п. Деньги нужны на соль, на одежду, на последнюю в особенности, так как за неимением даб пришлось обращаться к американским ситцам, привозимым иногда купцами в станицы, а эти ситцы большею частью оказывались сомнительной доброты. На них пришлось издерживать очень много, — а между тем денег добыть неоткуда: хорошо еще, если станица лежит на таком

месте, куда часто заходит пароход; тогда можно продавать съестные припасы и дрова на частные пароходы (за дрова, которые ставятся для казенных пароходов, платится около 1 р. 20 к. за сажень [82], но за них сперва выдаются квитанции, по которым деньги получаются впоследствии и очень туго, так что на поставку дров для казны казаки смотрят как на повинность, которую раскладывают между собою). Но много есть станиц, лежащих в протоках или к которым пароходы редко заходят, тем решительно уже неоткуда достать денег — и приходится продавать быка или лошадь, а за этим следует уменьшение запашки, увеличение работы для оставшейся скотины и постепенное разорение. Между тем нужна одежда, соль, чай, без которого казак жить не может [83]. А кирпич стоит 1 р. 30 к. ... Хлеб? Но если богатые хозяева могут уже продавать его, то бедные до настоящего времени получают только нужное для себя количество хлеба с самым незначительным разве излишком, продажа которого не доставляет возможности приобрести нужное для семьи количество денег.

Недостаток в людях зажиточных, имеющих деньги, до такой степени ощутителен, что нет даже торгующих казаков, которые непременно завелись бы ввиду больших барышей, если бы были деньги, так как торговля для казаков была делом сродным еще в Забайкалье. Если в большой станице и найдется кто-нибудь, который потаргивает, торговлишка его чересчур уже микроскопична; купцы же с капиталами что-то не ездят по станицам для продажи чая и товаров, нужных для одежды. Между тем их ждут не дождутся: чай, который в Айгуне стоит 90 к., в 120 верстах от города продается на 40 к. дороже; так же и дабы и всякая другая мелочь, — и то еще не везде достанешь.

Впрочем, теперь казаки перестали уж унывать; в свободное время молодежь каждое воскресенье устраивает вечерки. Придет страда, тогда примутся работать, усиленно работать, — но и тут без вечорок не обходится. Богатые хозяева, чтоб убрать свой хлеб, собирают «помочь» — «весь ли караул (станицу) или там сколько нужно; людно — так людно, мало — так соседей и знакомых только зовем,

и все вот приезжают на пашню. Тут жнут — все ли, так все, а то, сколько успеют. А вечером к хозяину, значит, собираются; тут у нас вечер устраивают, для мужчин спирт, для дам — водка, а для девиц — чай, и до поздней ночи парни с девицами забавляются танцами».

Свободное время находится и для мальчиков: школа не остается без учеников. Зимой в сотенной школе учится мальчиков 30, 40; летом их распускают, так как учитель отправляется на сенокос и на пашню. Вообще, грамотность гораздо более распространена между казаками из 2-й конной бригады, чем, например, в деревнях любой великороссийской губернии. Но книг нет порядочных, и потому это часто отбивает у детей всякую охоту учиться читать.

Рядом с казаками по рекам Зее и Завитой живут крестьяне. Поселения по Зее простираются теперь верст на 50 от устья; местами просто не нахвалятся. Говорят, на основании слухов, доходящих от орочан, что такие же удобные места тянутся верст на двести вверх до гор. Тут лежат задатки амурских запасных

хлебных магазинов. Число переселенцев (за свой счет) постоянно увеличивается: с нынешнею весной прибыло несколько десятков селений малороссов; сзади их идут другие; кроме того, получено из России письмо, в котором извещают, что из Самарской губернии выходит около 400 семей; половина вышла уже в марте нынешнего года; другая половина должна выйти вслед за первою. Конечно, материальная обстановка крестьян (особенно молокан), которые большею частью вышли с деньгами), как людей, втянувшихся уже в работу, гораздо лучше материальной обстановки казаков[84]. Крестьяне продали в нынешнем году значительное количество хлеба в казну (до 10 000 пуд. вместе с казаками), а люди побогаче, которые, живя в окрестностях Благовещенска, имели средства устроить конную мельницу, еще понажились следующей операцией: они покупали у маньчжур пшеницу в зерне по 50 и 60 коп. пуд, мололи ее и потом продавали в казну по 1 р. 10 к.

Обеспечив себя от голода и других лишений, молоканы теперь уже принимаются за огородничество и садоводство. Первые по-

пытки довольно удачны: так, у одного хозяина привитые недавно яблони и груши идут очень хорошо, и, быть может, Забайкалье, лишенное всяких фруктов, со временем будет получать их с Амура. Конечно, садоводство и огородничество развивались бы гораздо быстрее, если бы не крайний недостаток семян, прививков и пр., затруднительность их выписки, часто недобросовестность семенных магазинов в Петербурге и Москве. Вот прекрасное поприще для деятельности разных наших обществ.

Сам я не был у крестьян на Зее, но по всему видно, что обстановка их очень порядочная, гораздо лучше российской, что, впрочем, подтверждается и числом вновь приходящих переселенцев. На этих местах, как я писал вам, сгруппировалось и всё маньчжурское население по Амуру. Оно очень густо и внутри страны по правому берегу Амура. По левому берегу между нашими станицами, верст на 10 ниже Благовещенска, тянутся непрерывно цепью разбросанные между деревнями маньчжурские деревни. Это население представляет редкий пример иностранных подданных

на русской земле. Теперь с ними поступают совершенно благоразумно: их не трогают, не делают переписи, чтобы не встревожить и не заставить внезапно переселиться на китайскую сторону, что весьма возможно и вероятно. Но пройдет еще несколько лет, они ознакомятся с русскими, и тогда сами не пожелают находиться в китайском подданстве и останутся на нашем берегу, увеличивая население трудолюбивым и очень честным, по словам казаков, народом.

Окруженный таким густым населением из превосходных земледельцев, поставленный рядом с Айгуном, который, в свою очередь, соединен хорошими дорогами со всеми окрестными деревушками и с городом Мергеном, тоже правительственным центром в земледельческом округе, — Благовещенск, конечно, составляет одно из лучших мест на всем Амуре. Цены на хлеб, на скот не высоки, и к тому же рядом имеется такое торговое племя, как маньчжуры[85]. Ясно, что городок должен быстро развиваться. Число домов (в 1859 г. — двадцать) теперь дошло до двух или трех сот. Правда, видное (но не главное по числу) ме-

сто занимают дома казенные, по протяжению всего берега не найдется десяти частных домов; зато они заняли место внутри, за цепью казенных строений, и число их растет очень быстро. Одно поразило меня: совершенный застой торговли. Напрасно обходил я все лавки, отыскивая нужных товаров: лавки пусты или завалены ненужным хламом. А нужного-то и нет: сахар можно достать в одной лавке и то за баснословную цену[86], сигар почти нет, и так во всем. Или грузы еще не пришли? Но вообще торговля сильно напоминает знакомую нам читинскую торговлю. Одним словом, по всему видно, что Благовещенск город не торговый, а вернее, проезжий. Впрочем, да не подумает читатель, чтоб это доказывало процветание гостиниц, нисколько: есть, правда, две или три с номерами, но без признаков мебели, и еще гостиница «Николаевск», снабжающая за дорогую цену обедами, когда повару вздумается готовить.

Современная летопись. 1864. № 34. С. 6–8.

[XV]

С. Хабаровка, 17-го июля 1864 г.

Расставшись с казаками 2-го конного полка, я должен был быстро нестись на пароходе вниз по Амуру, делая по 20–25 верст в час и заезжая в станицы только для того, чтобы грузить дрова. Как в панораме мелькали передо мною станицы. Проплыли мы живописный Хинган и неслись мимо постоянно переселяющихся станиц Амурского пешего батальона, из которых большая часть вот уже третье место меняют и все жалуются, что их топят, если не самые станицы, то непременно уж пашни; наконец, приходится-таки прибегнуть к тому, с чего можно было начать, — откочевать к горам. Но и там, как говорят, едва ли найдутся удобные места: в горах лес, а на лугах топят. Для меня повторялось прошлогоднее обозрение; мало нового бросалось в глаза: та же живописная, немножко грязная даже в малые дожди Хабаровка с ее пнями; в ней та же фактория амурской компании, которая скоро, по-видимому, прекратит все свои неудачно ведущиеся дела: по крайней мере,

присутствие только остатка товаров в благо-вещенском магазине заставляет так думать и верить слухам о скорой ликвидации. В это же время под боком у амурской компании, ведущей свои дела en grand, шесть купеческих домов, имеющих дела в Хабаровке, по-видимому, ведут свою торговлю скромно, соразмерно потребности и далеко не без успеха. За Хабаровкой те же неудачные поселения крестьян, те же бедствующие деревни, — только заходя в те из них, где я прежде не был, я мог убедиться, что и в них так же плохо, как и в тех, о которых я писал в прошлом году. А тут еще исправники слишком усердно предлагают крестьянам, чтобы они брали на себя вывоз леса для Николаевска. Условия доставки бесспорно выгодны, но крестьяне, зная их из уст исправника, имеют об них очень смутное понятие[87].

В нынешнем году на разработанных клочках виден очень хороший хлеб, и если не пойдут дожди вроде прошлогодних, то сбор будет порядочный, впрочем, конечно, не достаточный для того, чтобы прожить без пособия от казны. Был я и в знаменитом Горюне (Горинь,

Тамбовское селение), куда не попадал в прошлом году. По улице в дождь пройти нельзя — болото. Одним словом, крестьяне вынуждены были у себя на улице шоссе насыпать и прорыть канаву для стока воды, обложив ее досками. Шоссе в деревне! А иначе пройти нельзя было из дома в дом. Невдалеке и пашни (обрабатываемые кайлом) и сенокосы, которые ежегодно топят, а нынешнею зимой, говорят, приходилось кормить скотину сеном в продолжение 8-ми месяцев, сено же, как вам известно, надо было собирать в густых лесах. Хлеба все-таки нет, а уж и 3-й год прошел, и срок кончился, по который обещано было кормить крестьян казенным хлебом. Что же впереди? Одна надежда, проедет генерал-губернатор, авось позволит переселиться куда-нибудь. А между тем, если б эти крестьяне были поселены на хороших местах, сколько бы повалило их же соседей — из Вятской и Пермской губерний? С какими подробностями земляки в своих письмах, прося не выписывать поклонов, просят написать, каково они живут и каковы места, и каковы заработки, — и всё, всё, до мельчайших подробно-

стей? — «Да вы что им написали в ответ?» — «Сам знаешь, жил ты у нас прошедший год, видел, слышал, каково оно житье, то и напишешь». А что я слышал и видел в прошедшем году, то буквально передано в моих прошлогодних письмах.

В настоящее время часть крестьян из всех деревень переселяются на гавань Ольгу, на Восточный Океан. Находятся добровольные переселенцы, даже не зная места, в уверенности, что «хуже здешнего не будет». А там пройдет несколько времени, найдется более удобное место, из Ольги туда, пожалуй, переселят[88], — труда не составляет. Но много ли найдут крестьяне в Ольге, отрезанные от всего остального мира, — вот вопрос; где и на какие деньги будут доставать одежду? Конечно, не от продажи съестных припасов на военные суда, которые раз или два в год заходят в эти места.

Городок Софийск только потому город, что таковым ему приказано быть. Хабаровка, по наружности, скорее его похожа на город и всеми окрестными жителями так и зовется. Между гор, заросших густейшею лиственни-

цей, возле болота, выдалось открытое местечко, — тут и приютился Софийск. Пока в наружности его обличают город только пушки на берегу, очень старые и негодные казармы, телеграфное управление и церковь. Рядом с ныне существующей церковью, совершенно достаточною для населения города, стоит почерневший остов огромной, прежде начатой церкви, вдвое больше теперешней. Сруб был сделан почти весь, но ее не достроили, убедясь в бесполезности. Телеграфный зал построен в два этажа, с фасадом в 7 окон, с башнею — всё как следует; одно плохо, — телеграф плохо действует от частых повреждений. Депеши (и, к сожалению, это часто повторяется), посылаемые с парохода, идущего в Николаевск, доходят дня через два или три после его прихода. В настоящее время телеграф проведен от Николаевска до Софийска (290 верст) и от Софийска до залива де-Кастри (около 80 верст). Теперь он проводится между Софийском и Хабаровкой, и есть намерение в нынешнем году довести его до этого места, для чего работы производятся большими партиями одновременно в нескольких местах по

линии; для перевозки команд, припасов и т. п. имеются три небольшие телеграфные парохода в 14 сил каждый, сидящие немногим более фута, которые могут заходить в любую протоку, подходить к самому берегу и т. п. Кроме того имеется четвертый пароход побольше, на котором ездит строитель амурского телеграфа г. Романов.

За Горюном местность начинает становиться еще гористее, волны в Амуре делаются круче и более, — мы проезжаем большой хребет Сихотэ-Алинь, через который прорвался Амур. Тут он собирается в одно русло не более версты или полуторы и достигает иногда глубины 50 саж., а в более узких доходит до 70 саж. Хребет имеет характер чрезвычайно дикий, на вершинах его и лес почти пропадает, только мох и жалкая трава; на горах, в лощине лежит еще снег (30-го июня); небо хмурится, по вершинам гор ползают облака, нас обдает мелким петербургским осенним дождем. В такой дикой местности, среди лиственничных болотистых лесов, на расчищенных полянках тоже поселены деревни; мы минуем их, только в трубу можно рас-

смаатривать мрачные окрестности.

Наконец, показался Николаевск, встречал нас дождем и совершенно морскою (в слабый даже ветер) качкой. Так как мы пробыли в этом городе всего лишь несколько дней, то предупреждаю вас, что мои заметки могут быть только самые беглые.

Город расположен на высоком берегу; издали уже он выказывает на береговой улице несколько красивых, обшитых тесом и окрашенных домов[89], церковь, далее дома попроще. Напротив, на правом берегу, крутые горы, заросшие густой лиственницей; впереди суда сибирской флотилии: «Америка», «Японец», «Маньчжур», «Сахалин», паровая лодка «Морж» — одним словом, вся флотилия в сборе, и кроме того, два или три купеческих судна, пришедшие в этом году[90]. Пониже города порт, в котором кипит работа паровых машин, работает литейная, механическое заведение, в гавани паровой машиной очищается грязь. Перед городом на отмели красуется Константиновская батарея[91], не знаю, насколько она прочна, слухи, впрочем, носят, что нельзя заподозрить ее в прочности. Город

занял место, где раньше красовался густейший лес, — так свидетельствуют теперь торчащие по улицам пни, которые часты и так перепутались корнями, что нужен некоторый навык, чтобы вечером отыскивать между ними дорогу. От пней избавилась пока только главная береговая улица, отчасти площадь перед штабом, да постепенно избавляются другие. На набережной улице за садиком виден дом губернатора (не такой дворец, как в Благовещенске), а в особенности красуются дома «американцев»[92] с мачтами, на которых по временам являются флаги гамбургский, Соединенных Штатов... Лавки далеко не пусты, хотя еще ждут привоза товаров, — иностранных товаров можно найти в изобилии, и торговля, как нужными, так и ненужными предметами роскоши, по-видимому, идет быстро, товары скоро распродаются. Нельзя сказать, чтобы цены на них были низки, но если дают такие цены, отчего же не брать, а к тому же сравнительно с общею дороговизной съестных припасов, — хлеба, мяса, молока, овощей и пр. — они не составляют резкого контраста[93]. Торговля американцев,

как видно, идет очень хорошо; все они на-строили себе дома, убранные с разными зате-ями, и живут далеко не бедно. Главная тор-говля происходит, как говорят, винами и вод-ками, частью, может быть, препарированны-ми в Шанхае из рисового спирта. Покупате-лей на них очень много, особенно в низших классах, между которыми пьянство развито очень сильно: большое количество разбитых бутылок, валяющихся между пней, тоже кое о чем свидетельствует.

В Николаевске существует библиотека, до-вольно обширная и постепенно пополняющая-ся, и собрание, хотя не очень большое, но очень уютное, удобное и хорошо убранное; а главное, оно служит не только для украше-ния города, как в большинстве городов, а и действительно местом сбора.

Город показался мне оживленным, не сон-ным, вероятно, вследствие присутствия всей эскадры. В порту тоже неумолкаемо идет ра-бота, а это тоже придает много жизни. В пор-ту имеется хорошее механическое заведение, небольшая линейная и т. п., но по неимению дока капитальные починки судов не могут

быть сделаны в Николаевске, и суда принуждены ходить за этим в Шанхай или Нагасаки. Наконец, на случай пожара есть и паровая машина больших размеров, конечно, очень полезная на случай пожара в порту, но едва ли применимая в городе, где проезд по улицам между пней будет невозможен.

Вот и все, что я вынес из беглого осмотра Николаевска — говорить об общественной жизни, конечно, невозможно, пробыв там немного времени. Через четыре дня мы снова быстро неслись назад. Пароход уносил нас вверх со скоростью около 13 верст в час, и скоро Николаевск с его дождями, туманами и холодом остался позади нас. Дождь и отчасти холод преследовали нас до Хабаровки; как говорили крестьяне в деревнях, в это время они были повсеместны, с тою только разницей, что нигде по сию сторону хребта не было этой насквозь прохватывающей сырости и нигде термометр не опускался до $+4^{\circ}\text{R}$ около полудня, как это было в Николаевске и его окрестностях.

[XVI]

Ст[аница] Михайло-Семеновская, 20 июля
1864 г.

Из Хабаровки мы отправились вверх по реке Уссури, принесшей, как вам известно, свои воды в Амур с юга и судоходной для пароходов, сидящих не более 3 фут, на протяжении около 400 верст.

Уссури течет почти по меридиану, закрытая с востока и запада горами и открытая к югу, она всех поражала сибирских пришельцев своею южною растительностью, своим теплым, не сибирским климатом, красотой своих лесов, плодородием почвы; оттого беспрестанно слышатся отзывы о долине этой реки, как об сибирском Эльдорадо. Между тем, несмотря на это и на то, что часть переселенцев уже пятый год живет на Уссури, всех их казна принуждена кормить до настоящего времени. Не разрушая вопроса о причинах этого явления, так как плаванье мое взад и вперед по Уссури совершалось слишком быстро и на берегу я был всего в восьми или девяти станицах, я все-таки постараюсь привести

несколько заметок, которые, впрочем, разве только в общем собрании всех фактов могут послужить для разъяснения дела.

По Уссури расположен уссурийский пеший казачий батальон, составившийся частью из забайкальских казаков, частью из «вновь переселенных» (сынков, бузуев, гольтепаков тоже). Казаки были взяты большею частью из мест, где они уже привыкли пахать и сеять, а какие хлебопашцы «сынки», это вы знаете из моих предыдущих писем[94]

Заселение Уссури началось с 1858 года[95] и продолжалось до 1862 г. В настоящее время по Уссури размещены на 20-25-верстном расстоянии 23 станицы, общее население которых составляет около 5000 человек мужчин и женщин. Много трудностей пришлось на первых порах преодолеть казакам. Скот, непривычный к жестким травам, зараставшим по островам до высоты человеческого роста, днем, преследуемый «паутами» (оводами), ночью несметным количеством мошки и комаров, не успевавший наедаться, — держался с трудом и падал почти повсеместно. Положение казаков, имевших под руками действитель-

ную, полную сил почву и не имевших другой рабочей силы, кроме силы собственных рук, было далеко не завидное: не имевшим скота на первых порах пришлось обрабатывать землю кайлами, наниматься же самим в рабочие некуда, так как кроме казаков никого более нет[96], а китайцев и гольдов было в 1859 году насчитано на всей Уссури не более 800 человек, да и тем не нужно рабочих, так как главное их занятие рыбная ловля, хлебопашество же ограничивается посевом в огороде небольшого количества ячменя и буды. Тогда приняты были меры, чтобы снабдить казаков казенным скотом; дело бы поправилось, но выбор места для пашен был сделан неудачно: наступал конец лета 1861 г., и большую часть пашень потопило. На Амуре было такое же страшное наводнение, и доставка скота для Уссури была крайне затруднительна. Нельзя было пристать к луку, где нашелся бы порядочный корм: все луга, как в прошлом году, были под водою, иногда не удавалось кормить скот по нескольку дней, — и теперь еще Амур полон рассказов про баржи, занесенные на мель, которая впоследствии

оказалась островом, и теперь еще по островам виднеются остатки таких барж. Скот, следовательно, дошел в жалком виде, и падал в огромном количестве. Но все-таки в большей части станиц казаки стали поправляться понемногу. Они жили на такой благодатной почве, которая щедро вознаграждала за каждое брошенное в землю зерно; к тому же из казны выдавался паек, присылались семена, впрочем, всегда слишком поздно. Не хотелось казакам расставаться с разработанной на лугах землей, дававшей непомерные урожаи, и как говорят, хотя некоторые хозяева и принялись за расчистку перелесков, но зато многие другие согласились лучше подвергаться периодическим наводнениям через 6, 7 лет, в остальное время вознаграждая себя богатыми урожаями, чем распахивать новые места. Ленъ, все-таки свойственная этим казакам, как большей части забайкальского казачьего люда, да авось помогли. А казалось, как было не подумать, отчего-де маньчжуры здесь не селятся, видно, не без причины, или расспросить у гольдов, часто ли топят луга? В 1862 г. была осенью страшная засуха. В 1863 г. пред-

виделся богатейший урожай, но, как вы знаете, полились непрерывные трехнедельные дожди, все пашни на лугах затопило, на прочих (разработанных тоже на низких, не поросших лесом местах, очевидно болотного свойства) стояла невылазная грязь. Там, где не было ни наводнения, ни грязи, хлеб весь погнил от этих дождей. Снова потребовались хлеб и семена, которые в нынешнем году пришли на устье Уссури в мае, а в верховья в июне, частью даже в конце, и опять нельзя рассчитывать на хороший урожай.

Вот что мы видели, проезжая по Уссури в первой половине июля нынешнего года. Первая станица, в которой мы остановились, была ст. Казакевича (в 40 верстах от устья), лежащая там, где в Уссури впадает рукав Амура. Она выросла на крутых отрогах холмов, там, где несколько лет тому назад рос огромный лес из ореховых деревьев, дубов, осин, берез, кедров, пробкового дерева, ясени, кленов, красного дерева и т. п., перепутанных виноградником и рядом плюща. Теперь этот лес вырубается на постройки, но все-таки огромных запасов его по горам при Уссури надолго

хватит даже и при нерасчетливой нашей порубке. Все эти деревья достигают огромных размеров, и кедровые доски в полах и потолках в $\frac{3}{4}$ арш. шириною не редкость. Оттого некоторые дома отличаются особенною щеголеватостью в выборе леса для построек. Огороды, лепящиеся за домами, покрыты превосходною густейшею растительностью. Тут давно уже едят огурцы, в то время как в Николаевске все еще продовольствуются американскими презервами; капуста завивается в огромные вилки, картофель уже отцвел. Пашни расположены где-то за деревней между перелесками, так что их не видно; одно можно сказать, что разработка лесов под пашни далеко не легка; зато раз разработанные пашни дают, как говорят, невероятные урожаи.

За Казакевичевой мы проезжаем заросший лесами хребет Хёхцыр и вступаем в низменные берега, изредка поросшие дубовыми перелесками и состоящие почти исключительно из наносов. Большая часть станиц, расположенных в этих местах, принуждена будет переменить место: все пашни и луга топчат. Надо будет разрабатывать небольшие

релки, которые шириною в версту тянутся иногда на несколько верст в длину.

Затем идет немного лучше, и начиная с 16 и 17-й станиц до 23-й места становятся все лучше и лучше. Последние станицы имеют задатки хороших хлебородных поселений. Но везде характер местности таков: дубовые леса [97], довольно редкие, но заросшие большею частью мелкою дубовою и орешниковою «щеткой» (частым кустарником). Между лесами попадаются прогалины с таким же редким лесом, но без щетки; эти прогалины уже немного ниже мест, заросших щеткой, в них непременно должна скопляться грязь во время больших дождей. Конечно, лучшие места те, которые заросли щеткой, но изо всех пашень одной из лучших станиц пока еще нет расчищенных из-под щетки; большею частью пашут между перелесками. Причина этого, конечно, та, что для того, чтобы расчистить перелески, нужно иметь 3, 4 пары быков, чего ни у одного из казаков нет. Далее, проезжая между пашень 21 и 22-й станиц, лучших в батальоне, мы видели, что хлеба раннего посева (большею частью ярица) вышли хорошо, но

не превосходны, как можно было бы ожидать, судя по рассказам; а хлеба позднего посева (в июне) вышли из рук вон плохи, — редки и с мелким колосом. Одна надежда остается на гречиху, которая в этом благодатном климате хорошо взошла, несмотря на поздний посев[98], и еще успеет созреть до осенних морозов.

Вообще, Уссурийский край несомненно богатый край, особенно по своим лесам; но обработка его для хлебных посевов не легко достается; нужны средства, много скота[99] (который, пока не привыкнет к здешним кормам, будет падать), а без него трудно будет пробиваться казакам, и если опять скоро случатся наводнения, то долго еще казаки не будут иметь своего хлеба. Большую поддержку, впрочем, находят они в огородах, которые дают великолепные продукты; картофель, капусту, кукурузу, бузу и т. п., и отчасти в рыбе, которой, однако же, добывается казаками весьма немного, потому что нужно иметь невода, что также требует денег, так как их посевы конопли просто ничтожны; в деньгах же чувствуется теперь положительный недо-

статок, негде добыть их[100]. Наконец, если бы они и были, то негде купить хотя самую плохую одежду. Купцы сюда не заходят, если же и зайдут, то завозят самые дрянные изделия и берут за них втридорога. В заключение не могу не упомянуть об одном утешительном факте, представленном некоторыми «сынками», они, особенно женатые и те, которые соединились в небольшие артели, принялись за разработку земли, некоторые из них имеют хорошие огороды и ими живут — остальные же, одинокие, как хлебопашцы никуда не годятся.

Поднявшись по Уссури до 23-го станка[101], мы остановились здесь на несколько дней, бродя по лесам, сквозь которые иногда приходится чуть не топором прорубаться, — до того завалены они гниющими деревьями и покрыты мелкою, густою зарослью. Тут, в глуши, приволье для тигров, которые до сих пор еще нападают на домашний скот, но зато часто сами попадают на штыки наших казаков-охотников. Они бывают иногда громадных размеров. Так, один из тигров, убитых в нынешнем году (не из самых больших), был, в чучеле

слабо набитом и не растянутом, длиною в $2\frac{3}{4}$ арш., не считая, конечно, хвоста. Так как на тигровые шкуры легко найти покупателей (платится за шкуру от 25 до 40 руб.), то их бьют охотно и гольды, и казаки.

Современная летопись. 1864. № 42. С. 14–15.

[XVII]

10 мая 1865 г., Иркутск
До какой степени мало изведанный и трудно изведываемый край — Восточная Сибирь, можно судить хотя бы по тому, что стоит отъехать от Иркутска лишь несколько десятков верст, чтобы разом очутиться среди непроницаемой таежной глуши, по которой вьется лишь несколько тропинок. Все наше знакомство с Восточной Сибирью состоит лишь в знании дорог от одной населенной местности до другой и самих этих заселенных местностей лишь настолько, насколько хватают их поля. Но известно, как негусто заселена Восточная Сибирь, а потому не мудрено, что целые громадные пространства не только не известны, но даже не были посещаемы ни-

кем, кроме зверопромышленников да партий, искавших золото.

Так и под самым Иркутском лежит такая тайга, что нужно особенно любить эту тайгу, чтобы без всякой надобности забираться в подобную глушь. Стоит взглянуть на карты Восточной Сибири, конечно, не те, которые много наносят гадательно, чтобы дать понятие о стране, которые испещряют Забайкалье хребтами и горами, а между тем про эти хребты можно одно только сказать, что они действительно есть, но имеют ли они те размеры, представляют ли те рельефы, которые силится изобразить карта, это вопрос еще очень сомнительный, — так взгляните, говорю я, не на эти карты, а на те, на которых нанесено лишь то, где был человек с инструментом, лишь то, что входило в круг зрения его и инструмента, и вы увидите, какие урывки, какие ленточки дорог, какие небольшие участки знаем мы в Восточной Сибири. С каждым годом накапливаются материалы — покамест преимущественно картографические, но все-таки далеко еще то время, когда можно будет сказать, что большая часть даже южной поло-

сы Восточной Сибири хорошо известна в топографическом отношении, что, следовательно, первый шаг к исследованию страны уже сделан. Так, например, съемки берегов Байкала представляют пока узкую ленточку известной местности лишь по берегам озера («моря», как его здесь называют) да по Ангаре. А что находится далее — в цепи Байкальских гор, например, которые тянутся по северо-западному берегу озера, — это еще очень мало известно. Да и кому какая нужда забираться в эти горы? Их осмотрели по краям, с озера, а во внутрь доступ очень и очень труден. Представьте себе высокую горную цепь с крутыми, иногда почти отвесными скатами к морю. Ее гребни торчат на 2500–3500 фут. над уровнем Байкала: все они сверху донизу заросли густейшим хвойным лесом и изрезаны глубочайшими паадьми (узкими долинами). Можно легко вообразить себе все трудности, с которыми сопряжено передвижение в этих горах.

Мы имели случай в конце апреля нынешнего года поехать в этих горах верст на пятьдесят. Пронесся слух, что на Кадильном мысу, одном из тех двухсот мысов, которыми пада-

ют в Байкал окрестные горы[102], есть пещеры и что в одной из пещер найдено 7 скелетов гигантского размера. Зная наверно, что скелеты не гигантские, все-таки было интересно проехать и привезти черепа. Добраться до этого мыса можно было только доехав до Лиственичной (на берегу Байкала), большой деревни, где находится пароходная пристань и таможня, собирающая пошлину с чаев и амурских товаров, вследствие чего последние совсем перестали привозиться в Иркутск, а при недостаточности сбыта в Забайкалье, вероятно, со временем будут возиться только для Амура. От Лиственичной же до Кадильной можно было зимой доехать «по замерзшему льду», как гласят объявления, вывешенные на станциях, летом на пароходе, а весной — верхом.

«Путь к Восточному Океану», как гласит надпись на Амурских воротах в Иркутске, до Лиственичной очень хорош. По прекрасной, гладкой дороге вы идете вверх вдоль берегов Ангары, мимо нескольких деревень и казачьих станиц, занимающихся сплавом леса и дров для Иркутска, мимо Тальминской фабрики

ки, наконец, мимо деревни Никольской, где зимуют суда, плавающие по Байкалу.

Тальминская фабрика выделывает стекла и сукна. Как ни странно, но на самом деле Восточная Сибирь, в том числе и Забайкалье, пробавляются в значительной мере стеклом, привозимым из России, то есть из-за 5000–7000 верст сухим путем, при провозной плате от 4 руб. до 7 руб. с пуда от Нижнего. Здесь есть, правда, несколько стеклянных фабрик, чуть ли не 4 в Иркутской губернии и 3 — в Забайкалье, но выделываемое на них стекло отличается замечательным безобразием форм и зеленым цветом. До сих пор наши фабрики не могут избавиться от этого цвета, зависящего, как говорят, главным образом от употребления натровых солей, а не калиевых, — именно везде вместо поташа употребляют гуджир[103]. При изобилии лесов, конечно, поташ мог бы приготовляться в огромных размерах, если бы добывка его сделалась делом свычным населению и если бы здешний крестьянин гнался за тем, чтобы в свободное время добыть лишнюю деньгу. Но по разным причинам, отчасти потому, что есть

другие, более выгодные заработки, здесь не занимаются этим промыслом. Таким образом, поташ слишком дорог, а так как и простая зеленая посуда находит себе сбыт, то для здешних фабрик оказывается выгоднее выделывать простую зеленую или синюю посуду и зеленые же стекла, чем заниматься выделкой хорошего стекла. Но даже и зеленого стекла выделывается слишком мало: так, двойных рам в деревнях почти не делается, а одиночные часто состоят из кусочков битого посудного стекла, вделанного в бересту. Мы сами видели на Сибиряковской фабрике[104], как трудно придавать этому стеклу желаемую тонкость и как оно грубо, и убеждены, что причины выделки плохого стекла на наших фабриках лежат не в одном гуджире, а также, вероятно, и в плохой очистке материалов и в неумении рабочих.

Особенно пригодно для стеклянных фабрик должно быть Забайкалье, богатое замечательно хорошим чистым кварцевым песком и изобилующее гуджиром. Почти вся вторая бригада (окрестности Чинданта, о которых я писал в свое время) могла бы заниматься

стеклянным производством в небольших фабриках в виде сельского промысла, но в тех условиях, в которых находится тамошнее казачество, живущее своими табунами, еще не является потребности в подобном производстве.

Второе производство Тальминской фабрики, которое мы знаем по образчикам, приведенным в 1862 г. на выставку в Читу, — это верблюжье сукно, также отрасль промышленности, которая со временем может получить большое развитие, особенно за Байкалом. Сукно значительно опередило стекло, особенно сукно, которое выделяется на новой фабрике, устроенной за Байкалом в округе, особенно богатом скотом. Но нельзя быть слишком строгим к продуктам наших фабрик, которым приходится преодолевать много трудностей. Неуменье рабочих и трудность найма хороших людей, трудность достать мастеровых, которых выписывают из России, собственное незнание фабрикантов, наконец, условия (владения землей за Байкалом, где земля не продается, а отдается лишь в аренду на 90 лет, все это тормозит — и сильно тормо-

зит — нашу фабричную производительность.

Но вот и село Никольское. Тут Ангара вырывается из Байкала между двумя крутыми обрывами гор и быстро несется по камням мимо двух торчащих из воды Шаманских камней, чтобы потом нестись в широкой долине, местами разбиваясь на протоки. Тут, у деревни Никольской, в изгибе реки, зимуют суда, плавающие по Байкалу и отличающиеся своею совершенно своеобразною конструкцией. Плаванье по Байкалу, рыбные промыслы и извоз послужили важным предметом обогащения для прибрежных крестьян, почему прибрежные деревни особенно велики и отличаются зажиточностью. К сожалению, мы не имеем никаких сколько-нибудь верных сведений ни о байкальском судоходстве, ни о рыбном промысле. Со своей стороны скажем только, что в Никольской мы насчитали всего 37 судов, годных к плаванью; на той стороне, говорят, зимовало в Прорве всего 5 судов, да одно судно, слишком поздно рискнувшее перебраться через Байкал, зазимовало во льду как было, с чаями. Несколько судов находится еще в Иркутске или ушло вниз по Ангаре.

Кроме того, по Байкалу ходят два парохода, и строится третий.

Заговоря про это пароходство, остается только рукой махнуть; правда, говорят, что воспоминание даже о неприятностях, которые пришлось перетерпеть, бывает приятно. Может быть, но, вероятно, это справедливо только в том случае, когда воспоминания относятся к неприятностям, наделанным горами, реками, бурей, но бурей в море или в лесу, а не в гостинице, где при сильном ветре с Байкала вам нужно свечку свою загораживать книгами от ветра, дующего сквозь стены, а в этой-то гостинице вы принуждены по трое суток дожидаться парохода; наконец, бурей в поле, а не тою, которая дует сквозь разбитые стекла на пароходе. Да, может быть, и приятны эти воспоминания, когда знаешь, что с моря да с гор нечего взять, но когда во всем виноваты люди, так тут воспоминания переходят в досаду. Ветер ревет, пароход идет под сильною боковою качкой, от которой того и гляди попортится машина, когда одно колесо работает чуть не на воздухе, а другое в воде чуть не до самой оси. Ревет, всех укачало, до-

стается машине, а не переменять же направления, не идти же зигзагами, — к чему? Ведь надо идти туда-то, значит и иди прямо, авось машина выдержит. Конечно, в эту минуту не весело золотопромышленнику, который заплатил за золото по 5 руб. с пуда, в то время как за остальную кладь платится по 60 коп. [105] Смотрит он и видит, что его золото, запечатое в кожах вместе с почтой, пожалуй, еще большему риску подвергается, чем все остальное. А тут, на беду, у соседа морская болезнь, вы идете просить таза какого-нибудь, чтобы не заражать атмосферы в каюте.

— Нет таза.

— Да над чем же у вас умываются, если два дня ходят в море?

— У нас не умываются.

Резон. А тут еще под ухом дверь стучит; лежат баррикады, которыми пассажиры вот уже третий год заменяют ручку у двери... Ну да всех мытарств не расскажешь, да и не стоит, теперь строится новый 120-сильный пароход, который, надеемся, будет лучше старых.

Осмелимся только дать один совет — завести побольше лодок, хотя бы даже ныне упо-

требляемых, остро-высоконосой конструкции, так как байкальские специалисты-мореходы говорят, что морские шлюпки обыкновенной конструкции здесь не годятся. Хотя, конечно, они удобнее, но, может быть, действительно при здешней толчее, при короткости и высоте волн высоконосые шлюпки безопаснее: так хоть бы таких лодок завели побольше, а то с одной лодкой на пароходе куда как неудобно. Мы слыхивали, что в других морях пароходы обязаны иметь лодок на полный комплект пассажиров, и здесь, на старых пароходах, не мешало бы принять это за правило.

Но, может быть, я увлекся воспоминаниями, пора и дальше. Итак, вы доезжаете до Лиственичной. Лед у западных берегов Байкала в конце апреля местами уже разошелся, зато дальше, к восточному берегу, он лежал еще очень плотную массу, по которой 24 апреля, правда с трудом и за большие деньги, но еще провозили проезжих; поэтому, лишенные возможности пробираться по льду, мы должны были отправиться до Кадильной верхом.

И вот, только что вы отъедете несколько

верст от Лиственничной, только что заворотите в одну из падей, где никем не охраняемые пасутся лошади, отпущенные на все лето в тайгу для поправления здоровья, как начинается истинная глухая тайга с ее ненарушимой тишиной, с густым, преимущественно хвойным лесом, где вьется еле заметная тропка со снегами, лежащими до половины лета в распадках, и с прочими удовольствиями. Долго, долго взбираетесь вы по разным падям, все в гору, в гору, пока не вскарабкаетесь на самый гребень Байкальских гор. Тут вправо и влево открываются грандиозные ландшафты. Вправо виден кусок того полумесяца, которым тянется наше «море» — Байкал, влево долина Ангары, сама Ангара в виде ручья, вьющаяся в долине, наконец, Тальминская фабрика. Нужна вся привычка здешних коней, чтобы карабкаться на эти горы. Эти последние так круто падают, образуя узкие «пади», что пролагать менее крутую вьющуюся тропинку почти невозможно, иначе она шла бы по слишком крутому косогору, где один неосторожный шаг коня подвергал бы седока опасности сорваться в пропасть. И вот тропа

круто ведет в гору из какой-нибудь пади, в которой летом, когда лес покроется зеленью, царит такая тьма, такая сырость, что и среди лета подчас не протает снег, а в пади такая грязь, что еле выберешься, — ну и назовут эту падь варначкою (варнак — ссыльнокаторжный), или каторжанкою, или черною. Когда подъем уж очень крут и конь делает непомерные усилия, чтобы взобраться, ямщик Посоветует вам покрепче держаться за гриву, чтобы седло (конечно, без нагрудника) не сползло и вы не очутились далеко позади коня. «Ну, впрочем, конь всегда, это, остановится, если седло сползет», — утешает ямщик, значит, такой случай будет не впервой, а все-таки нагрудника не сделали. Таким образом, вопреки всем правилам о перенесении центра тяжести на переднюю часть коня при подъеме в гору, вы после первых шагов сидите уже на крупе...

Но если трудны подъемы, то не менее трудны были и спуски, особенно в одном месте, где пришлось горами объезжать два мыса, выдавшихся в Байкал («Соболев» и «Чаячий»). Долго, долго наш проводник не решал-

ся на этот объезд, все пытался проехать низом. Но на обратном пути лед, пригнанный ветром, не пропустил нас, и волей-неволей пришлось забираться в горы. Долго лезли мы вышеописанным способом, пока не выехали, наконец, на узкий, аршина в два, гребень отрога гор. Вправо и влево идут крутые спуски в пади, поросшие непроходимым лиственным лесом, влево виден Байкал, вправо — нагроможденные высокие горы. Отрог так крут, площадка на гребне так узка, что кажется, будто вы едете по гребню исполинской крыши, падающей куда-то в бездну. Среди темноты, царящей в падах, глаз едва различает деревья на дне их. Сходство с крышей дополняется свалившимися в обе стороны деревьями. Когда-то пришел «пал» — лесной пожар, вероятно еще с ветром, и навалил деревьев, которые как жерди лежат в обе стороны. Проехали мы с версту, забрались еще повыше, осталось только спуститься по плоскости, падающей под углом, который во всех топографиях принято, конечно, называть недоступным и для кавалерии и для пехоты, и, вдобавок, по плоскости, покрытой засохшею скользкой

травой. Конь идет осторожно, но наконец доходит до такого места, что дальше идти не решается, а только храпит, стоя на месте. «Однако, слезать надо, — решает проводник, — а уж куда как не хочется». Надо слезть и тащить коня вниз, когда он упрется на месте, навострив уши. Тащишь его, тащишь, конечно, к сторонке от тропы, наконец, он решается двинуться и через секунду самих вас уже тащит за собой, еле удерживаясь на крутизне.

Не мудрено, что во избежание таких спусков и подъемов, версты в две или три, всячески стараются проехать берегом моря, а подле утесов самим морем, если только нет льда или сильного ветра. Западный берег Байкала, как доказали измерения, спускается очень круто — именно под углом в 67 градусов, и спуск начинается вплотную от самого горизонта воды. Когда вы едете под самым утесом, вы уже находите глубину в полтора аршина и более, но отъезжаете еще на несколько шагов, и глубина достигает до одной сажени. Конечно, такая глубина в аршин и три четверти в быстрых реках не считается бродом, но здесь море — без течений, а потому можно

верхом объехать утесы, только поближе держась к ним. Само собой, это возможно только без вьюков, которые бы непременно подмокли, и верховой, если не подберет своих ног, то несмотря на высокое бурятское седло, на подушку, положенную на седло, все-таки зачерпнет воды поверх голенища высокого сапога. Но даже и такие объезды, как я говорил, не всегда возможны, и тогда приходится объезжать утесы горой.

Вот какие трудности приходится преодолевать, чтобы весной, летом и осенью проехать каких-нибудь 50 верст вдоль берегов Байкала и притом вблизи самого Иркутска. Тут зима, сглаживающая все неровности, является единственным спасением, и ею всюду пользуются в Восточной Сибири для передвижения тяжестей. Подобные трудности встречаются повсюду, в любой гористой местности, в нескольких верстах от больших дорог. А не гористых местностей, сравнительно, имеется так мало в южной полосе Восточной Сибири! Не трудно понять по этому образчику, чего стоит прокладывание дорог по Сибири, а это повторяется и на Ингоде и Шилке, частью на

Амуре, местами на Селенге, на новой Кругобайкальской тропинке[106] и т. д., и т. д., куда ни суньтесь, конечно, кроме степей. Остается, большею частью, один способ: рвать утесы, висящие над водой, а так как порох дорог, то зимою раскладывать костры под утесами и поливать камень водой, чтобы потом он расстрескивался, и то еще впоследствии дорогу надобно будет постоянно охранять от наводнения, от размыва водой и т. п. Вот одно из главных зол в Сибири: трудность сообщений — зло, с которым трудно будет справиться этому малозаселенному краю, пока наука не придумает новых способов передвижения. Но и теперь в этом отношении является могучий двигатель — золотопромышленность. Партии золотопромышленников забираются в самые глухие, самые дикие места, и если только найдено золото, то скоро является и дорога, хоть вьючная, и поддерживается, куда существует прииск. Но чего должна стоить подобная дорога и особенно перевозка по ней тяжестей, легко понять из того, что я говорил про байкальские горы.

Но вот, наконец, уже и зимовье на Кадиль-

ном мысу, где прежде была почтовая станция. Это зимовье есть небольшой сруб с низенькой крышей, покатою в одну сторону и открытою с другой, с крошечною дверью прямо на улицу, без сеней, почти такое же темное, как и пещеры, то есть почти без окон, так как из трех дыр две запиханы разным тряпьем, а третья заклеена бумагой. Вот каково зимовье на Кадильном мысу, а зимовье вообще — это такой сруб, где надо ходить сторбившись, покрыт он накатником и землей и выстроен иногда среди зимы либо зверопромышленниками, либо во время рубки леса. Такие зимовья встречаются иногда в самой глуши тайги, и как обрадуется запоздалый путник не только зимовью, но и зимовейку, сделанному из хвороста, когда приходится осенью заночевать в лесу!

На Кадильном зимовье живут два старика, пасущие коней, собирают их, когда они уж очень разбредутся или если ночью слишком сильно залает собака, почуяв зверя (медведя, волка), бегут в лес, помогая собаке своими отчаянными завываниями. Оказалось, что старики «пещоры» знают и один из них еще «ве-

чор ходил до нее». Само собою, это было не в первый раз, и только бездельем да непомерным любопытством можно объяснить подобную любовь, часто попадавшуюся мне в сибиряках, осматривать всякие такие диковинки.

Мы отправились «ревизовать пещоры», как объяснял один ямщик на обратном пути, когда нас остановили на таможенной заставе, и лишь только кони выбрались на гладкий луг, как, несмотря на то, что мы проехали слишком 50 верст, они пустились так скакать, что оставалось только крепче их удерживать. Забравшись в падь одного ручейка, Малого Кадильного, и проехав по ней версты две, мы были поражены множеством дыр в известковых горах, выступавших на этом мысу, и, несмотря на то что ямщик получил довольно точную инструкцию, где искать этих «пещор», нам долго пришлось полазить по разным дырам, пока не удалось отыскать большую пещеру, до которой нам хотелось добраться. Инструкция гласила: «Как въедешь в падь, так тут выйдут две падушки, в левую не едь, там пещора мала, а едь в правую; тут те сейчас будет гладенький такой морян[107].

Как подынешься на его, тут она и есть». Таежному человеку, который в тайге все, что хотите, разыщет по расспросам, было совершенно достаточно и такой инструкции; но тут, по общечеловеческому свойству, проводник наш стал искать далеко не то, что было под руками, и мы несколько раз проехали мимо «гладенького моряна», а все искали другого, неизвестно почему на правой стороне правой падушки, искали-искали осмотрели несколько дыр, а все не нашли пещеры. Пришлось обратиться к старику, но он указал нам только одну пещеру в левой падушке. Эта пещёра не что иное, как большая дыра, идущая вверх очень круто и, наконец, кончающаяся узкой трубой. Много было в ней посетителей, и нацарапавших на стенах свои имена, и позаботившихся об удобствах к взлезания, для чего подставили род лестницы; старик все твердил, что «сюда чиновники[108] лазали и все это лазают», но мы опять отправились на поиски. Ямщик в 20-й раз повторил свою инструкцию, и действительно, — вскарабкавшись на один гладенький морян, мы напали на верхнее отверстие трубы пещеры, а вскоре

на самую пещеру.

Длинный ход сажень в семь ведет в нее; сперва вы можете идти прямо, слегка нагибая голову, потом сажени три ползком и, наконец, входите в комнату около 70–80 кв. арш., от которой готическим сводом идет вверх труба. Там труба кончается двумя выходами, образующими красивую короткую галерею, пробитую сквозь гребень известкового утеса. Стены обвешены сталактитами, большею частью уже обломанными публикой. Посетителей тут было много, это видно и по остаткам костров, и по сильно закопченной трубе, и по тому, что дно пещеры, некогда совершенно гладкое и усыпанное песком, теперь все изрыто искателями кладов, среди куч чернозема, вынутого из ям, которые копали кладоискатели, мы нашли три черепа: один из них мужской с чрезвычайно толстой костью в двух местах рассечен чем-то острым; другой пробит за ухом, по-видимому, чем-то вроде палицы, и все они напоминают бурятский тип. Расспросы наши, конечно, ни к чему не привели: «известно, чужь накопала, ну и жила тут». Что она жила тут, это еще вероятно,

так как это мнение распространено повсюду, но чтоб она накопала пещеру, это невероятно, так как эти пещеры, неизбежные спутники известковых тор, должны были образоваться естественным путем. Как попали сюда эти черепа, трудно решить; весьма вероятно, по многим признакам — правильная форма дверей, гладкое дно и пр., — что здесь действительно жили люди, но, может быть, и в очень древние времена, гораздо раньше, чем попали сюда найденные черепа. Быть может, сюда складывали когда-нибудь убитых в сражении — поле слишком обширно для догадок, чтоб все их высказывать. Достоверно только одно, что в древние времена в Сибири действительно были народы, жившие в пещерах или землянках, остатки которых еще донныне находятся в окрестностях Окинского караула (верст 500 к западу от Иркутска), в верховьях реки Оки; и вообще в Восточной Сибири, сколько мы слышали, существует довольно много пещер; самая большая из них около Нижнеудинска, затем на Чикое (приток Селенги), на Белом Иркуте, в байкальских горах, на Талой около Тунки и, вероятно, еще во

многих местах.

Современная летопись. — 1865. — № 23. —
С. 5–8.

[XVIII]

В 1864 году я передал в «Современную Летопись» коротенькую заметку об Уссури[109]. Тогда я проехался по этой реке на пароходе взад и вперед, наскоро вглядывался в быт казаков во время наших кратковременных остановок, и потому мог сообщить только поверхностные заметки об этом крае. В 1866 году мне пришлось, вследствие возложенных на меня поручений, обстоятельно познакомиться с хлебопашеством на Уссури. Я провел целый месяц в безостановочных разъездах по пашням, лесам и болотам уссурийских прибрежий. Вопрос, поставленный мною в 1864 году: «Каким образом такая богатая страна, такое Эльдorado, по словам хвалителей, может седьмой год не иметь своего хлеба?», — вопрос этот оставался нерешенным по неимению материалов, а потому теперь я снова к нему возвращаюсь. Этот вопрос тем более ин-

интересно решить, что почти рядом, то есть в конном войске Амурской области, казачество живет себе безбедно, имеет достаточно хлеба, даже продает его несколько. А между тем, кто же восхищался Амурской областью так, как восхищались Уссурийским краем?

Прежде всего я поговорю о характере местности в отдельных станицах, а так как на протяжении 450 верст не может не быть большого разнообразия, то постараюсь разбить Уссури на несколько частей и каждую из них рассмотреть порознь.

Вот, например, вблизи от устья, станицы Карсакова и Казакевичева. Перед вами возвышается на правом берегу лесистый хребет; прямо, вплотную почти от реки, начинаются отроги лесистого Хёхцыра, поросшего теми разнообразными лесами, о которых я упоминал в прежней статье; зато на левом берегу Уссури тянутся острова и низменности, продолжающиеся по обоим берегам Амура вплоть до Сунгари. Пришли казаки в конце осени, кое-как перезимовали, наконец, пришла весна — надо пашни пахать и хлеб сеять, а скоро ли расчистишь лес, где высоко подни-

маются кедры, сосны, дубы, ясень в несколько обхватов? Конечно, принялись пахать луговую сторону, даром, что она вовсе не нам принадлежит, а китайцам, — с ними, впрочем, вообще мало церемонятся. На грех, луговая сторона, исключительно топленина, поросшая камышом, которого качающиеся светло-розовые султаны хоть и красивы, но зато служат явными признаками самой неблагодарной почвы: в большую воду ее всю топит, да и урожаи не Бог весть какие. Конечно, в первые года, когда только что подняли почву, нетронутую со времени ее обнажения из-под воды, и урожай вышел хорош, но теперь, когда почва немного поистощилась, восторги умерились, особенно с тех пор, как увидали, какие урожаи дает почва, расчищенная из-под лесов (конечно, в первые годы, после расчистки).

Пришла большая вода, всё потопила, ни зерна не собрано с благодатной почвы; затем, через два года опять та же история. Нечего делать, бросились казаки в лес — лес чистить. Прошу читателя вообразить себе такой веками нетронутый хребет, вообразить, чего бу-

дет стоять рубить деревья, выжигать пни, вырубать их затем топором и сечкою выворачивать землю из сети корней и собирать эти корни в кучу, чтобы сжечь их, прошу вообразить себе всю эту массу труда, и тогда читатель не удивится, узнав, что *расчистка* (потом несколько лет всё еще надо обрабатывать землю сечкою, — прежде, чем можно будет пустить соху), собственно расчистка одной десятины стоит 80, 100 и до 150 руб. Зато, с другой стороны, урожаи действительно вознаграждают за потраченный труд: казаки плохие земледельцы, но и у них на таких землях с четверти десятин собирают по два овина (400 снопов) ярицы, иногда и больше; только долго ли будут удаваться такие урожаи? Земля скоро истощится при нерасчетливом хозяйстве, а разве сибиряк станет унавоживать свою почву? В общем результате в этих двух станицах почти на 500 душ (из хлебопашцев, пришлое население я не считаю) из 111 засеваемых десятин не более сорока пяти расчищено из-под лесов.

Но разве люди живут одним хлебопашеством? — может быть, спросит читатель.

Здесь именно одним. Конечно, в таких случаях обыкновенно говорят про заработки, но какие тут заработки в тайге? Вот, например, в Хабаровке, в Казакевичевой[110] поселилось несколько купцов, которые построили себе дома и торгуют; больше домов им не нужно, не нужно и заработков. Другое дело, если бы торговля стала развиваться, но с кем и чем здесь торговать? Чтобы скупить всех соболей, продаваемых гольдами, совершенно достаточно имеющихся здесь купцов. Правда, можно бы отбить часть торговли у китайцев, но так как китайцы покупают соболей не на деньги, а либо на произведение своих собственных полей — просо, либо на «ханшину», привозимую с Сунгари, то нашим купцам трудно с ними конкурировать. Да и вовсе не охота им вступать в конкуренцию с китайцами, когда для них есть гораздо более выгодная торговля вывозом серебра в Благовещенск[111], или там же всякою московскою гнилью. Торговать рыбой тоже нельзя, потому что рыбы на Усури скоро не хватит, — выловится, и теперь уже она переводится, распуганная пароходами и беспощадно истребляе-

мая гольдами и казаками. Торговой будущности при имеющихся данных не предвидится, следовательно, мало предвидится и заработков, особенно при избылии претендентов: вспомните только, сколько «сынков» имеется в казачьих войсках Восточной Сибири[112]. Например, в 1864 году предложили уссурийцам взять на себя доставку леса для портовых построек за определенную цену. Явилось столько желающих, что за все лето 1865 года не смогли принять и отправить этого леса в Николаевск, так что теперь почти половина всего заготовленного леса лежит на берегу в ожидании приемщиков[113]. Или на телеграфные работы явилось столько желающих, что должны были поровну или пропорционально количеству скота делить работу.

Перехожу дальше к следующим пяти нижним станицам. Я никогда не видел деревни в более жалком состоянии, чем одна из этих станиц, именно Нижне-Невельская. Представьте себе низкий берег, на котором расположены дома, все до единого заливаемые в большую воду; позади деревни низкий кочковатый луг, по которому растет жалкий низ-

кий березняк и местами мелькают клочки пашень, там осьмушка десятины, там четверть, на которой сложен ее урожай — 60, 70, 100 снопов ярицы. Всё это добыто «куштаном», сечкой: сохою пока и думать нечего пахать среди кореньев и кочек. В домах самая жалкая бедность: к концу зимы совсем почти не бывает хлеба. Вообще станица стоит даже как-то особняком среди всех остальных.

Следующие четыре станицы, за исключением Верхнее-Невельской, находятся в немного лучшем положении. Верхне-Невельская из переселенцев 1862 года, поселилась на возвышенном узком мыске, в густейшем лесу. Самые дома не топят, но зато во время наводнения кругом станицы образовалось озеро, на котором валы ходили. В прочих трех и самые дома топят, пашни находятся большей частью на китайской луговой стороне, где их топят, и хотя, конечно, на нашем берегу есть места высокие, до которых вода не доходит, но они заросли лесом довольно густым и такою же щеткой. Чтобы расчищать щетку, нужно быть привычным к тяжелому труду и, главное, иметь скот, а у уссурийского казаче-

ства его чрезвычайно мало, приходится всё добывать своими руками. Мало того, углубляются вглубь страны на 7–8 верст, найдут там гладенькое местечко, распашут, но вот пришла вода, смотрят, и тут затопило пашню, опять на год, если не больше разорился. А в Трехсвятительской, чтобы иметь места, хотя и заросшие щеткой, но не слишком густою, необходимо иметь пашни верст за 12, за 15 от деревни. Не правда ли, очень удобно?

Следующая станица Кукелева поражает свою нехозяйственность: вы видите много бездомных, несколько семей ушло на пропитание за Байкал. Тут, пожалуй, ни пашень, ни домов не топят, но зато кругом поразительно сырые и низменные места. Тут нет, правда, зыбунов, которые часто на четверть и на полверсты пересекают дорогу на пути из Невельской в станицу Дьяченко, но везде, даже в лесах, страшная сырость: стоит, чтобы несколько дней шел дождь, и на пашнях вы рискуете увязнуть по колено; покатоности слабы, подпочва всегда глина. Упадок духа почти такой же, как и в Нижне-Невельской. Вот что я писал в записной книжке: «Противно смотреть, как

казаки «сряжаются» (собираются) на пашни, «чаюют» добрый час, а потом станут «коней имать» (ловить) еще час, и в результате выходит, что теперь 9¾ часов и еще не выехали в поле, а в доме моего хозяина сряжаются сегодня на пашни. А то вот один молодой парень (отец вовсе не имеет пахоты) не хочет идти к гольду ловить рыбу за 5 руб. в месяц на хозяйском продовольствии и табаке, а известно, что русский у гольда хоть и работник, а скоро становится и хозяином. Жалуются на недостаток скота, а коней домой загнать не могут, — давно дома не были».

Следующая станица, Будогосская, очень похожая на Кукелеву, находится в густом лесу, пашни почти все расчищены из-под леса, хозяйство почти так же идет, как и там. Но зато от Венюковой до Нижне-Михайловской — идут уже гораздо лучшие места; хотя кругом станиц и тянутся леса, но преимущественно редколесье, которое нетрудно расчищать, да и щетка не слишком густа, невысока и преимущественно дубовая, а не ореховая, как в остальных нижних станицах; запашка, правда, не великая, но и скота чрезвычайно мало,

например, в очень большой станице Венюковой (320 душ) половина хозяев имеет только по одной лошади.

Из этих станиц особенно Лончакова и Козловская имеют вид жилых мест; тут большая часть хозяев успели бросить свои прежние пашни, распаханые на низких местах, и принялись расчищать перелески. Но трудно вообразить себе, не быв на месте, до какой степени сыры даже эти перелески: если после нескольких дней ненастья вы вздумаете крупной рысью въехать на пашню, вы рискуете упасть вместе со своим конем, завязившим себе передние ноги, и так не только на полях, которые лежат по подгорью, а даже на тех, которые распаханы на покатостях холмов. Трудно понять, откуда берутся эти страшные массы воды! Не говоря уже о том, что бывает во время наводнений, когда страшно прибывает Уссури, не говоря о том, что с каждым дюймо́м возвышения уровня вода разливается на несколько сот сажень в обе стороны и всюду образуются громадные озера в несколько десятков квадратных верст, не говоря уже об этих случаях, выходящих из

ряда обыкновенных, но даже и тогда, когда нет наводнений, вас поражает непомерное количество воды, которая падает на Уссурийский край. Случалось, что *не переставая* льет целые две недели дождь, да какой? — крупный летний дождь. Обыкновенно это случается во второй половине июля, когда хлеб еще весь в поле (сеют большею частью яровую рожь, ярицу), и такие дожди окончательно гноили весь хлеб. Ясно, что при таких дождях, при частых наводнениях, при постоянно сыром климате, при не пропускающей воду подпочве должны были образоваться невылазные грязи и тундры. Впрочем, как говорят, теперь с каждым годом окрестности деревень становятся постепенно суше: высыхают луга возле станиц, где прежде пройти было трудно в дождливое время, и выгорает «тундра» (тундра). С выгоранием «тундры», конечно, уменьшается и количество «гноуса», комаров и мошки, которые в первые года доводили переселенцев и их скот просто до отчаянья. Мошка и комар не давали выйти в поле, облепляя лицо и руки; скот не отходил от дымокуров из помета, разложенных среди дере-

вьев. Человек, сам не испытавший нападений «гноса», никогда не вообразит себя действительной мучительности положения человека, работающего в поле, особенно на другой год после наводнения, когда мошек и комаров является особенно много.

В первые года заселения Уссури скот падал не только от недостатка сена, унесенного наводнением, не только от того, что вновь накошенное сено было старо и жестко, а иногда покрыто илом, — но и от того, что «гнос» не давал ему покоя. Напомню при этом, что забайкальский скот привык к «гуджиру» (смесь поваренной соли с глауберовой) и что всякий скот, привычный к употреблению соли, слабеет, если лишить его этого необходимого продукта, а тут, при отсутствии соли, на беду, на первых порах и скоту и людям, конечно, приходилось переносить больше труда, чем до переселения, живя на месте. До какой степени скот нуждается в соли, видно из того, что коровы и лошади просто осаждают человека, вышедшего на двор, чтобы мочиться, и лижут его мочу.

Понятно, что при недостатке скота хлебо-

пашество должно медленно подвигаться вперед, и вследствие этого во многих станицах казаки принялись за рыбную ловлю, как важное для себя подспорье. Впрочем, об этих подспорьях я расскажу после.

Скоро ли хлебопашество разовьется на Усури настолько, чтобы не было никакой надобности в казенном пособии, и скоро ли обсохнут ее мокрые, низкие луга? Едва ли скоро. Теперь в иных станицах коням приходится постоянно ходить в воде по своим болотистым выгонам и пашням: чуть ли не две трети того и гляди будут затоплены. Например, в Лончаковской больше половины полей вы видите на низком берегу. Почва, прекрасный жирнейший чернозем, урожай хоть в 1865 году был превосходный, но что толку в нем, когда хозяин до самой той минуты, пока не сложит всего хлеба в скирд на высоких подставках, не может быть спокоен? Придет сверху большая вода, вследствие шальных дождей в хребтах, и ничего не оставит. Недаром китайцы, которые заняли все удобные места на Сунгари и Амуре, почти оставляли в стороне Усури и поселились только в числе несколь-

ких «фанз» (домов) и то только в верхних станицах, — видно, уже не такое здесь Эльдорадо.

Выше 15-й станицы на 80 верст тянется огромная равнина, составляющая, по-видимому, остаток большого озера, теперь вышедшего из-под воды. Прежде и тут были поселены станицы, но, продержавшись здесь с 1859 до 1861 г. и выдержав наводнение, казаки принуждены были выселиться. Теперь остались одни станки (станции), где промокший путник найдет себе шалаш из березовой коры [114] и встретит несколько вновь зачисленных казаков, которые в большую воду возят несчастных проезжающих и вверх и вниз по реке на лодках. Уж именно несчастных! Для того, чтобы свободнее можно было идти вверх по реке на веслах, когда нет бечевника, лодки имеютя небольшие, а между тем на этой низменности, особенно осенью, дуют подчас жестокие ветры и разводят страшное волнение. Мы вышли утром с одного из станков, имеющихся в этом месте, небо было безоблачно, только кое-где белелись легкие перистые облака, а между тем после полудня за-

дул сильный противный ветер, лодку стало заливать, а приютиться негде, — берега нет, везде кусты, покрытые на аршин водой. На ночлеге тоже приложиться негде, — и я предпочитал, если возможно, либо ночевать в гольдской юрте, либо идти ночью, что, впрочем, не всегда удается, так как хотя ночью и стихает ветер, но зато, если «морочно» (облачно), то плаванье сопряжено с большими неудобствами: на гольдской лодке, на веслах, нельзя идти посередине реки, приходится тащиться возле берега, где течение тише, а ночью, того и гляди, заплывешь в протоку, из протоки в озеро, образовавшееся от разлива воды по лугам, а там и ищи выхода, — часа три проищешь, а не то и до рассвета не выберешься. Подобные случаи, обыкновенно объясняемые тем, что «подшутил» (кто именно, не говорится), случались со мною и в ясную, звездную ночь, а не то что когда заморочает. Вообще этот переезд один из самых неудобных. Его и верхом сделать невозможно в большую воду или после дождей. Тогда каждая ничтожная речонка, вернее ручеек, становится препятствием: берега делаются так топ-

ки, что весьма и весьма легко завязнуть с конем.

Только сделав этот переезд, вы, наконец, достигаете до *верхних* станиц. Верхние станицы вообще получше нижних; тут вы уже не встречаете того поразительного недостатка в скоте, вы видите порядочных быков и лошадей, а с тем вместе, конечно, и пашень больше. Правда, и тут во всех станицах вы встречаете то же зло: пашни, распаханые на низких местах. Так, например, в первой из нижних станиц, Княжеской, половина пашень распахана между речкой Има и Уссури на низких лугах. Но зато во всех этих станицах, у всех порядочных хозяев приисканы места и разработаны поля внутри страны из-под дубовых перелесков. Урожай тут очень хороши, да и расчистка не слишком трудна. Но рядом с этими порядочными хозяевами, которые сохранили уже только часть своих низких полей, вы видите других, из переселенцев 1859 года: о принадлежащих им пашнях и рассказать-то трудно; я уже не стану говорить о вновь зачисленных казаках («расейских»), — те, известно, ждут манны с небес, — но сколь-

ко вы встретите пашень у старых казаков просто возмутительно скверных! Один старик, доверенный, — ездивший со мною по полям, из себя выходил, когда показывал мне некоторые пашни. А между тем, чернозем на лугу до того рыхлый, что, раз распахав, стоит почти только взборонить его, чтобы был порядочный урожай; вместо того вы видите пашни, точно кабанями вспаханные. Тому не понравилась ярица, — жидка слишком, — и выжал он только один уголок, где она погуще, а прочее бросил, — не стоит жать; другой склал свой хлеб[115] и, не загородив его, кормит им скот чуть не всей станицы. Всё это особенно резко бросается в глаза от контраста с китайцами, у которых тут же, в версте или двух, вы видите замечательную обработку полей, такую же, как, например, между Мергеном и Айгуном: там хозяйство возникло, естественно, не по приказу.

Зато выселок на Има, верстах в двенадцати от Усури, представляет одно из лучших мест во всем Уссурийском крае. На берегу небольшой реки, впрочем, достаточно сильной, чтобы ворочать мукомольную мельни-

цу, в лесу расчищена площадка, на которой поселились шесть казачьих семей. Если и пришлось им потрудиться, чтобы возле домов расчистить березовый лес, но зато дальше, вглубь, места представляют, по-видимому, все удобства для хлебопашества. Лес очень не густ, щетка тоже, местами ее даже вовсе нет, и есть прогалины, где можно пахать несколько сот десятин с одной межи. Всё доказывает недавность образования выселка, нет ни загородей, ни хороших огородов, у многих и домов даже нет, а семьи приютились в землянках, но зато пашни за пояс заткнут поля многих переселенцев, живущих на Уссури с 1856 года. Станица Графская, состоящая из переселенцев 1862 года[116], тоже носит в себе все задатки хорошего поселения. Место выбрано, по-видимому, удачно, да и переселенцы были доставлены исправно со своим скотом, и теперь засевают не мало земли и получают прекрасные урожаи. Например, я знаю случай, что три пуда ярицы, в которой после всхода густыми кустами (почти на одну треть) показалась рожь[117], дали урожай в тридцать пудов, и т. д. Впрочем, хорошие уро-

жай вообще дает только та земля, которой после двух посевов ярицы дают «отдохнуть» под гречей, а то ведь по всей Уссури сеют на таких же землях, на которых сеяли шесть лет тому назад без разбора, — ярицу или гречу. Конечно, и тут, как и везде, есть плохие хозяйства, которые и дома-то были плохи, а тут, на новом месте, приходится вдвое больше трудиться, чем за Байкалом, да еще под боком гольд привез продавать водку, и сосед, из вновь зачисленных, подговаривает выпить. Ну и пошла писать!

Остальные пять станиц очень сходны по характеру местности, кругом их топкие болотистые выгоны, но далее можно найти места очень удобные, не низкие и почти вовсе без щетки. Теперь значительная часть пашень еще осталась на низких лугах, так что хотя в нынешнем году и не было наводнения, но сверху была довольно высокая вода и в четырех верхних станицах потопило от 40 до 50 десятин. Вы выезжаете на луг и видите его пересеченным множеством узких логов, остатков прежних протоков, и вот, на самом дне этих логов, заросших осокой и камышом, вы

видите узкие полоски пашень; рядом поднимаются релки, более высокие, покрытые рененьким дубняком, но чтобы распахать их, нужно срубить несколько дубков, да и самая пахота потруднее будет, чем в логах, и вот казачество оставляет эти релочки, разрабатывает топленину, валит камыш в рост человека и, когда в третий или четвертый раз подойдет вода и обратит созревающую жниву в кучу навоза, начинает дивиться, «откуль это воды, паря, берется», и решается распахивать релочки, что, благодаря достаточному количеству скота, идет довольно успешно.

Некоторые станицы, например, 21-я, находятся в таком месте, что в наводнение 1861 года не только кругом их, но и по улицам пароход мог ходить; кругом станицы кочковатый болотистый выгон, который теперь только начинает высыхать. Другие, например, Ильинская, Красноярская, бывают совсем окружены водой, и во время наводнений сообщение с пашнями производится на лодках. Последняя подвержена еще одной неприятности. Уссури так быстро подмывает берег, на котором построена станица, что скоро окон-

чательно разрушит несколько домов. Дом, поставленный осенью 1862 года в 30 саженьях от берега, весной 1865 года бывшей еще в 10 саженьях, осенью находился всего в 20 аршинах от воды, то есть в три года Уссури отмыла сегмент в 250 сажень по хорде, в 30 сажень по перпендикуляру и в $2\frac{1}{2}$ сажени высоты над водой.

Интересно заметить, между прочим, как казаки в первые года бросались во все стороны, чтобы найти по возможности удобное местечко. Например, в 21-й станице есть пашни за 14–15 верст от деревни, чтобы добраться до них, нужно употребить ровно половину осеннего дня, так как иначе как шагом большею частью нельзя ехать, а там, где приходится переезжать несколько «калтусов», т. е. зыбунов, где конь, прорвав копытом верхнюю сеть из переплетающихся кореньев трав, проваливается, и вязнет, там полчаса употребите на переезд полуверсты. Но не подумайте, чтоб эти пашни отличались особым плодородием, напротив того, ежегодные вымочки часто заставляют бросать пашню нежатую. Но, несмотря на это, все-таки в верхних станицах

живут несравненно лучше, чем в нижних, и они носят в себе задаток хороших хлебопахотных поселений, если земли хорошо обработаны, то они дают превосходные урожаи, и, например, я знаю один случай, где с одного пуда и десяти фунтов ржи было собрано 29 пудов и кроме того еще часть смололи и употребили на одну квашню. Поэтому четыре верхние станицы очень мало пользовались в 1865 году казенными семенами, и если на 1866 год будут в них нуждаться, то только потому, что рядом с зажиточными хозяевами есть несколько семей, находящихся в самой крайней бедности. Я знаю семью, состоящую из больного мужа, жены и четырех маленьких детей; посев около одной десятины, из которой потопило полдесятины ярицы. Чем тут остается жить? Всё лето муж и жена работали по найму, а за рабочий день богатые хозяева дают только пять фунтов хлеба. И живет семья тем, что мешает тыкву, собранную со своего огорода, с гречишною мякиной, выпрошенной у соседки... Таких семей я знаю несколько.

Этим я покончу рассмотрение хлебопахот-

ных условий по Уссури и изложу теперь, какие результаты дал нынешний год. А так как цифры всего красноречивее говорят, то и я приведу следующую таблицу:

Название станции	Число душ	Количество посевов в десятинах	Урожай всякого хлеба в пудах	Поднято залогов в 1865 году
Карсакова	180	30	1875	6
Казакевичева	310	81	4550	9
Нижне-Невельская	200	22	856	8
Верхне-Невельская		20	946	7
Дьяченко	170	63	3522	10
Киселева	170	50	3030	9

Трех-Святит.	140	29	2065	3
Кукелева	145	26	1260	6
Будогосская	140	27	1300	4
Венюкова	320	75	4565	12
Кедровая	150	49	2773	5
Шереметева	370	85	5893	12
Видная	140	32	1711	5
Лонгакова	270	93	5452	18
Козловская	185	86	5787	8
Васильева и Покровская	245	78	4524	8
Пешкова	67	22	1394	5

Нижне-Никольская	160	40	2822	4
Нижне-Михайловская	175	39	2072	12
Княжеская	130	32	1795	15
Графская	175	49	3036	8
Красноярская	160	60	2658	5
Ильинская	195	80	5674	18
Верхне-Никольская	210	95	5376	17
Верхне-Михайловская	96	53	2330	9
Буссе	95	61	3530	12
Итого	4498[118]	1377	80795	155

Таким образом, приходится посева на душу по 0,3 дес. Но всего интереснее то, что на Уссури из 802 хозяев 549 имеют менее двух десятин посева (из них больше половины засеивает менее одной десятины), 208 имеют посева от 2 до 4 десятин и только 55 хозяев — более четырех десятин.

Этим я покончу настоящее письмо, в следующем рассмотрю подспорье хлебопашеству, имеющиеся на Уссури, а потом перейду к разбору причин, мешавших развитию хлебопашества на Уссури, то есть разбору способа, каким было сделано переселение 1859 года, пособий от казны и пр., пр.

Современная летопись. — 1866. — № 26. — С. 4–7.

[XIX]

В настоящем письме я намерен рассказать Вам о подспорьях хлебопашеству, которые есть на Уссури. Самое важное из них бесспорно рыбная ловля, так как Уссури чрезвычайно богата рыбой. Например, осенью, в сентябре, начинается ход так называемой *красной рыбы* (кеты); эта оригинальная рыба, прибыв, по-видимому, из моря или амурского лимана, идет вверх по Амуру невообразимо большими стадами и доходит также во все протоки. Судя по тем громадным количествам этой рыбы, которые ловятся в низовьях Амура, где всё население гольдов и гиляков, равно как и их собаки, питаются почти исключительно ею, нельзя не удивляться тому, что ее так много доходит до Уссури, особенно, если вспомнить, что вдвое столько же рыбы заходит еще в Сунгари и значительная часть продолжает идти по Амуру, до Малого Хингана (Доуссе-алин). Все гольдское население Уссури (не менее 700 человек) питается ею, и кроме того многие сунгарийские и амурские гольды выезжают еще по Уссури на время

рыбной ловли, выбирают себе берег удачный для неводьбы, строят шалаш, селятся всей семьей и живут тут, пока не прекратится ход рыбы. Затем во время хода рыбы неводьба начинается с самого рассвета и продолжается до полуночи; все — жены, дети, даже собаки принимают участие в этой жатве, от успеха которой зависит жизнь целого семейства. На одну лодку садится отец с кем-нибудь из детей, на другую — мать с остальными ребятами. Как только ребенку минет 7, 8 лет и его силенки хватает на то, чтобы полоскать в воде маленькое весло, он уже обращается в гребца и помогает лодке подвигаться вниз по течению; один из братьев постарше, лет десяти, управляет лодкой с помощью весла, а старики выбирают тоню, так, чтобы, подплывая к берегу, растянуть невод вдоль его. Обыкновенно в неводе (сажен от 20 до 50) оказывается рыб 20, 30, средним числом 50, а иногда и 100 рыб; все они одинакового размера (около $\frac{3}{4}$ арш.), все как бы вылитые из одной формы, барахтаются в неводе, а хозяева с палочкой в руке ходят и оглушают ее ударами по голове. Рыба, вынутая из сети, складывается в кучу у

шалаша, а лодки на бечеве у детей или у собак идут вверх, чтобы снова, спускаясь вниз, неводить. Самые старые в семье остаются в шалаше, распластывают рыбу, потрошат, режут пластами, нанизывают на палки, эти палки кладут на подставки и т. д., вялят рыбу. Обыкновенно из рыбы ничего не пропадает: собаки съедают потроха, а головы с хребтами сушатся и идут в пищу собакам же зимой.

Предоставляю читателю вообразить себя плывущим на лодке у берега по Уссури. Теплый «благоуханный» вечер, особенно, если это летом, а не в сентябре, когда вечером сырость пронизывает до костей и начинают ныть пораженные ревматизмом конечности, — и вдруг среди благоуханий от берез и сосен доносится запах вяленой рыбы, поневоле поторопишь гребцов, а если остановишься, то уж непременно закуришь сигару. Вот это довольно вонючая рыба и служит главной пищей гольдам, а вблизи некоторых из нижних станиц вы видите в шалашах и русское население. Так как ловля рыбы начинается в такое время, когда полевые работы уже кончены на Уссури, то многие казачьи семьи

принялись за рыбный промысел; они поселяются на берегу, как гольды, и приготавливают сушеную рыбу. Конечно, русские гораздо охотнее стали бы солить ее, потому что сушеная рыба вовсе не заманчивое блюдо со своими мочальными свойствами, но всё уссурийское население терпит недостаток в соли. Казна доставляет ее слишком мало для продажи, да и самая доставка на баржах сопряжена с большим риском. В то время, когда я был в верховьях Уссури, за пуд соли платили купцам по 3 р., а в розничной продаже приходилось платить по 10 к. за фунт: где же тут солить рыбу? Правда, потом привезли по 15–25 пуд. соли на станицу, но этого совершенно недостаточно на зиму даже в пищу, не только для соления.

Вообще рыбный промысел между казаками не очень распространен, тем более что для ловли *кеты* необходимо иметь большие невода, сажень в 50, а пенька привозится с Сунгари; сами же казаки сеют коноплю в слишком недостаточном количестве. А маленьким неводом ничего не наловишь, или, по крайней мере, очень мало, и нередко бедняк

гольд, около полуночи возвращающийся домой с поникшей головой, отвечает на вопрос: «Много рыбы поймал?» — «Ни одна рыба да нету».

По среднему течению Уссури есть еще один довольно выгодный промысел, звериный. Осенью казаки обыкновенно идут в хребты «промышлять» и бьют соболя, а преимущественно белку, но здесь и этот промысел незначителен. Зато в конце сентября начинается переселение коз и кабанов с правого берега Уссури на левый, с русской стороны на китайскую. Они перебираются или небольшими стадами, или, наконец, просто в одиночку, либо попарно, но из этих маленьких стад набираются *сотни* козуль в день, переплывающих за реку. Казаки, заметив место, где плышет «зверь», поселяются на левом берегу и при выходе их на берег бьют их из винтовок или просто стягами. Количество убитого зверя бывает невероятно велико, особенно, если «зверь чует, что снега большие будут», и заблаговременно перебирается по Сунгури; тогда иные ловкие «промышленные» убивают коз сотнями, и я знаю на Уссури несколько

семей, имеющих дома по несколько сот козьих шкур. Ежегодно из них выделявают ровно столько, сколько нужно «по домашности», и из них шьются «дохи» и «козляки», то есть шубы, надевающиеся медом наружу, и род полушубков, надевающихся мехом внутрь. Доха, которая надевается обыкновенно сверх полушубка, чрезвычайно теплая одежда: самый сильный ветер при 30 градусах мороза не в состоянии пробрать густого козьего меха.

Кроме коз, плывут, как я говорил, и кабаны. На Уссури их чрезвычайно много. Разъезжая по полям, мне случалось видеть большие пространства, почти сплошь изрытые кабанами, и так, что пахота уссурийского казачества иногда бледнеет перед пахотой кабанов; да и казак сам обыкновенно не выдерживает: «Вот, паря, где пахать-то! Ишь, кабан напахал, взборонил, да и сей, пахать не надо!» Ну и бьют же этого кабана, разорителя хлебных запасов: случалось, что гольды в день убивали по десятку кабанов. Казаки, как люди, занятые по хозяйству, бьют их поменьше, но все-таки в достаточном количестве, чтобы осенью питаться кабаниной вперемежку с ры-

бой и на зиму запастись кабаньими окороками.

Вот, следовательно, два подспорья для пищи казаку на Уссури. Говоря о рыбной ловле, я упустил еще один способ ловли: именно перегородивают реку плетнем, ставят морды и таким образом собирают и весной, даже зимой немало рыбы. Обыкновенно это делается либо на побочных речках, либо на некоторых протоках, и пойманная таким образом рыба помогает казакам пропитаться.

Третье подспорье, и самое важное, есть огородничество, для которого уссурийские климатические условия, по-видимому, представляют много удобства. Почва бесспорно благодатная, а климат, сырой и теплый, донельзя способствует развитию огородничества. Места требуется немного, и хоть расчистка требует больших трудов (так как деревни расположены по берегу Уссури, а береговая полоса по преимуществу лесиста), но зато раз приготовленный огород становится кормильцем семьи. В то время, когда новый хлеб еще не поспел, а амбар давно уже опустел, старый же хлеб продается по два рубля

за пуд (я говорю по 1865 г.) и все деньги, вырученные на телеграфных работах, давно уже потрачены на покупку хлеба, тогда являются спасительные овощи, которые на Уссури поспевают очень рано: в июне ими питалась уже большая часть населения, и несмотря на то, что картофель ели чуть ли не всё лето, все-таки осенью он продавался по 60 коп. за пуд. Капуста завивается в огромные вилки. И вообще, если овощи на Уссури не берут качеством, они слишком водянисты, — зато берут количеством, рождаются в изобилии. Казачество поняло всю важность огородов и хотя не расталось с привезенной из Забайкалья небрежностью в уходе за овощами, зато, по крайней мере, увеличило свои огороды. За Байкалом многие причины мешали развитию огородничества, и самая главная, конечно, была та, что в овощах не очень нуждались; хлеба было довольно (увы! в нынешнем году цены на хлеб — и в Чите уже не падают ниже 1 р. 90 к., около Нерчинского завода держатся на 2-х руб., в других местах не падают ниже рубля, и это там, где хлеб бывал от 20 до 50 коп., мясо тоже; а между тем огород требует много, мно-

го труда, что казачки очень не любят). Здесь же на Уссури и самая работа на огороде легче, да и нужда заставляет, и потому огородничество идет здесь гораздо успешнее. Наконец, овощи важны еще тем, что дают возможность заработать деньги, так как их берут на пароходы; кроме того, живущие в станице Казакевичевой служащие (казачьи офицеры, командиры пароходов, а теперь телеграфные чиновники) и купцы осенью делают себе запасы овощей на Уссури, так как эта станица не в состоянии сама удовлетворить всех местных потребностей.

Всё население на Уссури терпит большой недостаток в деньгах. Они нужны на покупку соли и на обзаведение одеждой, так как прежде за Байкалом одежда дешево доставалась, «дабы» (китайки) продавались дешево, 90 коп. — 1 руб. за кусок, а тут нужно за ту же дабу заплатить 2 р. 50 коп., иногда и 3 р. Понятно, что при этих условиях возделывание конопли и льна было за Байкалом в самом младенческом состоянии: холст носили большею частью пеньковый, самый грубый, нуждались даже в нитках, и в одежду всюду упо-

треблялась даба. Теперь хватились за ум, стали сеять коноплю и лен и перестали бросать на ветер семена конопли и льна, выдававшиеся казной; а то, например, мне случалось слышать жалобы на то, что «по Усуре» конопля плохо родится. Зная, что это чистейший вздор (вспомните хоть то, что я писал про коноплю у маньчжуров на Амуре), видел сам прекрасные урожаи конопли, слышал то же от хороших хозяев, я интересовался иногда взглянуть, где посеяна конопля: оказывается, что в поле, на земле, уже истощенной посевами нескольких лет, иногда даже глинистой. То же повторялось и со льном, многие забайкальцы не знали даже, каков он родится, и почти не знали, что делать с семенами льна [119], данными из казны. Теперь, когда увидели казаки, чего стоит да́ба, а одежда, привезенная из Забайкалья, поизносилась, теперь только (в 1865 году) начинают они сеять коноплю и лен, и последний дает урожай на славу. Девушки принялись теперь на посиделках за пряжу и меньше чем прежде зевают до истерики, распевая при пламени лучины свои песни, самые безобразные переделки

русских песен и романсов как относительно слов, так и относительно напевов. Старухи тоже пособляют им, ведя бесконечные, пересыпанные вздохами, разговоры о своей действительно благодатной родине, вспоминая о всевозможных горестях, трудах, страхе, которыми сопровождалось их плавание по Амуру, — мели, протоки, камни на Шилке и т. д. Соль, одежда, чай, наконец, без которого забайкальцу жизнь немыслима, вот главные предметы заботливости казака, даже обеспеченного хлебом, а в прошлом году и о покупке хлеба еще нужно было подумать. У женщин еще наряды! При всей бедности уссурийского казачества молодежь женского пола жаждет нарядов, и прибавлю, очень слабое имеет понятие о женской чести.

Возможность добыть деньги представляется еще иногда в казенных подрядах: например, в прошлом году вызвали желающих вывезти на берег лес для Николаевского порта, объявили им цены, и желающих доставить определенное количество леса явилось очень много. К назначенному времени дубы, ясени, пробковые дубы и пр. и пр. были вывезены на

берег. Но оказалось, что лесу было вывезено столько, что его не успели перевезти за лето, и казаки остались с своим лесом на руках, хотя им было объявлено, что лес будет принят летом. Я уезжал с Уссури в такое время, когда навигация кончалась и пароходы шли на зимовки (10-го октября), а лес не был принят. Казакам обещали, что его примут на будущий год; если они сохраняют его от огня и воды, они рады-радешеньки были бы отдать его за полцены, а то, в самом деле, не строить же над ним навесы, чтобы предохранить от атмосферической воды. Такие промыслы, как видите, очень неверны, а частных заказов на поставку леса еще не было.

Кроме того, казаки поставляют еще дрова на казенные пароходы, плавающие по Уссури. Цены платятся им хорошие, но, — везде *но*, — деньги выдаются очень медленно, и большею частью не раньше как почти через год. Впрочем, и то бы еще ничего, но пароходы большею частью заходят за дровами постоянно в одни и те же несколько станиц, представляющих более всяких удобств, а на долю остальных ничего не приходится, следова-

тельно, и этот промысел частный.

Наконец, мне остается сказать еще несколько слов о телеграфе, устройство которого в 1865 г. доставило заработки казакам и положительно избавило от голода многие семьи, так как вместо денег они получали хлеб в уплату за работу или сейчас же по получении денег покупали хлеб в Казакевичевой. Население на Уссури простирается на 450 верст от устья, и на всем этом протяжении зимой, весной и летом 1865 г. проводилась по подряду телеграфная линия. Плата за версту назначалась от 30 до 50 р., так что уссурийское казачество получило за проведение телеграфа по Уссури около 18 000 р. За эти деньги нужно было сделать просеку в 5 саж., расчистить ее от валежника и поставить столбы. Плата распределялась сообразно с трудностями, представлявшимися местностью, и желавших взять подряд было столько, что казаки охотно взялись бы за ту же цену вести второй телеграф рядом с первым, так как телеграфные работы положительно избавили их от неизбежной в 1865 г. голодовки. Обыкновенно хозяева делили участок (от станицы до

станции) сообразно с количеством скота, и многим доставалось не более как по полуверсте. Нужно отдать честь уссурийскому казачеству, что хотя оно исполнило работы в срок — летом 1865-го года, но исполнило ее довольно плохо: большая часть столбов сделана из осинника, на поворотах они не подперты боковыми подставками, вследствие чего гнутся они от тяжести проволоки, тем более что грунт довольно слаб, или же подперты полуторадюймовыми палками. В болотистых местностях, когда болота оттаяли, столбы еще более стали гнуться, хотя ямы и выкладывались, кажется, дерном. Вообще телеграфному начальству придется много еще позаняться уссурийским телеграфом, чтобы действие его могло быть более непрерывно, чем действие амурского телеграфа. А этот еще донныне действует очень неаккуратно: постоянно портится и донныне еще не соединен с Николаевском [120], благодаря затеям — 27-саженной мачте, которую хотели и не могут поставить до настоящего времени. Главная причина порчи телеграфа, как я убеждался на просеке, будет заключаться в том, что просека слишком уз-

ка, — 5 сажень. Деревья, падающие вследствие бурь, рвут проволоку, и в сентябре 1865 года, когда проволока только что была натянута, она уже во многих местах порвалась. Наконец, если в подобных вопросах может иметь значение мнение неспециалиста, то прибавлю, что местами проволока слишком туго натянута, и судя по тому, что она бывала вытянута почти в струну даже в начале октября, я решаюсь высказать предположение, что она не будет выдерживать морозов, или сильно гнуть *самые столбы* на поворотах [121]. Во всяком случае важный шаг уже сделан, и расширение просеки, а равно и поправки могут быть сделаны впоследствии: в начале октября по всей Уссури была натянута проволока; на станицах и полустаницах были развезены аппараты, только не было еще служащих.

Таким образом, вот еще заработок, как нельзя более кстати явившийся в подмогу казначеству и давший батальону около 1000 руб. Но это заработки не постоянные, и в будущем году их не будет. Впрочем, надобно сказать, что от телеграфа в 1865 году пострадало зем-

леделие: нужда в хлебе, именно весной — заставляла предпочесть телеграфные работы полевым.

Упомянуть ли еще о некоторых мелочных заработках, существующих в той или другой станице? Например, иногда добывается мед диких пчел, которым угощают проезжего почти во всякой станице; но безрассудность и жадность казаков скоро истребит последних пчел, пчеловодства же не существует, несмотря на все естественные удобства, — и за Байкалом оно прививалось довольно плохо, вследствие незнания и неопытности, свойственной казакам, а тут к тому же и некогда, а то пчеловодство могло бы быть выгодным промыслом там, где восковые свечи везутся из Томска и воск продается по 80 к. фунт (мед 25 к. в Казакевичевой; сахар американский, сырой и плохо рафинированный, по 45 и 50 к. фунт).

Кроме того, в одной из станиц добывается еще жерновой камень и приготавливаются жернова для ручных мельниц, находящихся во всеобщем употреблении по Уссуре. Вообще устройство мельниц не удастся казакам: за

Байкалом устраиваются в горных странах *мутовки* с вертикальным валом у водяного колеса; но мелют очень мало, притом лишь несколько месяцев в году: ручьи летом даже иногда пересыхают. Водяные *мельницы* очень редко употребляются, ветряных вовсе почти нет, особенно у казаков. В луговых странах, где много скота, устраиваются *конные* мельницы, но, к сожалению, умения слишком мало, и они все довольно плохи. Но большая часть хлеба превращается в муку с помощью ручных мельниц, так как помол стоит довольно дорого. То же самое и на Амуре и на Уссури, с тою только разницей, что на Амуре, например, во 2-м конном полку, расположенном вниз от Благовещенска до Малого Хингана (Доуссэ-алин), появились две ветряные мельницы (так как хлеба теперь получается много, а молоть негде), и, наконец, расплодилось много конных мельниц, употреблявшихся казаками и за Байкалом, а на Уссури ни тех, ни других нет и преобладают ручные.

Для этого в избе у двери ставится на ножках крепкая высокая скамья; на ней утверждается нижний жернов, а на него наклады-

вается другой (8-10 вершков в диам., 2-3 толщины); к верхнему жернову на середине между центром и окружностью одним концом прикрепляется палка, привязанная другим к потолку, и при помощи ее рукою вращается верхний жернов. Такую мельницу вы встретите во всякой избе, и так как и за Байкалом не было хороших жерновов, то привезенные оттуда уже попортились, а потому потребность на них немалая. Но жерновные камни добываются в одной только станице, а потому этим промыслом пользуются лишь несколько семей.

Вот все промыслы, которые облегчают существование уссурийского хлебопашца. Я не говорю о торговле, потому что она незначительна: соболями торгуют два, три человека, мелочной торговлей занимаются купцы, а не казаки; остается торговля водкой, но она, как везде, служит только к обогащению нескольких человек в ущерб всем остальным.

Современная летопись. — 1867. — № 10. — С. 1-3.

Другие корреспонденции

Поездка из Забайкалья на Амур через Маньчжурию

1865 г., Иркутск

Если вы взглянете на карту верховьев Амура, то увидите, какую громадную дугу описывают Аргунь и потом Амур в своем течении до Благовещенска. Дуга эта, выгнутая к северу, тянется приблизительно на 2000 верст, между тем как прямой путь через Маньчжурию, составляющий хорду этой дуги от Старо-Цурухайтуевского караула на Аргунь, в юго-восточном углу Забайкалья, до Благовещенска на Амуре, должен быть не длиннее 600 верст, и, конечно, было важно найти такой кратчайший путь, хоть и в китайских владениях. Опираясь на силу трактатов, наши караваны стали в последнее время двигаться из Забайкалья по Монголии по всем направлениям; таким образом, оказалось возможным направить один караван и из Старо-Цурухайтуя для отыскания прямого пути

на Благовещенск. При постоянной закупке в Благовещенске (до 2000 голов) весьма важно было бы покупать его не у маньчжур, а у забайкальских казаков на юго-восточной границе, причем масса серебра, ежегодно отправляющегося за границу (около 35 000 руб. сер.), оставалась бы в наших руках. Вот для чего были вызваны охотники из казаков составить торговый караван, при некотором пособии от правительства. Охотники, конечно, нашлись, и 21 мая мы двинулись из Старо-Цурухайтуя в Маньчжурию, на восток. Караван состоял из нескольких торгующих казаков с работниками, 40 лошадьми и 4-мя телегами, нагруженными товарами и съестными припасами на один месяц. Товаров было, конечно, взято очень немного, на пробу, так как неизвестно было, найдется ли им сбыт в лесах Большого Хингана и в городе Мергене, лежащем на нашем пути. Впрочем, в хребтах думали найти у бродячих ороchon пушнину, быть может, даже соболей — эту постоянную приманку наших передвижений на восток.

Хотя право странствования по Маньчжурии и не оговорено в трактате, однако нельзя

было ожидать каких-либо препятствий со стороны наших недоверчивых соседей: уже за несколько месяцев было им объявлено о нашей поездке, и они не протестовали; ясно было, что караван пропустят. Получив возможность присоединиться к каравану, без сомнения, как частный человек, я поспешил воспользоваться таким прекрасным случаем ознакомиться с этим уголком земного шара, где не была еще нога европейца.

21 мая мы переехали Аргунь. Явились караульные чиновники, с возможно подробностью описали всё, что у нас есть, и, покупивши трубки, выпивши немного крепкого русского спирта и похлебавши из грязнейших чашек грязнейшего варева, проса, вскипяченного в воде (без соли к тому же), расстались с нами самым дружеским образом. Мы тронулись в путь верхом на бойких, крепких, косматых степных (конечно, некованых) лошадях.

Долго толковали мы в Старо-Цурухайтуе, какой дорогой идти. Можно было двинуться круто на юго-восток к городу Хайлару, оттуда прямо на восток в Мерген и из последнего

в Благовещенск. Мергена нельзя было миновать: оставалось выбрать дорогу до этого пункта. Долго было бы описывать все «за» и «против»; порешили идти кратчайшим путем, сперва прямо к востоку по реке Гану без дороги, а потом, выйдя верстах во ста на дорогу близ деревни Олочи, продолжать путь к юго-востоку до Мергена. «Но тут страшные болота, непроходимые леса, заваленные упавшими от пожаров деревьями, хребты да горы, намахаетесь вы», — говорили монголы. Тем не менее по многим причинам решено было выбрать этот путь, и мы тронулись с тем чувством, которое, естественно, испытывает всякий, отправляющийся в неизвестную еще страну. Кругом высокие степи, слегка волнистые, служащие продолжением наших забайкальских степей, о которых я писал недавно в одном из моих писем[122] из Восточной Сибири. Среди них, вышедши из гор, разлилась в широкой долине река Ган, впадающая в Аргунь с восточной стороны. Недолго пришлось идти такими степями, и уже скоро стали обрисовываться лесистые холмы и утесы, окаймляющие долину Гана.

В здешних лесах много водится зубров, лисиц, лосей и других зверей. Сюда, запасшись на несколько дней сухарями и сушеным мясом, отваживаются проникать наши «промышленные» и заходят иногда за сто и более верст. Здесь в былое время нередко происходили стычки между промышленниками и бродячими ороचनाми. Незавидна участь промышленника, но он не променяет ее на безопасность избы; незавидна и участь бродящих в этих хребтах ороchon. С длинным ружьем за плечами, тяжелым, но очень недалеко бьющим, с ножом и большим куском трута за поясом, в одежде из звериных шкур, часто с тряпкой вместо шапки на голове, на бойкой лошаденке пускается он в хребты с их бесчисленными перепутанными падыми (узкими долинами). Зверей много в этих хребтах: козы выскакивают чуть не на каждом шагу, но порох и свинец дороги ороchonу; число выстрелов в его пороховнице на счету, и бросать заряд из-за такого пустого зверя, как коза, не всегда приходится: неравно выскочит зверь (изюбр), пожалуй, нечем будет встретить желанного гостя. Если счастье послужит и он на-

стреляет достаточно зверей, чтобы можно было пропитаться выручкой с их рогов, тогда будет и праздничная пища в семье, и материал для одежды и для покрышки юрты, обыкновенно состоящей из древесных сучьев и ветвей, перед которой теплая войлочная юрта монгола нечто вроде дворца. Но не все орочны на свободе занимаются охотой: есть и такие, которые попадают в кабалу к даурам, обитающим на восточном склоне высокого Хингана. Дауры — племя оседлое, занимающееся хлебопашеством и живущее в домах, схожих с китайскими. Они отправляются в хребты, составляют артели из ороchon и, снабдив их порохом и свинцом, странствуют всё лето и осень в горах, причем все убитые звери, особенно его дорогие «понты» (рога, очень уважаемые китайцами) достаются дауру, который в вознаграждение дает ороchonу несколько проса и пороху со свинцом, сколько необходимо для его пропитания.

Первые полтора дня нам нетрудно было находить дорогу: стоило только держаться вала, тянувшегося почти прямо на восток, в гору и под гору, по кособору и по пади, без раз-

бора. Теперь этот громадный вал, возведенный некогда по северной границе Монголии на несколько сот верст, почти рассыпался и развалился, и только след его обозначается на холмах по степи. Мы направлялись по валу, пока он не повернул в сторону от того направления, которого мы должны были держаться. Далее наш путь лежал по пади Гана. Постоянно проваливаясь в изрытые кротоми норы, сквозь тонкий слой рыхлого чернозема, пробирались наши обозные лошади среди кочек, набросанных тысячами кротов. Хорошо еще, что весна была сухая, а то трудно было бы пробираться через грязные протоки. Идя без проводников, мы забирались иногда в такие места, что подчас задумывались, как бы только выбраться, между тем как после обыкновенно оказывалось, что можно было пройти гораздо лучшей дорогой по невысоким пологим холмам.

Впрочем, скоро, после стоверстного пути, мы выбрались на реку Экен, приток Гана с юго-востока, по которому идет дорога из Олочей в Мерген. Здесь мы вступали мало-помалу в горную страну, изрезанную глубокими

долинами и составляющую Большой Хинган [123]. Хотя он поднимается полого и мы выбрались уже на дорогу, однако лошадям пришлось еще поработать, особенно когда мы углубились в горы, нагроможденные кругом нас и прорезанные падами. Тут мы очутились в лабиринте пологих падей, сбегających, чтобы составить реку Малый Хайлар, которая с ручьем — Большим Хайларом — впоследствии образуют Аргунь.

Пади эти покрыты такой яркой зеленью, что издали можно заглядеться на них. Но ступит лошадь, и под ковром травы везде сочится вода, тихо-тихо пробирающаяся по пологой покатости. Вся падь покрыта таким слоем чернозема, напитанного водой, как губка. Кругом все мертво: время от времени только раздастся «рявканье» гурана (самца дикой козы); людей не видно, в одном только месте наткнулись мы на двух прятавшихся за деревом орочон. С испугом просили они казаков не трогать их жен и детей, оставленных в таборе, к которому мы скоро должны были дойти.

Тихо ползет караван среди дикой, мертвой природы, следуя изгибами поближе к холмам,

чтобы не забраться в болота. Мертвая тишина мрачных хвойных лесов нарушена: побрякивают колокольчики[124] под дугами наших одноколок, стучит табун, а подчас и тунгус, поехавший лесом, чтобы огласить тайгу своим метким выстрелом. Вот приходится переезжать поперечную падь: лошади осторожно перебираются с кочки на кочку, настороживши уши и дико поглядывая на непривычную им стихию, затем начинают проваливаться, и из скважин проступает мутная, красноватая вода. Но, к счастью для орочона, хозяина этих мест, болота Большого Хингана не бездонная тундра Тобольской губернии; напротив, на небольшой глубине, нигде не более аршина, а большей частью и менее, провалившийся конь находит твердую почву из мелкого наносного камня или крупного красного песка, и наши телеги без труда пробираются по болотистым падням. Достигнув верховья речки, по которой мы следовали и которая превратилась наконец в ничтожный ручеек среди болота, мы вдалились в глубь темного, густого лиственничного леса. Во время сухого прошлогогоднего лета лесные пожары навалили на

дорогу множество громадных лесин, прибавившихся к прежде наваленным в этих местах лесными пожарами и бурями. И кому оттаскивать с дороги эти лесины? Раз в год проходит здесь караван китайских купцов из Мергена и один или два караула маньчжурских солдат, идущих на смену к границе на низовья Аргуни. Но они не обрубают лесин, а объезжают их в своих легких двуколках. Оттого дорога и вьется несметным количеством изгибов в густом лесу посреди лиственниц, грязи, каменьев и цветущего багульника, постоянного спутника диких лиственничных лесов на горах. Три версты поднимались мы таким образом, незаметно забираясь в гору, когда наконец показалась груда каменьев, накрытая хворостом с отверстием внутрь. Тут закутанный в бересту под хворостом лежал труп человека; был ли это погибший шаман или ороchonский родоначальник, которого похоронили на вершине хребта, не знаю. Далее такая же груда, но цельная, без отверстия: это «овон» — знак на вершине хребта, род жертвы духам гор. Всякий проезжающий мимо считает долгом подбавить к груде камень или

хворосту и привесить часть конской гривы или несколько кусочков цветной материи в благодарность за счастливый перевал через хребет. Овон соответствовал громадности цепи: он был сажени в две вышины, самый большой из всех виденных мной овонов.

Скоро затем мы уже спускались с высоты этой громадной цепи; крутым обрывом падает он к востоку, и дороге приходится извиваться в лесу, чтобы сделать спуск возможным для повозок. Прямо под горой мы очутились в узкой пади с превосходным лугом, на котором горели уже огни ороchonского табора и где расположился караван солдат, едущих на Аргунь на службу.

У большого костра восседало несколько чиновников, которые угощались, должно быть, уже для храбрости перед перевалом через хребет. Все — лицо, склад фигуры, одежда, пища, даже подогревающаяся просовая водка — составляло резкий контраст с ороchonским табором. Там нищета, загнанность, грязь. Солдаты-дауры, шедшие на службу, продали водки за какие-нибудь лосиные или козьи шкуры, и ороchonки пируют без мужей.

Варится подозрительная бурда; водка обходит всех; дети с открытыми ртами, грязные, ободранные сидят у костров, давая огню свободно играть на их белых, прелестных зубах. Глазенки так и искрятся в ожидании пищи. Картина дополняется громадными растрепанными лиственницами и несколькими десятками лошадей, привязанных к деревьям.

Началось угощение, болтовня — казаки говорят по-орочонски (тунгусски) не хуже самих орочон, — и крошечная чашечка с просовой водкой то и дело наливается и обходит всех.

Долго продолжалось веселье; несколько тунгусов, бывших в караване, всю ночь прогуляли, так что на следующий день едва могли ехать: отъедет вперед на рысях да и завалится где-нибудь спать, а потом догоняет караван на бойком забайкальском коне.

Отсюда дела наши поправились: казаки повеселели; лошади отдохнули и стали даже отъедаться на превосходных пойменных лугах. Немало способствовала улучшению нашего настроения духа и природа, разом изменившаяся. Мы шли также по пади, закрытой

горами, но исчез уже дикий характер гор западного склона: лиственница, сохраняясь еще на северных скатах гор, на южных склонах уже уступала место более легкой, изящной зелени дубков, черной березы и орешника. Сперва деревья эти слабо заявляли свои права, появляясь кустарниками на солнцепеке, а потом уже заняли все скаты гор, оставляя только берега речек тальниковым, ивовым и тополевым кустарникам. Вместо однообразного темно-зеленого остреца степей, вместо бледноватой болотистой растительности западного ската появилась густая, разнообразная трава, хотя и не очень богатая сама по себе, но роскошная сравнительно с тем, что мы видели по ту сторону хребта. Идя по прямой, гладкой пади Номина, мы удивлялись, отчего эти чудные луга не возделываются, отчего нет берестяных ставок ороchon, не видно никакого жилья. Ответ не замедлил явиться, когда 1, 2 и даже 3 июня хватил нас мороз в 4°R перед восходом солнца. Три дня шли мы, не встречая живой души: ороchonы, как я сказал выше, откочевали в горы при нашем приближении. Только гураны ревели в

горах, зазывая своим «рвяканьем» наших тунгусов, утолщавших нас свежим козьим мясом, которое мы жарили у огня, нарезав кусочками и насадив на палочку. Смею уверить гастрономов, что, раз отведав этого кушанья, они дорого платили бы за возможность иметь его почаще на своем столе. Впрочем, не знаю, каким оно было бы на сервированном столе, а нанизанное на чистой палочке, воткнутой в землю, причем всякий расправляется руками и ножом, оно бывает особенно вкусно.

Всё дальше и дальше идем мы по пади Номина; вот Номин уже пробился через три порфиновые и гранитные цепи. После трех ворот, говорили нам, людей встретите, а их всё еще не было. Наконец, мы увидали телегу в кустах. Люди спрятались, но чего-чего казак не разыщет. Оказалось, что это были дровосеки, пришедшие плавить лес для Цицигара и Бутхай-ула-хотоня и ждавшие прибыли воды в Номине. Разговорились с ними: они боязливо спрашивали казаков, имеют ли право рубить здесь лес, ихняя ли это земля или русская? Другие зазывали нас в свои шалаши, предлагая купить водки или поношенный

озям[125], причем в шалаше нельзя было вы- сидеть и пяти минут от вони. Случалось нахо- дить и временные юрты, но в них вонь от чес- нока была до того сильная, что ее не в состо- янии были вынести даже невзыскательные нервы казаков.

Кроме этого временного населения, до- вольствующегося поставленными на землю телегами, мы не встречали другого. Первые деревушки стали попадаться только через несколько дней, когда после небольшого пе- ревала через несколько низких отрогов гор мы перешли в долину реки Гуюйрли, притока Гана[126]. Тут попалась первая даурская де- ревяня домов в двадцать с очень хорошими пашнями и плотным рабочим скотом. Далее мы проехали несколько деревень оседлых ороchon.

Эти поселения доказывают силу китай- ской земледельческой цивилизации, которая и из бродячих ороchon сумела сделать оседлых хлебопашцев. Но поселившись рядом с китай- цами, переняв их образ жизни, их способы об- работки земли, орочоне не переняли их тру- долюбия и их (относительной) опрятности, и

живут гораздо беднее и грязнее. Мы старались расторговаться с жителями, но первые слова их были: «маймаху угэ» (торговли нет). Дело объяснилось тем, что присоединившиеся к нам чиновники ехали обыкновенно вперед и предупреждали в деревне, что торговать нельзя, что не следует говорить названия деревни, речек и т. п.

Войдя окончательно в долину реки Гана, мы очутились в области исключительно китайцев, а ближе к Мергену — маньчжур. Не имея переводчика, мы должны были объясняться по большей части знаками. В одной деревушке на берегу Гана, куда мы пришли поздно вечером, нас уже ждали, и тут приготовлена была переправа на батах (узких, длинных лодках, сколоченных из пяти досок), которыми китайцы мастерски управляли. Еще раньше выезжал к нам навстречу чиновник, очень любезный, неглупый, который был выслан встретить нас, а потом ехать вперед, устроить перевоз на Гане по приказанию циггарского дзань-дзюня (генерал-губернатора), который сделал это распоряжение, получивши из города Хайлара известие, что мы

перешли границу. Мы приняли чиновника как могли, усердно угощали его спиртом, а пил он так, что весь караван похвалил его за крепость. Всё население деревни теснилось возле нашей палатки, заглядывая вовнутрь и целый час глаза на то, как мы раскладываем огонь, пищу варим и т. п. Женщины с высокой прической, с цветами, с заткнутыми в волосы булавками и «ганзами»[127] в руках поглядывали на нас с пригорка, причем эта привилегия предоставлялась только старым, молодые же тайком выглядывали только из-за щелей заборов или из-за спин старух.

От этой деревни немного оставалось нам до Мергена, составляющего главную торговую цель нашего путешествия; здесь могли мы распродать наших лошадей, наши товары, здесь должно было разрешиться, чего можно ждать от китайских властей. А потому понятно, с каким любопытством мы спрашивали всех, кто понимал по-монгольски или тунгусски, про этот город. Отзывы доходили неблагоприятные: городишко маленький, торговых домов (фуз) не больше десятка, и то все мелочники. Мало-помалу исчезали

надежды на выгодный торг.

Наконец блеснула Нонни из-за тальников; через несколько минут показался пологий плоский берег, река сажен в семьдесят ширины с чистой, прозрачной водой и за ней массы, густые, сплошные массы народа. Всё, что было в Мергене свободного и способного ходить, высыпало на берег посмотреть на невиданное доселе чудо, на варваров с белыми лицами. Вся жизнь города сосредоточилась на берегу: тут были и отупелый от опиума старик-чиновник, и рядом с ним молодой франт-чиновник в синей «курме» (род короткой мантильи из сукна или терна поверх длинного серого платья), с искусно вышитым шелком кисетом, щегольской трубочкой и часами в нескольких коробках за поясом; был и полицейский солдат, который из любви к искусству немилосердно хлестал по головам напирающую вперед массу с разинутыми ртами, черными глазами, улыбающуюся, переговаривающуюся и смеющуюся над нами, конечно; тут и повар в муке, который ради такого необычного события бросил кухню; тут и курильщик опия, сбросивший с плеча халат, об-

наживший голое черное тело, и попивавший что-то из склянки, закусывая белыми кусочками чего-то твердого растительного; тут и разносчики бабанов (печенья из муки на отвратительном травяном масле); тут и купцы, преважно стоявшие впереди, покуривая из маленькой трубки на длинном, тонком черном чубуке с большим нефритовым мундштуком, а там, на заднем плане, старухи.

Масса заколыхалась, когда отделилась лодка, на которой ехал чиновник с неизменным синим шариком встретить нас. Потом он прусердно работал веслом на корме, перевозя нас. Конечно, первым нашим делом, как только разбили палатку, было отправиться с визитом к амбаню — начальнику города, захвативши с собой подарки; самовар, прибор к нему, подносик, пуговицы и т. п. Загремел по Мергеню «карандас»[128], зазвенели два колокольчика под дугой, и пара бодрых коней катила нас по улицам, несмотря на то, что китайцы считают неприличным сановитым людям ездить так скоро, и мы, следовательно, роняли себя в их глазах. Но мы люди не сановитые, а купцы, и потому на рысях проехали

по городу так, что полдюжине полицейских, вскочивших на подножки и на дроги нашей повозки, было куда как неудобно трястись на таких седалищах.

Амбань, истый китаец, принял нас вежливо донельзя. В комнате с развешанными по стенам плетями, башмаками из толстой кожи и другими атрибутами кары, имеющимися в руках амбаня для наказывания провинившихся, толпились прислужники, чиновники, во время переговоров пьяный шут вздумал щупать мое лицо, за что и был с позором отогнан амбанем. После утомительных церемоний, улыбок, поклонов, уговариваний с нашей стороны принять подарки и отказов с другой, угощения и т. п. мы вернулись назад. Результаты визита были неутешительны: торговать не запрещено, но «в городе, говорят, нечего покупать». Подарки не приняты. «Дело дрянь», — решили казаки, наученные опытом, и действительно так и вышло: едуци домой, мы не могли купить ни одной трубки взамен поломавшихся в дороге и залеплявшихся каждый раз перед куреньем грязью, ни куска мяса — ничего. Напрасно на другой

день выезжали мы и, разложив все наши металлические безделки, материи и т. п. в одной лавке, думали заманить покупателей. Ответ был один: торговать нельзя, «амбань запретил». Пришлось действовать другим путем: послали амбаню три серебряных рубля, пусть же он покупает нам мяса и всё, что нужно, а мы донесем о таком нарушении трактата своему генерал-губернатору, и он напишет в Пекин. Не успели вернуться наши посланные, как явились подарки от амбаня, состоявшие из разных съестных припасов, явились и покупки наших посланных, которым амбань нарочно дал чиновника, чтобы разрешить жителям торговать и уверить, что это было «печальное недоразумение».

Конечно, все обрушилось на приставленного к нам чиновника, оказалось, что он переврал, что мы с первого же дня имели право торговать: всё это он перепутал. «Завтра, — говорили нам, — бы можете ехать в назначенный для этого дом, туда придут купцы, там будете торговать». Но с утра еще казаки, посланные нами к амбаню с несколькими пустыми подарками в благодарность за при-

сланные им съестные припасы, вернувшись, объявили, что около двенадцати часов амбань сам приедет к нам отдать визит. Чем объяснить подобную любезность? Во всяком случае надо было приготовить всё, чтобы принять амбаня и угостить его приличным образом. Пока мы здесь занимались приготовлениями, прибежало еще несколько чиновников известить нас о визите, и вскоре показался чиновник верхом, за ним желтая крытая двухколесная тележка с синими занавесками, довольно изящно сделанная из лакированного дерева и запряженная белым ослом. За тележкой шел мальчик (тоже чиновник с синим шариком) и нес подушку, без которой никуда не может ездить важный чиновник. Амбань вышел из тележки, и начались всевозможные вежливости и любезности. Наш караванный старшина старался вежливостью превзойти самого амбаня и, извиняясь в невозможности лучше принять такую важную особу, позабывал поговорить о запрещении торговать, о трактате и т. п.; между делом забавлял его разными безделками, стереоскопом, ключиками с микроскопи-

ческими изображениями и пр. Но тем не менее мы были очень рады, когда, проведив амбаня, могли ехать в отведенный нам дом, немножко грязный, но ради нашего приезда выметенный и с чистыми циновками на нарах. Тут разложили мы наши товары, и скоро во всех углах завязалась торговля.

Мерген — ничтожный город, напоминающий по своему характеру русский уездный городок, основанный ради правительственных соображений. В начале XVIII века был основан город Хайлар на дороге из Цицигара к северо-западу, в теперешнее Забайкалье; город Мерген с лубочной крепостью стоит на одной с ним широте, по дороге из Цицигара же в Айгун (на Амуре), и основан, по-видимому, около того же времени или во время появления русских на Амуре. Иначе как объяснить существование города, — вопреки нашим понятиям о китайских городах, — вовсе не торгового, с десятком всего лавок, в которых можно найти только самые необходимые для китайца предметы. Правда, и тут видно намерение устроить что-то вроде торговой улицы, с тремя деревянными арками (то же самое есть и

в Хайларе). Но эти разваливающиеся ворота с резными украшениями, грозящие гибелью неосторожному проезжему, который заденет за них осью, так и переносят вас в родимый уездный город, где и гостиный двор устроили, а все-таки торговля не привилась, да и торговать некому, а главное, не с кем. Только бродят по улицам толпы чиновников, и время от времени жители окрестных деревень приезжают продавать свои продукты для прокормления амбана, его громадной свиты и тех десяти купцов, которые поселились ради нужд чиновничества. Но маньчжуры любят плодить чиновничество, любят эффекты, и Мерген возведен на степень города, и войско заведено (никуда не годное), и город, верно, зовется «крепостью», благо выстроен на потеху людям вал с двумя деревянными частоколами, которые, конечно, развалятся от собственных выстрелов.

Но все-таки китайцы оказались практичнее нас при постройке своего Мергена. Он лежит среди довольно густого, работающего земледельческого населения; муку, мясо, все припасы можно иметь в изобилии, и жизнь

должна быть очень недорога. Мерген — род большой почтовой станции на дороге из Цицигара в Айгунь, который, как и Цицигар, благодаря соседству русских[129] обогащается русским серебром. Конечно, кое-какие крохи перепадает и на долю Мергена, как самой большой деревни на перепутье. Пока, впрочем, Мерген может быть для нас важен только в том случае, если нашим купцам удастся забраться в него для покупки разного рода хлебов на месте, потому что, повторяю, он лежит среди многих деревень, производящих в обилии разного рода хлеба: пшеницу, просо несколько сортов, овес и гречу. Нужно пожелать только, чтобы первая наша торговая неудача не отбивала охоты ходить в Мерген за хлебом. Трактат дал нам право торговать в Китайской империи, и если мы не хотим, чтобы это право утратилось, то нужно пользоваться им, и как можно чаще.

Ясно, что в таком городе мы немного могли наторговать, имея для продажи табун лошадей и кучу металлических безделок, рассчитанных на население, которое в первый раз увидит европейские товары. Между тем

здешние купцы уже понасмотрелись на русские товары из Айгуня. Правда, большинство жителей, никогда не бывавшие на русской границе, знало наши товары только понаслышке да по некоторым безделкам, завезенным из Айгуня, и немало дивилось тем диковинкам, которые мы навезли; но что же могли они предложить нам в обмен на зеркальце, подносы, жестяные спичечницы (до которых китайцы очень падки) и тому подобные мелочи? Другое дело, если бы нам позволили торговать в деревнях, и мы решились брать муку и разные хлеба в обмен на наши товары, тогда торг мог бы быть выгоден (особенно при другом выборе мелочей, более полезных) [130]. Из купцов никто не решился взять гуртом все наши мелочи, так как мергенские купцы очень небогаты. Нам оставалось только продавать на джосы (мелкая медная монета), но я должен сознаться, что ни мои спутники, ни я не имели определенного понятия о ценности этой монеты [131].

Вот почему результаты нашей торговли были самые пустые; удалось сбыть (правда, за хорошую цену) только штуку хорошего плиса

(№ 14 попроще и подешевле, № 5 не купили), самовар и несколько зеркальцев и мишуру; плис пошел в обмен на бумажные материи, самовар — на фаянсовые чашечки, употребляемые всем нашим амурским и забайкальским казачеством взамен ложек (каждый наливает себе щи большой ложкой в чашечку и затем ест уже из чашки через край). Когда таким образом несколько купцов приобрели, что им было нужно, они больше уже и не смотрели на наши товары, и никто ничего уже не покупал. Переход от оживленной торговли к полному бездействию был так разителен, что мы поневоле усомнились, не было ли позволено купцам торговать только для вида до известного часа. Не берусь решить, насколько вероятно это предположение, сделанное нашими казаками.

Видя, что больше ничего мы не добьемся, на другой день еще раз безуспешно разложив свои товары, мы сложили их и к вечеру выбрались из города, направляясь к востоку по прекрасной, торной дороге в Айгунь.

Отсюда до переезда через второй меридиональный хребет Ильхури-Алинь, окрестности

становятся оживленнее; чаще и чаще попадают деревни или хуторки, торчащие среди пашен, чаще встречаются жители. Под видом едущих на службу присоединялись к нам и провожатые — чиновник и два или три солдата в повозках. Впрочем, они так лениво перепрягали лошадей, так долго «чаевали» на станциях, что обыкновенно им приходилось догонять нас на рысях и, догнав, опять спешить на станцию, чтобы снова чаевать.

Здесь идет уже почтовый тракт и большая дорога, по которой движутся из Цицигара в Айгунь и обозы с водкой, чаем, бумагой, и гурты скота. Скот закупается в Цицигаре, куда стоняется отчасти с юга, отчасти от нашей же границы Забакайлья, где он покупается преимущественно за кирпичный чай[132].

Хлебопашество составляет главное занятие жителей окрестных деревень. Так как китайский способ обработки земли совершенно разнится от употребительных у нас, то я позволю себе сказать о нем несколько слов. Пашут, обыкновенно, длинными во все поле прямыми бороздами не шире 4 или 6 вершков. Борозды эти тянутся замечательно пря-

мо, как бы вытянутые по шнуру, на полверсты и более, и при этом безукоризненно соблюдается их взаимная параллельность. Пашется обыкновенно узкой сохой, не глубже трех вершков, причем земля ложится в одну сторону. Раза два вспахав поле и раздробив камки каменным катком, китаец приступает к посеву. Тут он еще раз пропахивает борозду и вместе с тем сеет, высыпая хлеб из ящичков, приделанных к сохе, через тростниковую дудку. Семена сыпятся таким образом на гребень борозды и сейчас же засыпаются землей. Но этим не кончается уход за посеянным хлебом, несмотря на палящий жар, китаец проходит по бороздам своего поля шаг за шагом, вырывая сорные травы и присыпая новой земли. Говорят, что эта работа повторяется несколько раз в лето. И зато земля дает чудные урожаи! Напомню о конопле выше сажени, о которой я писал с Амура, и о просе аршина в четыре, о котором я писал с Сунгари[133].

Вот почему при китайском трудолюбии и обилии рук мы видели во всех деревнях громадные запасы пшеницы, проса и овса. Случалось видеть, что целые амбары, занимав-

шие одну сторону широкого квадратного двора, были засыпаны хлебом в зерне, а немолоченый хлеб лежал еще в скирдах, кроме того, громадное количество гречи было ссыпано просто в сарае, где ее топтали коровы и ели свиньи.

Бесспорно, такие способы обработки возможны только в Китае, где труд несравненно дешевле, чем у нас, и где привыкли довольствоваться просом, дающим на одном стебле несколько сот зерен. Употребление катка и посев через дудку, причем зерно тотчас засыпается землей, — приемы, заслуживающие внимания. К сожалению, я не видел уборки хлеба, а потому ничего не могу сказать о ней.

На второй день пути от Мергена мы начали входить в пологие отроги Ильхури-Алиня. Этот хребет носит в себе несомненные признаки вулканических извержений, бывших в недавние времена. Так, на западном его склоне, поднявшись на высокую плоскую возвышенность, покатую к северо-востоку, мы увидели вправо от дороги отрезной конус, которого наружная форма — пустота внутри и прорыв на северной стороне — несомненно

доказывала его вулканическое происхождение. По полям разбросаны громадные куски лавы, составляющие дорожку, которая идет от конуса к северо-востоку по ложбинке, направляющейся к речке. Кроме того, и в нескольких других долинах мы также находили куски лавы, вероятно, занесенные из главного хребта.

На следующий день мы перевалили через главный хребет Ильхури-Алиня. Незаметно вдались мы в отроги гор, поднимаясь по долине одной речки; незаметно, наконец, поднялись на хребет, заросший превосходным крупным березняком, и так же круто, как с Хингана, спустились вниз. Присутствие населения в окрестностях заявило себя: если высокий Хинган увенчан на перевале только «овоном», зато несравненно меньший хребет Ильхури увенчан большой, красивой кумирней.

Китайские кумирни, виденные мной как в этот переезд, так и на Сунгари, все на один лад и различаются только величиной и богатством отделки. Все они состоят из трех главных отделений: в первом, у ворот, стоят за ре-

шетками истуканы двух коней, во втором, главном, восседает Гысырь-хан с приличным количеством богатырей, в третьем — жены и опять богатыри, сподвижники или враги Гысырь-хана[134]. Иногда к этим трем главным зданиям прибавляются еще два маленькие, в которых помещаются разные старухи и старики с книгами. Часть этих разноцветных (белых, черных и бронзового цвета) богатырей отличается замечательным безобразием, и им приданы самые разнообразные позы. Некоторые из них держат мечи, другие — зеркала, третьи стоят с веревкой на шее и имеют приличную обстоятельную мину, четвертые, наконец, просто благословляют двухперстным благословением. Все эти отдельные здания обнесены одной общей оградой, в которой еще находится помещение для бонз (духовенства), а на дворе перед главной кумирней возвышаются две высокие ели, искусственно выращенные с замечательно правильно и горизонтально расходящимися ветвями[135].

От перевала через хребет путь наш представляет уже мало интересного; скажу толь-

ко, что, круто повернув к северо-востоку[136], дорога направляется по падям разных речек, пересекает еще один, тоже меридиальный кряж гор, тоже увенчанный кумирней, и идет от деревни то среди крупных березовых лесов, то по превосходным лугам. Деревни попадаются часто, и все они такие же хлебородные, как и те, которые попадались около Мергена. Горы исчезают, и места их заступают холмы из глинистых сланцев и песчаников. Наконец, после последнего переезда по такому высокому песчаному хребту, с которого во все стороны видны деревушки, мы верстах в двенадцати от Айгуна вступаем уже в долину Амура и по ровным местам доходим до Айгуна.

Про Айгунь столько уже писали несколько лет тому назад, что о нем я говорить не стану; скажу только, что мы долго бродили по закоулкам города, напоминающего любой наш уездный город, покуда выбрались наконец на берег широкого Амура. Надо было видеть восторг тех казаков, которые прежде ничего не видали, кроме своей ничтожной Аргуни, чтобы понять те восторженные отзывы, которые

еще в XVII веке долетали с Амура.

В Айгуне я переехал на наш берег и направился в Благовещенск. Но казаки оставались в Айгуне в надежде поторговать. Увы, надежда оказалась напрасной. Амбань, вероятно недовольный приходом русских еще «непоказанным» путем, абсолютно «запретил своим подчиненным торговать с казаками»; мало того, один китаец, падкий до иноходцев, который купил у казаков коня и увел его к себе, оставя задаток, на другой день возвратил покупку под пустым предлогом и отказывался даже от задатка.

Зато, переехав в Благовещенск, наши казаки живо распродали своих коней, тех, которые стоили кругом по 14–15 руб., — за 30 руб., а иноходцев по 40–50 руб. Часть мелочных наших товаров тоже удалось продать в Благовещенске.

Теперь дорога проложена; остается только пожелать, чтобы по ней ходили каждый год; тогда можно надеяться, что дорога всего в 650 верст до Цурухайтуя от Благовещенска, которую мы с обозом и табуном прошли в 16 дней без труда[137], чтобы эта дорога, говорю я, не

заглохла, а всегда была доступна для нас. Но пусть в течение нескольких лет на этом пути не покажется ни одного русского каравана — тогда увидят, как трудно будет снова сладить с китайцами: опять станут отгонять ороchon от дороги, опять в Мергене и окрестностях не позволят торговать, и так далее. Сами казаки едва ли пойдут в следующем году с товарами и табуном; хотя продажа лошадей оказалась не безвыгодной, но поездка требует слишком много времени на обратный путь, притом ка-закам, пожалуй, выгоднее будет ходить в До-лон-нор[138], чем в Благовещенск, да и вооб-ще они не очень подвижны. Чтобы побудить их идти в Благовещенск, нужно было бы дать им подряд скота, хотя в небольших размерах, например, за те же 18 руб. серебром (25 руб. 20 коп. по курсу серебра), которые платятся маньчжурам за каждую голову рогатого скота в 8½ пуда весом. За эту цену казаки ухвати-лись бы с радостью, тем более, что они бра-лись доставить скот, немного разве помельче маньчжурского, за 18 руб. бумажками. Подря-ды на скот заключаются большей частью для сплава в Николаевск и, кроме того, для бата-

реи и для казачьих войск (для лазаретов, если не ошибаюсь). Но, к сожалению, ни сплавное, ни батарейное, ни казачье начальство не решилось заключить подобного контракта с казаками, вероятно сомневаясь, пропустят еще караван или нет. Конечно, на первый раз было бы рискованно заключить контракт на большой подряд, но в небольших размерах, сообщая трем ведомствам, можно было бы сделать подряд без всякого неудобства уже потому, что в случае, если бы караван не пропустили, можно было бы достать необходимое количество скота у маньчжур и попозже. Но контрактов не заключили даже и на малое количество скота, казаки сами тоже, пожалуй, не пойдут, а потому приходится думать, что наша поездка и сделанные казной и казаками расходы так и пропадут даром.

Русский вестник. — 1865. — Т. 57, Июнь. — С. 585–681.

Путешествие по Лене[139]

Если большие реки, служащие главными сплавленными путями, везде имеют громадное значение для края, в котором они протекают, и для местностей, которые они между собой связывают, то почти нигде это значение не было и не есть до настоящего времени так велико, как в Восточной Сибири. Редкость населения, трудность сообщений везде, где бы вы ни уклонились хотя на несколько десятков верст от больших трактов, особенно в гористой стране; хребты, заросшие непроходимыми, в полном смысле слова, лесами; болотистые, мшистые пади везде, даже в южной полосе Восточной Сибири, где только повыше поднимаются горы, — всё это вместе взятое клонит к тому, чтобы помимо промышленного значения увеличить значение рек для Восточной Сибири. Летом они служат сплавленными путями, зимою — единственным возможным трактом для сообщений между крайне отдаленными местностями. Такова в особенности Лена, как река, текущая с юга на север, из страны населенной и хлебород-

ной — в дичь, в тайгу и через тайгу в тундру, в Якутский край, не производящий для себя хлеба, в Олекминский округ, где промыслы, производящие сотни пудов золота, снабженные тысячами рабочих и лошадей, поглощают громадное количество хлеба и всевозможных продуктов, доставляемых из Иркутска или Иркутской губернии. И не одни рабочие и их управляющие прокармливаются продуктами, доставляемыми по Лене, даже лошади и те кормятся овсом и сеном, доставляемым по той же реке.

Как бы ни было ничтожно поселение Якутского края, как бы ни казались малы требования промыслов, если бы мы стали сравнивать их с промышленностью хотя бы губерний средней полосы России, но тем не менее в Сибири, при ее условиях, и этим требованиям удовлетворить нелегко, и, с нашей точки зрения, Лена приобретает для нас немалую важность.

Оставляя в стороне вершины Лены, образующейся из многих ручьев, вытекающих из распадков Байкальского хребта, — вершин, посещаемых большей частью только зверов-

щиками, — я скажу о ней несколько слов с того места, где она примыкает к «тракту», где выезжают к ней из Иркутска, с *Качугской* пристани, служащей местом отправления значительной части всех продуктов, сплаваемых по Лене.

Довольно быстро проплывши по Лене до устья большого ее притока Витима, я, конечно, принужден буду ограничиться немногими замечаниями, сделанными почти на лету, но, может быть, и в них читатель найдет что-нибудь интересное.

Добираясь до с. Качуга, находящегося на 240 верст к северу от Иркутска, проезжая по превосходной луговой плоской возвышенности, называемой Кубинской степью и населенной бурятами-хлебопашцами, торопясь ко времени *ярмарки*, бывающей в Качуге около 9 мая, во время отправления барок и павозков, человеку, впервые приехавшему в Сибирь и не присмотревшемуся к ее промышленности, можно было бы ожидать встретить в Качуге что-нибудь вроде оживленной торговой пристани, широкую реку, машины для нагрузки — вообще жизнь, и жизнь одушев-

ленную, особенно если вспомнить о громадности края, снабжаемого всем из Иркутской губернии.

Ничуть не бывало: вы едва замечаете ничтожную реку Лену, через которую медленно ползет самолет; у одного берега плавают какие-то четырехугольные ящики, назначение которых не сразу угадает новичок, у другого несколько десятков павозков в виде утюгов, на которых развеваются флаги и происходит мелочная торговля; на берегу несколько тюков с товарами и тарантасы купцов, несколько десятков лавчонок, из которых в каждой можно найти всё: кремни, сапоги, сахар, свинец, красные товары и пр., и пр. Рассмотревши эти четырехугольные ящики, кое-как сколоченные нагелями из толстейших досок, вытесанных топором, вы узнаете, что это барки сажень в 8-10 длины при 6-7 сажнях ширины, сидящие в воде от 4 до 5 четвертей и поднимающие груза до 5000 пуд.

На берегу же вы имеете перед собой ярмарку, возникшую вследствие того, что купцы, проезжающие в Качуг с товаром до прибыли воды в Лене, открывали торговлю для окрест-

ного населения, преимущественно бурят, из числа товаров, которые везутся ими на Лену для деревень, получающих всё этим путем. Кроме этих купцов приезжает еще несколько человек иркутских купцов с такими же товарами и, наконец, на 40 лавчонок с товаром открывается более десятка кабаков для рабочих, отправляющихся на частные золотые промыслы, и для бурят, продавших хлеб и имеющих несколько деньжат. Поэтому ярмарка вполне ничтожна, здесь нет ничего подобного торговым оборотам, заключению контрактов на доставку местных произведений или даже на обмен местных произведений на непривозные, напротив того, местные произведения фигурируют лишь в виде какой-нибудь яичницы с кашей, кваса, сена и овса для прокорма лошадей, и то в ничтожном количестве, по страшно дорогой цене и вообще съестных припасов для собравшихся на ярмарку.

Одним словом, для лиц, знакомых с тем, что такое ярмарка в небольших селах, хотя бы Калужской губернии (с населением около 300 человек), прибавлю, что из одной такой

ярмарки можно бы сделать три, четыре, до пяти качугских, как по количеству лавок, так и по числу посетителей; продажи же местных произведений, как я уже сказал, вы не увидите, так что если сельская русская ярмарка характеризует производительность окрестных деревень и с тем вместе их потребности, то качугская характеризует только их потребности[140].

Буряты — главные покупатели; они покупают своим женам всяких нарядов, а те навешивают их на себя как попало: наматывают на шею большой шерстяной платок (шаль по-здешнему), наденут на голову мужскую пуховую шляпу, к которой приделают или красную ленту, или привесят пестрый шелковый платок, наденут кунгурские сапоги и с трубою в зубах щеголяют, побрякивая моржанами (плохие кораллы).

Число барок, отправляющихся собственно из Качуга, незначительно — я насчитал тут не более 30 барок и от 40 до 50 купеческих павозков. Но кроме этих павозков отплывает от вершин Лены значительное число других барок, строящихся и нагружающихся в дерев-

нях ниже Качуга, в Верхоленске, а также по рекам, впадающим в Лену, — *Илге* и *Куте*, куда хлеб преимущественно доставляется из долины *Ангары*, более богатой хлебом, чем долина Лены. Так, например, по *Илге* строили в 1866 году около 70 барок, на которые было нагружено от 300 до 350 тысяч пудов хлеба. Главная доля всего сплаваемого хлеба приходится, конечно, на частные золотые промыслы (около 400 тысяч пудов).

Постройка и сплав барок служат немалым источником: Дохода для жителей верховьев ленской долины, так как постройка барок для Качуга происходит в деревне Бирюльке (30 верст выше Качуга), а ниже либо в самих деревнях по Лене, либо по рекам *Илге* и *Куте*. На сплав барок ходят крестьяне окрестных деревень и при недостатке хлеба, особенно в 1866 году, крайне дорожат этим заработком. Так, крестьяне из деревень, лежащих вблизи устья *Илги*, больше месяца жили там, где строились барки (40 верст выше устья), чтобы идти со сплавом, но не дождались воды, которая была очень мала в 1866 году. Около 21 мая она стала прибывать, тогда нужно было ви-

деть, как торопились крестьяне из окрестных деревень, чтобы попасть на сплав. Я встретил партию крестьян, шедшую почти на рысях из деревни *Шамановской*, в 5 часов вечера им оставалось до Усть-Илги еще 60 с лишним верст, а они норовили к утру попасть в Усть-Илгу, чтобы хотя там застать барки. Другие же из Усть-Илги, как только заметили прибыль воды, побежали вверх за 40 верст, чтобы наняться провести барки по Илге, за что получают иногда рубля по три на человека.

Те, которые издавна плавают по Лене и заслужили репутацию хороших лоцманов (отцы иногда приготавливают к этому своих детей), нанимаются в лоцманы и зарабатывают хорошие деньги; чтобы сплыть от *Качуга* до *Жигаловой* (130 верст), берут 10 руб., от *Жигаловой* до *Омолоя* (280 верст), платят хорошему лоцману до 40 руб.

Но если постройка и сплав барок и служат вообще источником дохода для ленского жителя, то нельзя того же сказать про закуп хлеба. В 1866 году хлеб продавался вообще в верхнем течении Лены от 1 руб. до 1 руб. 20 коп. и 1 руб. 30 коп. Только вблизи Илги, вследствие

подвоза с Ангары (волок составляет тут всего 200 верст), в течение всего *двух дней*, продержалась цена 80 коп. Таковы частные цены; не говорю уже о том, что крестьяне по продаже хлеба совершенно находятся в руках «бусовщиков» (скупщиков хлеба), а последствия таких порядков известны, но, кроме того, еще казна покупает хлеб, а так как доньше в Восточной Сибири не расстались с системой принудительных закупок, то в то время, когда хлеб для частных лиц не выходил из рубля, в казну он куплен за 80 коп. Когда же мы, наконец, отстанем от той системы «уговаривания крестьян сбавить цены», поручаемого чиновникам? Неужели факт уменьшения хлебопашества в Иркутской губернии и Забайкалье, факт страшной дороговизны хлеба, зависящий, правда, и от неурожаев, но и в значительной мере от принудительных закупок, неужели эти факты еще недостаточны, чтобы показать ошибочность системы?[141]

Барки строятся чрезвычайно неуклюже из обтесанных топором досок, самая форма их, четырехугольная, делает управление ими чрезвычайно неудобным, да к тому же и сред-

ства передвижения невелики: сила 7-10 человек, владеющих двумя длинными веслами — кормовым и носовым. Весла эти делаются так: лесину выдергивают с корнем, комель и корень стесывают в плоскость, и это расширение заменяет перо у гребня. Вся работа сделана наскоро, конечно, ради дешевизны, так как раз уже сплывшая барка разбивается и идет в поделки. Впрочем, все-таки такая барка стоит около 200 руб., павозок — от 75 руб. до 125 руб. и в очень редких случаях до 150 руб.

Павозок — это род барки в виде утюга, такой же работы, имеющий одну кормовую греблю и две боковые. Он поднимает до 1200 пудов груза. Выйдя на те места, где Лена уже достаточно глубока, павозки и барки счаливаются по две, как и плывут уже в нижнем течении.

Кроме этих посуд для перевозки тяжестей существуют 2 парохода, из которых один ходит по Витиму, а другой по Лене. Третий, «Муравьев-Амурский», купленный г-ном Бенардаки у закрывшейся Амурской компании и перевезенный с Амура на Лену, в приезд наш

был собран в Верхоленске и будет ходить по Лене, буксируя тяжести. Пароход очень хорош; не знаю только, что из него выйдет в неискусных руках[142]. Вообще про это пароходство, сидящее во время сплава еще на местах за неимением припасов, и говорить не стоит. Известно, как вообще наше купечество ведет свои промышленно-технические предприятия; так и тут ведутся эти дела. Дешевенький капитан, который при случае не вломался бы в амбицию за неловкое обращение, — вот идеал пароходного хозяйства у большей части наших торговых лиц. Ну и кончается тем, что, например, пароход въезжает на реке Витим на такую мель, где за 30 сажень надо ходить за водой, а спуск его из этого импровизированного адмиралтейства обходится десятки тысяч. Один из пароходов, принадлежащих г-ну Хаминову, тому самому, которому (вместе с г-ном Русановым) принадлежит байкальское пароходство. Для тех, кто плавал по Байкалу, одного этого имени достаточно для характеристики пароходства... Третий пароход неизвестно что скажет; пока он поступает в распоряжение того же капитана,

который завел витимский пароход на сухое место. Вообще скажу одно: много и много еще нужно поучиться нашему сибирскому купечеству, пока оно доучится до заведования пароходством. Пока много ли есть таких, которые умеют заведовать хозяйством четырехугольных барок?

Как только прибудет весенняя вода, все эти посуды, четырехугольные, пятиугольные и утюгообразные, пускаются вниз по Лене; зевать не приходится, а то, упустивши весеннюю воду, пришлось бы ждать коренной, происходящей от таяния снегов, накипней и от летних дождей. В 1866 году весенней воды не было, и все эти посуды стояли на местах, а отправились только барки с Куты и Илги да несколько павозков[143]. Крестьяне ждут не дождутся, когда пройдет «казна». «Много от нее беды терпим, — говорят они, — лоцманов наймут подешевле, барки все по мелям расскажут, а там и сгоняют нас их снимать». Конечно, так как хлеб везется в Якутск, где к весне уже всегда в нем нуждаются, то и торопятся его доставить, а потому, несмотря ни на какие работы, крестьян гонят снимать барки,

между тем время прохождения барок соответствует очень дорогому для крестьянина времени приготовления пашен и посева.

Павозки плывут очень медленно, если они так называемые «торговые», они заезжают тогда во всякую деревню, сколько-нибудь стоящую этого названия, и снабжают как крестьян, так и торгующих по всем деревням и в городах Верхоленске и Киренске всем тем, в чем они нуждаются из привезенного, т. е. чаем обыкновенным кирпичным, сахаром, красными товарами, сапогами и пр., и пр. Павозков ждут не дождутся, когда они замешкаются, везде вас спрашивают, скоро ли приплывет ярмарка, — иначе без нее плохо; например, в деревнях вышел весь чай, и вот уже несколько недель, как большинство пьет настой всяких трав и корней взамен чая, без которого сибиряк не может жить.

Вот каковы ленские сплавы; статистических данных очень трудно добиться, так что приходится ограничиться этими сведениями.

Берега Лены считаются страной гористой. Хотя оно не совсем правильно в физико-географическом отношении, так как в верхнем

течении долина Лены просто углублена в высокое плоскогорье, в котором Лена промыла себе узкую щель, а побочные речки размыли себе глухие узкие пади, но в разговорном языке оно справедливо. До Киренска вы плывете по узкой долине, над которой с обеих сторон высятся часто вертикальные утесы и большей частью крутые склоны гор, заросшие густыми хвойными лесами; вдоль берегов с перерывами тянется узкая полоска наносов, тоже заросшая лесом: сосною, елью и лиственницей; местами попадаются острова, заросшие преимущественно тальником, также негодные для хлебопашества. На первых 300 верстах хлебопашество идет еще сколько-нибудь успешно и часть хлеба поступает в продажу, но чем дальше, тем хуже. В Орленгской волости долина Лены суживается, леса становятся все гуще и гуще, расчистка труднее, и, следовательно, хлебопашество хуже. К тому же вообще в верхнем течении Лены, а особенно в Орленгской волости, грунт не завидный. Пласт растительной земли, который нельзя назвать черноземом, не более пяти вершков, ниже идет суглинок с супесью, образовав-

шийся из разложения красных песчаников, составляющих берега Лены почти до Киренска, и сланцеватых затверделых темно-бурых глин, залегающих пластами между песчаником. Но это еще ничего, главное же то, что пашни приходится распахивать по склонам гор, между тем при бывающих нередко проливных дождях водою смывается здесь весь пласт чернозема. Вообще после двух посевов, ниже же и после первого посева, приходится оставлять землю под пар, а пашни, ближайšie к деревням, «наземят» (унавоживают), явление, с которым мне впервые пришлось встретиться после четырехлетних разъездов по Иркутской губернии, Забайкалью и Амуру. Если в верхних частях и продают хлеб, то ниже (по Орленгской волости) приходится покупать его. Вспомним при этом, что чем ниже, чем чаще морозы губят хлеб, тем позже высевают его, тем больше довольствуются ячменем. Так, года два тому назад, в июле (ранее Ильина дня), выпал такой иней, что «хоть топор наколачивай»; хлеб был в то время в цвету, и его, конечно, почти весь уничтожило [144]. С другой стороны, между 20 и 25 мая бы-

ли в 1866 году такие инеи, что вода замерзала. Посевы бывают очень поздно; выше их начинают в начале мая, ниже никогда не начинают раньше 9 мая, еще ниже, наконец, к Киренску, они продолжались еще 25, 26 мая. Едва верится, чтобы такой хлеб успевал вызреть до морозов; между тем он вызревает, и так, что на низовьях раньше кончается жатва, чем в верховьях. Особенно глухи последние деревни к Усть-Куту (Рижная, Туруцкая и другие), где горы совершенно спирают Лену. Огородничество не достигает больших размеров, да оно и не мудрено при здешних морозах; овощи высевают еще позднее, после посева хлеба, и нередко они гибнут от инея.

Если в верхних частях, до Жигаловой, скотоводство порядочное (зажиточные имеют до 20 голов рогатого скота, лошадей, баранов, обыкновенные хозяева от 5 до 10 голов рогатого скота), то ниже оно значительно сокращается, и хозяин, имеющий от 7 до 10 голов рогатого скота, считается зажиточным; лугов очень мало, так что косят (и пашут) и за 12–15 верст от деревни, а летом скот пасется в бору, довольствуясь часто узкой полоской вдоль бе-

регов. Медведям раздолье, они очень смелы; в мой приезд нашли коня, зарезанного медведем возле деревни, в 1 версте. Размеры медведей очень уважительны. Шкура от носа до хвоста (не считая последнего) бывает обыкновенно от 13 до 16 четвертей, недавно же убили одного в 17 четвертей, как подтвердили крестьяне обеих соседних деревень; понятно, что такой зверь не поцеремонится зарезать коня чуть не в виду людей и втащить его на яр, круто поднимающийся от берега.

Но эти же леса служат и источником дохода для населения. Весной на лыжах гоняют с собаками северного оленя, летом и в начале осени бьют косуль, а как только наступит Покров (1 октября), все способные носить оружие отправляются в тайгу белковать. Проходивши весь октябрь и часть ноября (до 8-го), зверовщики возвращаются с порядочным запасом белки; трудно сказать, сколько ее приходится кругом на человека, но полагаю, что от 10 до 200 шт., смотря по местности. Последнее, впрочем, редко, обыкновенно не более 150 шт. Есть молодцы, которым случалось настрелять до 1000 белок, но это исключение,

зависящее от личности стрелка и от благоприятных обстоятельств (год хороший). На белку же, как и на всё другое, бывает и урожай и неурожай, который, к сожалению, совпадает с урожаем и неурожаем хлеба; хлеб не родится — и шишка не родится, говорят крестьяне, а от урожая шишки зависит и урожай белки. К тому же в октябре часто выпадают такие снега, что зверовщики бывают вынуждены возвратиться раньше срока, т. е. в 20-х числах октября.

Хотя и принято считать Сибирь неисчерпаемым источником относительно леса и зверя, но как всё истощается при чрезмерном пользовании, так точно и зверь. Было время, когда в деревне на дом (и домов-то тогда было меньше) приходилось по убитому оленю. Теперь со вздохом говорят вам: и один-то олень на деревню попадет — и то спасибо, вся деревня смотреть соберется. Сохатый, рысь попадаются изредка, и хотя их шкура будет продана соответственно дорого, но явились уже кое-какие потребности, прежде неизвестные (самовар, например), да и хлеб-то, закупаемый и в казну и на быстро размножающиеся

промыслы, стал соответственно дороже. Таким образом, с уменьшением количества зверя народ переживает один из тех периодов, которые описал г. Щапов. Количество зверя заметно убывает, выживающие особи уходят всё глубже и глубже в хребты и леса, подальше от населенных местностей, и если прежде, когда деревушки состояли из 2–3 домов, промышленник, чтобы настрелять достаточно белки, ходил по две недели около дома, теперь он должен удаляться в хребты на 5 недель и исходить в день верст по десяти, чтобы вернуться с сотней или двумя белок. Я писал как-то раньше по поводу Тункинского края, как мало приносит выгоды беличий промысел, и высказывал мысль, что только незнание других промыслов, более выгодных, отсутствие этих промыслов, нуждающихся в капитале, который, в свою очередь, направлен на разработку промыслов, наконец, высший руководитель — привычка — поддерживают там этот невыгодный промысел. Сколько мне кажется, эта пора еще не наступила для ленского зверовщика, но и здесь можно наверное сказать — она скоро наступит. Что

же тогда? Во-первых, при самом заселении долины Лены едва ли имелось в виду образование хлебопахотного населения, а потому мы видим крестьян, живущих в таких местах, где хлебопашество на протяжении целых сот верст никогда не разовьется; нужно посмотреть, какие леса приходится теперь уже расчищать, — что же дальше? Где возьмется сено для скота при неразвитии пароходства, которое могло бы подвозить его из тех мест, где его больше (например, Киренский округ в нижних частях)? Во-вторых, и это самое главное, легко ли из зверовщика стать хлебопашцем? Самая жизнь зверовщика не имеет ничего общего с жизнью земледельца. Правда, зверовщик привык ко всевозможным трудностям и лишениям, но сравните его с тяжелым мускульным, ручным трудом земледельца, и на чьей стороне окажется перевес? Как бы то ни было, но этот переход совершается, и очень-очень медленно, причем непременно будет сопровождаться обеднением. Этот период обеднения необходимо должен будет пережить ленский крестьянин.

Да и теперь ленская долина представляет

нам невеселую картину, которая не удивит жителя какой-нибудь Вятской губернии, переживающей тот же период, но которая бросится в глаза тому, кто знает села в Сибири, хотя в хлебородных местностях Забайкалья, или Иркутской губернии, или, наконец, в окрестностях Благовещенска. Вы увидите, правда, ряд изб обыкновенной сибирской постройки, но где же найдете вы хотя один из тех щеголеватых домов, которые радуют вас в названных местностях? На берегу встречает вас народ низкорослый, с мягкими, одутловатыми чертами лица; волосы, как мочала, вся фигура, хотя и коренастая, но ленивая, вялая, — а к тому же еще и страшной величины зобы! Туповатость еще заметнее при разговоре; только молодое поколение как будто несколько поживее. Конечно, можно упрекать этих людей в лености и вялости; подробный разбор жизненных условий, вероятно, выяснил бы эти причины. Давно ли на Лене вывелись курные избы? Давно ли почти соседние деревни ознакомились друг с другом? Какие у них средства сообщений и, следовательно, между кем преимущественно проис-

ходят браки? Доставив на лодке проезжего, гребцы спешат сейчас же вернуться домой, зная, что раньше, как в день, не успеют сделать перехода, если только прибыла вода и «взыграли» речки. А нужно видеть, как они «играют»! Речку, которую вчера переходили посуху, сегодня со страшным трудом можно переехать вброд пешком, вода сбивает коня, которого приходится переводить на веревке; на дне вода ворочает громадные камни, готовые ударить по ногам коня, который, идя до половины брюха в воде, едва держится на ногах. А прежде часто ли приходилось и почту возить в соседнюю деревню? Кроме исправника и заседателя, крестьянин целый год почти никого не видел. А осенью жизнь в тайге! Летом же, во времена обилия зверя, много ли пахал крестьянин и привыкал к труду? Теперь прибавьте к этому отсутствие мяса в течение лета, преимущественно хлебную пищу, частое питье всякой дряни вместо чая и к тому же еще зобы![145]

Всё это ряд условий, далеко не благоприятных, особенно если к этому прибавить частые недостатки хлеба, чая и т. п. Подробное исследование

дование местных условий, особенно относительно браков, недостатка примеси посторонней крови и пр., и пр., вероятно, еще более разъяснило бы дело, но, мне кажется, и этих условий достаточно для того, чтобы препятствовать образованию здорового, живого, сильного племени.

При таком хлебопашестве и скотоводстве особенно важную роль приобретают, конечно, заработки. Самый существенный из них — это «ямщина», т. е. деньги, получаемые за почтовую гоньбу. Эта гоньба так устроена: на станции полагается столько-то пар лошадей, общество круговой порукой берет на себя отбывать гоньбу зимой и осенью лошадьми, летом гребцами и получает за пару от 200 до 225 руб. в год из земских сборов, смотря по тому, какая цена будет установлена на подряды. Затем каждый берет на себя отбывать столько гоньбы, сколько придется по раскладке, соразной с числом имеющихся у него лошадей. Кто берет полпары, кто одну и т. д.; затем полученные за ямщину деньги делятся сообразно с этою раскладкою по числу душ, которые отбывали гоньбу, причем в полгода при-

ходится на душу около 10 руб. Этими деньгами выплачивают подати, на них покупают и хлеб. Так как хлеб, например, надо закупать своевременно во время продажи, бывающей, например, в Коймоновой по р. Куть, а прочие продукты во время ярмарки, то своевременное получение ямщины донельзя важно для крестьянина, между тем в 1866 году они не получали ее вот уже в течение 3 месяцев после срока, время покупки хлеба упущено, а подати между тем требуются.

Летом почтовая гоньба отбывается на лодках и в таком виде, что не оставляет желать ничего лучшего. Впрочем, говорят, что осенью это справедливо только для тех, кто носит фуражку с кокардой; с частными же проезжающими, особенно когда с приисков возвращается много служащих, проезд для едущих по частной подорожной очень и очень труден. Вы плывете в просторной лодке с будкою, подплывая к станции, вы уже видите на берегу готовых гребцов, и через несколько минут вы можете плыть дальше, но это только для тех, кто плывет вниз, назад же приходится возвращаться либо в лодке же, причем

вас очень медленно тянут конями на бечеве, либо верхом, что при громадности расстояний и неровности пути куда как неудобно. Плавание же вниз по реке на лодке очень удобно, все прилажено как следует, да и гребцы вполне привыкли к воде. Лена их истинная стихия; интересно видеть, с какой ловкостью мальчик 11–12 лет управляет лодкой, как хорошо он знает, где в мелководье пройдет лодка, а где нет, и как даже старики слушают его, или с какой ловкостью и силой гребут гребцы, когда почему-нибудь хотят поскорей добраться назад.

Для деревень, лежащих в окрестностях Киренска, есть, наконец, еще один заработок — доставка сена для тех, кто берет подряды на доставку его на промыслы. Эта статья немаловажная, так как сена доставляется очень много и на все промыслы Олекминской системы, но и тут крестьяне находятся в руках капиталистов, которые имеют дело с промыслами.

Наконец, мне остается сказать еще несколько слов о рыбном промысле. Хотя, казалось, Лена должна бы изобиловать рыбой, но тем не менее (по крайней мере, в верхнем

течении) ее добывают очень немного. Преимущественно добывается она с помощью заездов: перегораживается часть реки, заделывается плетнем и ставятся морды. Этот способ, страшно портящий реку, так как он способствует образованию мелей, очень распространен, и, может быть, благодаря ему вблизи деревень образуются мели и переливы. Затем употребляют невода (30 до 50 саженой длины), ряжи (более редкие невода) и крючья. Ниже Киренска ловят стерлядей, а ниже Витима нельму, выше же большей частью некрупную рыбу — налима, хариуса и т. п.

Спрашивается теперь, в каком положении находится население Лены, увеличивается оно или уменьшается? Конечно, все-таки увеличивается, бедность этому не мешает, а отсутствие рекрутского набора в Киренском округе способствует тому. Поэтому там, где в проезде Эрмана (1826) было 6–8 дворов, во время проезда Щукина (1841) было по 1217 дворов, теперь же по 15–25. Считая число дворов, я нашел, что там, где на протяжении 80 верст (в вершинах, выше Жигаловой) было в 1841 году 254 двора, теперь 286 дворов; в Ор-

ленгской волости вместо 310 дворов на протяжении 280 верст стало 400 дворов; в части Макаровской волости вместо 278 дворов на протяжении 180 верст стало 335 и т. д. Следовательно, население увеличилось в 25 лет, не знаю, насколько увеличились средства существования. Особенно увеличились некоторые большие села, занимающие выгодное относительно сплава положение.

Для того чтобы дать полное понятие о производительности ленской долины, нужно бы, во-первых, дать больше цифр, но официальные ненадежны, а для собирания неофициальных нужно больше времени, чем то, которым я располагаю; во-вторых, надо бы сказать о слюдяном промысле на Витиме, об извозничестве, но так как я пишу не статистическое обозрение долины Лены, то довольствуюсь этими беглыми заметками и полагаю, что они могут дать некоторое понятие о *великой* реке, а также показать, сколько мы имеем в Сибири, под боком у себя, неисследованного, о чем желательно бы иметь более точные сведения.

29 мая прибыли мы в с. Витимское, на

устье Витима, — небольшое село со множеством кабаков для обирания рабочих, возвращающихся с промыслов и служащее пребыванием нескольких лиц, торгующих всю жизнь с якутами и тунгусами; тунгусы уже бороздят Лену в берестяных лодках, в лицах русских виден якутский или тунгусский тип, — но, остановившись ненадолго, мы поплыли дальше до «резиденции» золотопромышленников Ленского товарищества, Крестовской, откуда я и пишу настоящее письмо.

Записки для чтения. — 1867. № 1, отд. 3, с. 1–16.

**Письма в Распорядительный
Комитет
Сибирского отделения Русского
Географического общества**

Милостивый государь, Борис Алексеевич [146].

Бывши в нынешнем году по поручению Сибирского отдела в экспедиции, снаряженной для отыскания скотопрогонного пути между Олекминским и Нерчинским округами, и зная, что многие интересуются ходом нашей экспедиции, я писал в Распорядительный Комитет 6 писем, в которых излагал ход наших занятий и набрасывал очерки той страны, по которой мы проезжали.

Эти письма не были напечатаны в свое время, но полагая, что читателям Вашей газеты небезынтересны будут те сведения, которые И. С. Поляков и я сообщили об этой малоизвестной стране, и не надеясь раньше как чрез несколько месяцев обработать привезенные нами материалы и составить подробный отчет, — я решаюсь послать Вам эти письма.

При этом я изложу сначала вкратце цель экспедиции.

В настоящее время золотые прииски Олекминской системы снабжаются скотом из Якутской области, преимущественно из Вилюйского округа. Так как этот скот проходит около 1000 верст по отвратительной таежной дороге, то обыкновенно он приходит на прииска в очень жалком виде, и мясо обходится довольно дорого. С другой стороны, попытка снабжать забайкальские прииски Баргузинского округа (по Витимкану, в окрестностях Баунта и т. д.) скотом, закупаемым в Агинской степи и отправляющимся из Читы, — оказалась вполне удачною. Мясо стало получаться дешевле и несравненно лучше. Это подало мысль о возможности снабжать и Олекминские прииска тем же скотом.

Между тем попытки золотопромышленников найти удобный скотопрогонный путь в Забайкалье были неудачны, например, Ленское товарищество снаряжало даже экспедицию, которая думала идти через Нечатку и Лемберт, но вожак бросил ее, не дойдя даже до Нечатки.

Поэтому гг. золотопромышленники, именно Ленское товарищество, Витимское товарищество К. Трапезникова, обратились в Сибирский отдел с предложением взять на себя исследование этого пути и пожертвовали для этой цели 1500 руб. Впоследствии эта сумма оказалась недостаточной, так как для одной перевозки экспедиции и припасов потребовалось бы около 30 лошадей, что стоило бы уже 1500 руб., кроме того, был приглашен в экспедицию читинский скотопромышленник г. Чистохин, который постоянно уже в течение нескольких лет гоняет скот на промыслы Баргузинского округа. Все вместе увеличило расходы, потребные на экспедицию, до суммы 5200 руб., от которой должно было остаться только около 35–40 лошадей и сбруя.

Сибирский отдел поручил эту экспедицию мне, прикомандировавши для ботанических и зоологических изысканий И. С. Полякова, — а для съемки Генеральный штаб назначил топографа г. Машинского.

Исходным пунктом гг. золотопромышленники избрали Тихонозадонский прииск на р. *Ныгри* (самый южный пункт), а конечным —

пространство между г. Читой и дер. Кайдаловой, где выходит скот из Агинской степи, сообразно с чем и была составлена смета.

Доставку экспедиции до Тихонозадонского прииска приняло на себя Ленское т-во, которое довезло нас до Крестовской резиденции на павозке, а оттуда до прииска на своих лошадях.

Вот вкратце цель экспедиции и общее направление пути, по которому она должна была идти. Подробности будут видны из писем.

Кн. Кропоткин.

Сибирский вестник. — № 20, 16 нояб.; № 22, 28 дек.

С Качуга, 12 мая 1866 г.

Вчера только я приехал в Качугу, откуда мы должны сесть на павозки и плыть вниз по Лене.

И. С. Поляков с топографом г-ном Машинским приехали сюда уже 7-го мая, и г. Поляков употребил это время на то, чтобы собрать несколько интересных заметок об ярмарке.

Ниже я буду говорить про них, а теперь изложу, чем снабжены мы для нашего путешествия.

Так как инструменты, выписанные для нашей поездки от г-на Брауера, не пришли еще 10 мая, то Сибирский отдел снабдил меня:

1) Шмалькадеровой буссолью работы John Mill. Ptrsb.

2) 3-мя термометрами, вывинченными из старых, имевшихся в Отделе барометров Г. Э. Люссака. (Хотя эти термометры были покрыты медным окислом на полмиллиметра, но мне удалось их отчистить, и теперь они годны к употреблению. Правда, серебро сошло со шкалы, но так как по сравнению, сде-

ланному мной с: одним хорошим термометром, предназначавшимся для Пекинской обсерватории, они оказались довольно верными (погрешность была не более 0,2 градуса), то на них можно будет положиться.)

3) Двумя призмами Волластона для снимания видов.

Кроме того, благодаря обязательному содействию А. Ф. Усольцева, я получил:

4) Один барометр Паррота работы Брауера, № 94, который благодаря счастливому случаю можно было в это время получить в Иркутске. К нему мне удалось достать у г-на Позынцева две стеклянные трубки, выбранные из трубок, предназначавшихся им для химических работ. Они довольно правильны, г-н Ломоносов имел любезность запаять их концы, и теперь они могут служить запасными барометрическими трубками.

5) Затем г-н Рухлов обязательно снабдил меня металлическим барометром Бурдона № 7862, предназначенным для комнаты, а потому — с бумажным циферблатом, разделенным на полулинии. Отправляясь в экспедицию, я имел намерение заpastись еще одним

барометром, чтобы оставить его на приисках Олекминской системы и просить живущего там доктора делать метеорологические наблюдения в течение лета.

Я рассчитывал, т. о., впоследствии отнести свои наблюдения к наблюдениям на приисках и в Нерчинском заводе, так как если отнести все наблюдения к стоянию барометра в Нерчинском заводе, то это могло бы повести к большим ошибкам при вычислении высот. Но другого барометра не было, а потому теперь я полагаю оставить на приисках металлический барометр, если только он окажется согласным с ртутным, и отправиться с одним барометром, что с двумя запасными трубками не совсем будет удобно.

Из денег, отпущенных на инструменты, куплены, кроме того, хорошие серебряные часы Тобиаса, необходимые для производства глазомерной съемки.

Кроме того, я имею: 6) Свой термометр работы Вестберга, выверенный мною в Петербурге, и 7) горный компас, которым обязательно снабдил меня г. Эйхвальд. Г. Машинский снабжен из Генерального штаба:

1) Шмалькадеровой буссолью работы Белау,

2) Шагомером.

Г. Поляков снабжен пропускной бумагой для сушки растений и, кроме того, запаса дробовиком и приборами для препарирования чучел, а также приборами для ловли и собирания насекомых.

Впрочем, до настоящего времени стоят такие холода, что насекомых положительно не видно никаких, трава же показалась во время теплых дней и на том и остановилась.

При выезде из Иркутска, на нижнем скате той плоской возвышенности, по которой идет дорога в Качугу, еще видна была какая-нибудь зелень. Березы распускались, трава кое-где зеленела (10 мая), но сильный с.-з. ветер гнал снеговые тучи, обсыпал все крупую и снегом и заставил ямщиков надевать дохи, здесь же, равно как и на возвышенности между Качугой и Иркутском, видны только признаки травы, и г. Поляков принужден ограничиваться одной охотой за птицами, которые водятся в окрестностях Качуги. Он уже препарировал около полутора десятка таких чучел.

Первые же два дня своего пребывания в Качуге он посвятил ярмарке, и я воспользуюсь отрывками из его дневника, чтобы сказать о ней несколько слов.

Слово «ярмарка», конечно, слишком звучно для обозначения скопления из 40–50 лавчонок, разбросанных на лугу против Качуги на берегу Лены. Купцы, отправляющиеся в Якутский край, который снабжается отсюда и хлебом, и всяким товаром, перед отъездом своим продают с павозков или в лавчонках всякие товары, нужные окрестным жителям, преимущественно бурятам. Вот главное основание и причина происхождения этой ярмарки. Туземных местных произведений вы не встретите, — потому что нельзя же назвать торговлей туземными произведениями продажу съестных припасов, сена, мяса, хлеба, яичницы с икрой, молока, десятка бочонков и еще каких-нибудь мелочей — всё в микроскопическом количестве. Красные товары, всякая мелочь, нужная в обыденном быту бурят, начиная от чая, чашек, ложек, гвоздей, свинца, мыла и еще проч. и кончая сахаром, — и наконец, вина (9 лавок из 50-ти) — вот глав-

ные предметы торговли. Так как собирается довольно много бурят, то кроме купцов, управляющих свои павозки с товаром вниз по Лене, наезжают и иркутские купцы с красным товаром и всякими мелочами.

Теперь ярмарка уже кончается, товары складываются, и буряты разъезжаются. Ярмарка интересна тем, что на ней собирается множество бурят, и она могла бы дать интересный материал для антропологических исследований, тем более, что много есть интересных особей, представляющих продукты помеси русского племени с бурятским. Для внешнего, более поверхностного наблюдения бросается в глаза странная смесь костюмов бурятских с русскими. Я не видал, по крайней мере, ни одной чисто бурятской народной одежды. Мужчины носят русские армяки, сапоги, шапки, женщины же представляют самую смешную смесь одежд. Вы видите перед собой, по-видимому, мужчину, только маленький рост да подчас нежности пьяного бурята заставляют вас подумать, не женщина ли это. Действительно, оказывается женщина. Вы видите перед собой субъект низкого

роста (сравнительно с остальными бурятами, которые, в свою очередь, низкого роста сравнительно с русскими), одетый в армяк, штаны плисовые, подчас и кожаные, на голове мужская пуховая шляпа, иногда обложенная пунцовою лентой, или с шелковой кистью, из-под громадного шерстяного платка, которым обмотана шея и большая часть нижней половины лица, вы разглядываете 2 косы с заплетенными в низ серебряными монетами; из-под платка (шали, как зовут его в Сибири) выпущен иногда другой шелковый платок, конечно, ярких цветов, удивление ваше увеличивается, иногда на руках еще перчатки.

Толкающаяся перед лавками толпа оживляется иногда драками, руганью и т. п. ярмарочными и неярмарочными сценами.

Холод, отсутствие травы, недостаток сена, которое продается по 40–50 коп, за пуд, дороговизна хлеба (не меньше рубля), овса (рубли за пуд) — всё это ускоряет окончание ярмарки. Пора бы и павозкам тронуться, но в Лене решительно нет воды, во многих местах бродят через реку. Вообще эта громадная река тут, в Качуге, так ничтожна, что решительно

удивляешься, видя ее в первый раз. Отсутствие воды немного и нас задерживает, но сегодня принялись устраивать небольшой павозок без груза, на котором мы и отправимся завтра или послезавтра, чтобы плыть до Крестовской (50 верст ниже устья Витима), и отсюда проедем сухим путем на Тихоно-Задонский прииск, откуда должны тронуться в дальнейший путь.

Так как нам придется плыть по Лене почти не останавливаясь, очень редко бывать на берегу, то не ждите от нас сколько-нибудь обстоятельного обзора Лены, — мы должны будем ограничиться самым поверхностным обзором по большей части с павозка.

Что же до дальнейшего хода наших занятий, то я не излагаю Вам никаких предположений, — не пишу даже про предполагаемое направление нашего пути, так как все это может подвергнуться многим и многим изменениям. Более же верные сведения сообщу вам из Крестовской или с приисков.

[Крестовская, 4 июня 1866 г.]

15 мая мы отправились вниз по Лене на павозке Ленского товарищества. Вода была так мала, что ни одна барка не могла тронуться, но на пустом павозке надеялись пройти хоть сколько-нибудь до прибыли воды. Но на Лене было такое мелководье, что и с пустым павозком мы постоянно садились на мель и делали иногда по 20, 25 верст в день. Такое мелководье для И. С. Полякова и меня было, впрочем, довольно удобно, так как оно давало нам возможность во время остановок съезжать на берег и хоть поверхностно знакомиться с вершинами Лены.

Так шли мы до *Козловой*. Начавшиеся в это время тепло и дожди подняли воду в Лене, и отсюда мы шли, уже почти не садясь на мель, тем более, что ниже у[стья] речки *Тутуры* прибавилась еще вода и из этой последней.

Имея поручение по делам службы в Усть-Кутском солеваренном заводе и не желая задерживать павозок, я отправился 22-го утром из *Жигаловой* на лодке. Так проплыл я до

Усть-Кута, нигде не останавливаясь и выходя на берег только затем, чтобы переменить гребцов. Понятно, что тут даже и поверхностный обзор долины Лены и тот не был возможен. В это время И. С. Поляков плыл на павозке, и так как по сильно прибывающей воде павозок плыл очень скоро, то нечего было и думать делать экскурсии на берег. Павозок пришел в *Усть-Кут* позже меня и, как мы решили раньше, отправился дальше. Я же, кончивши дела в *Усть-Куте*, догонял его на лодке и догнал недалеко от *Киренска*.

Отсюда мы плыли так же быстро, и нам удалось только несколько раз съездить на берег, побыть там с $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ часа и снова догонять павозок.

Таким образом, вы, конечно, не ждите от нас сколько-нибудь обстоятельного обзора долины Лены, а только — несколько поверхностных замечаний как в геогностическом, так в ботаническом и геологическом отношениях.

В верхних своих частях Лена, как вам известно, промыла глубокое, узкое русло среди довольно ровной, изрытой только размыв-

ным действием вод страны, состоящей из горизонтальных слоев красного песчаника. Куда следует отнести эту формацию, к древнему или к новому красному песчанику — не знаю. Все мои старания найти какие-либо ископаемые были совершенно тщетны, впрочем, при редкости вообще ископаемых в этой формации, где и самые следы их часто окончательно уничтожены, — при возможности осмотреть лишь очень небольшое пространство обнажений было бы только счастливой случайностью, если бы и удалось найти их. Многочисленные следы волноприбойных знаков (ripple marks), правда, подавали надежду найти хотя какие-либо отпечатки следов, но при трудности добывания этих плит просто из обнажений горизонтальных пластов песчаника, перемежающегося с затверделыми сланцеватыми, бурыми глинами, — я тратил по несколько часов (в дер. Козловой) для того, чтобы выломать несколько квадратных метров этих плит, не находя, впрочем, отпечатков. Позже я сообщу несколько подробностей относительно характера напластований, спайности и т. д. В *Козловой* же я узнал, что с

год тому назад при копании могилы недалеко было найдено 3 зуба каких-то «допотопных» животных. На другой день, хотя павозок уже отчалил, я отправился на то место, где были найдены эти зубы. Тут в пади одной небольшой речки действительно есть толща около 10 метров аллювиального постплиоценового наноса, состоящая из слоев иловатой глины попеременно с редкими тонкими пластами мелкой гальки и изобилующая ныне живущими раковинами *Helix Plebium* и одной маленькой из рода *Vulimus* (?), в этих наносах на глубине около 2½ арш. были найдены 3 зуба одного из вымерших видов какого-то млекопитающего. Ниже мне случалось наблюдать ту же формацию, в которой я нашел челюсть какого-то маленького грызуна. Впрочем, судя по найденным в ней раковинам, мне кажется, будет основание предположить, что она не настолько древняя, как та, которую я наблюдал в дер. *Козловой*. Вообще постплиоценовая формация, по-видимому, значительно распространена в долине Лены, так как из распросов я узнал, что во многих местах, в ярах находили кости допотопных, как выражают-

ся крестьяне, животных[147], только всё это уничтожилось, зубы же мамонта проданы.

Ниже Кокуйска, как известно, начинаются залегающие под красным песчаником известняки. Описавши несколько крупных излучин, Лена выходит из узкой долины, где она текла часто между двух отвесных утесов красного песчаника, и значительно расширяется. Известняки, удобнее уступающие размывам и выветриванию, отступают, оставляя более открытых мест; — образуются острова, видны более широкие пади. Там и сям белеют яркие желтоватые стены либо твердого известковистого песчаника, либо рухляков, либо, наконец, чистых известняков, окрашенных то бурыми натеками железных окислов, то зеленоватыми пятнами углекислой меди. Их более мягкие пласты идут волнообразно либо изогнуты, искривлены (*contournes*), а из щелей сочатся иногда минеральные ключи. К какой формации принадлежат эти известняки, я тоже не только не знаю, но и не могу даже представить материалов для решения вопроса. Всего два раза на 10 минут удалось мне осматривать эти известняки.

Ниже, между *Курейском* и *Паршиною*, я ездил к речке *Усолке*, впадающей в Лену с правой стороны. Вблизи устья ее, равно как и на несколько верст выше, вытекают из известняков соленые ключи с довольно сильным серным запахом, по-видимому, просачивающиеся сквозь пласты каменной соли и гипса. Оттого вода в *Усолке* очень солонa, и местные жители добывают из нее соль простым выпариванием. Я успел только пройти с версту вверх по речке, намереваясь внимательно осмотреть обнажения известняков в нескольких стах саженей ниже устья речки, но павозок так далеко уплыл, что мы едва догнали его. Так же поверхностно осмотрел я и серные ключи, вытекающие из трещин в известняках, получающие серный вкус, может быть, от разложения слоев гипсов, которые должны быть где-нибудь внутри гор. На поверхности виден только несколько кристаллический известняк темно-коричневого цвета, вонючий, на котором отлагается сернистый налет.

Теперь в *Крестовке* мы уже находимся в стране твердых кристаллических метаморфизованных известняков.

Оставляя пока в стороне те немногие заметки об населении ленской долины, которые мне удалось сделать на пути, перехожу к занятиям И. С. Полякова.

Обрисовать отчетливо характер флоры долины Лены, говорит И. С. Поляков, нечего было нам и думать, во-первых, вследствие кратковременности нашего там пребывания, по обширности ее и ничтожному количеству экскурсий, которые удалось нам сделать, а во-вторых, потому что мы плыли по Лене в такое время, когда растительность начинала только развиваться, вследствие чего изучение травянистых растений должно было ограничиться только нахождением нескольких видов из родов *Pulsatilla*, *Adonis*, *Viola*, *Primula* и *Chrysanthemum*. Наконец, и количество виденных нами луговых пространств очень незначительно, особенно в среднем течении Лены; зелень на них невелика и однообразна, а в тайге вы встретите еще большее однообразие: пади покрыты местами непрерывным покровом мха, и только в сырых местах можно заметить нераспустившиеся виды из *Puzolaciae* и *Convallariaceae*. Что же до древес-

ной и кустарной растительности, то она вообще мало отличается от иркутской и вообще прибайкальской: все виды деревьев и кустарников, растущие около Иркутска, растут и в Качуге, около Верхоленска и Киренска, за исключением яблони. Она не встречается на Лене, зато *Lanicera tatarica*, которую нам не доводилось видеть в окрестности Иркутска, встречается на Лене в большом изобилии.

Но если мы не заметили большой разницы в количестве древесных видов, растущих вблизи Иркутска и на Лене, зато встретили очень заметную разницу во время листо-распускания и цветения. В Иркутске *Rhododendron daurcium* цвели и листья его развились уже 30 апреля, между тем как в Качуге уже 10 мая мы нашли его с мало распутившимися цветочными почками, и только 17 мая около Верхоленска мы видели его распутившимся. На *Prunus radus* в Иркутске уже 2 мая значительно развились листья, между тем как в Качуге 8 мая только начали лопаться листовые почки, и лишь 20 мая около дер. *Козловой* мы нашли несколько начавших цвести кустов. Здесь, в *Крестовской*, она

до настоящего времени еще не начинала цвести. То же самое заметили и относительно *Larix Sibirica*, *Alnaster Viridis* и прочих деревьев и кустарников.

В зоологическом отношении мы должны были ограничиться только птицами, которых собрано до 20 экземпляров из наиболее часто встречающихся родов *Emberiza*, *Silvia* и *Scolora*, а также и из родов *Parus*, *Falco*, *Picus*. Что же до млекопитающих, то о них пришлось ограничиться только расспросами у крестьян, где к тому представлялась возможность.

Более подробный отчет обо всем этом будет предоставлен нами отделу по возвращении в Иркутск.

Теперь перейду я к нашим предположениям об дальнейшем ходе экспедиции; пробывши здесь еще несколько дней для приведения в порядок и приготовления кое-чего нужного для экспедиции, мы отправимся на Тихоно-задонский прииск на р. Ныгри, притоке Вачи (приток Чары). Там окончательно снарядится экспедиция, и оттуда отправимся к югу. В настоящее время кони уже пригнаны сюда

и, поправившись несколько, будут перегнаны на прииск. Вообще, мы не думаем тронуться с Тихоно-задонского прииска раньше самых последних чисел июня или первых июля, так как вследствие поздней весны раньше нечего и думать найти в гольцах порядочные корма, — напомним только, что экспедиция, ходившая от компаний к вершинам Нечатки, 7 июля не нашла под гольцами сколько-нибудь сносных кормов, которые были найдены на тех же местах только 20 июля.

Надеюсь, впрочем, что время, которое мы проживем на приисках, не пропадет у нас даром, так как эта местность, по-видимому, довольно интересна во всех отношениях.

Зная об трудностях, встреченных членами Сибирской экспедиции, когда они старались найти сообщение между Олекминским краем и Забайкальем, я начинал терять надежду на то, чтобы экспедиция могла выполнить свое назначение. Вы знаете, что первоначально мы имели в виду направиться следующим образом, как предполагали гг. золотопромышленники в бумаге Сибирскому отделу: именно с Тихоно-задонского прииска идти к ю. —

в., на плоскогорье р. *Чары*, к озерам *Лемберми* и *Куськемдэ* через озеро *Нечатку* и вершину р. *Авсата*. На плоскогории *Чары* у живущего там якута можно было бы разузнать про вожаков и при его содействии разыскать вожаков для дальнейшего пути; этот путь, полагая, лучше всего лежит по р. *Куянде* на устье *Муи* и оттуда к устью *Ципы*, откуда уже есть сообщение с *Забайкальем*. Сообразно с этим было написано на промыслы и г. *Олекминскому* земскому исправнику с просьбой о приискании вожаков. Такие два вожака на озеро *Нечатку* уже найдены на промыслах, далее же придется искать вожаков с *Нечатки* до *Лемберми* и т. д.

Но в *Иркутске* же *М. В. Рухлов* сообщил мне карточку, начерченную им по расспросам тунгуса *Максимова*, который указывал другой путь, именно от устья *Энгажимо* (*Янкажимо* на карте г. *Шварца*), правого притока *Витима*, впадающего выше *Бодобой* (*Подойво*) верстах в 100; отсюда по *Витиму* до устья *Бутуи*, далее между р. *Бутук* и *Ныгри* через *Неринкан* до *Чаянды*, по *Чаянде* через хребет на *Сигильтэ* (приток в вершине *Мал. Мамы*),

по р. *Качу* (приток в вершине Бол. Мамы, по самой *Маме* несколько верст и оттуда через хребет на *Мую*. От *Муи* через *Тулуну* (*Тулунни*?) *Россоха* на *Бумбуйко*, откуда выходить в *Нерчинск* в 15 дней[148]. *Максимов* говорил, что дорога хороша, проехать можно с вьюками и скотом, и сам *Максимов* проходил по ней несколько раз. На карточке отмечены взаимные расстояния в верстах, и сумма этих расстояний так мало разнится с тем, что выходит по карте г. *Шварца* (30–40 верст на 300-верстное расстояние), что поневоле является доверие к этой карточке.

Здесь, в *Крестовской*, мы узнали от одного из торгующих здесь крестьян, который уже 24 года торгует по *Витиму* с тунгусами и якутами, сам бывал на *Озерне* (зимою) и т. д., что тунгусы знают еще другой путь на устье *Муи*. Они ходят от *Бодойбо* по *Мамукану* (*Малая Мама*) или по *Мысаху* (*Бисах*) через хребет на устье *Муи*. Отсюда, говорят, есть возможность иметь хорошие корма и идти если не берегом *Витима*, то обходя утесы вплоть до устья *Цилы*. Теперь этот путь несколько заброшен, так как тунгусы приблизились к золотым про-

мыслам, но могут найтись люди, которые его хорошо знают.

Этот крестьянин, И. Г. Авдеев, отправляется на днях на устье Бодайбо, где и постарается поискать вожаков, которые взяли бы вывести нас на устье Муи[149]. Если ему удастся это сделать, то есть надежда, что экспедиции представится возможность пройти главные хребты, выбраться на Бумбуйко, откуда, я полагаю, не будет большого труда дойти до Нерчинского округа. Полагая, что этот путь будет удобнее, я еще в Иркутске думал отправиться этим путем, а потому еще во время своей болезни в Иркутске, т. е. на Пасху или Фоминой неделе, послал г-ну Усольцеву мною написанную черновую бумагу к Киренскому и Баргузинскому исправникам с просьбой оказать содействие экспедиции (я лежал в постели и писал карандашом). Но так как, видевшись в Киренске с г-ном исправником, я узнал, что он ничего не получал из Сибирского отдела и впервые от меня узнал об экспедиции, то я прошу Распорядительный Комитет сделать запрос г-ну правителю дел отдела или его помощнику, как могло случиться, что кирен-

ский исправник не получил этой бумаги даже во время моего проезда через Киренск, т. е. около 20 мая?[150]

Вчера получена здесь почта, вышедшая из Иркутска 21 мая и привезшая нам московские газеты от *17 апреля*. Неужели до настоящего времени не получены инструменты от г. Брауера? Право, непонятно! Так как теперь я уже более не надеюсь получить инструментов, то придется, вероятно, идти с термометрами, вывинченными из старых барометров, и одним барометром с двумя запасными трубками, запаянными в Иркутске! Металлический барометр и 1 термометр я оставляю на Вознесенском прииске, где думаю устроить метеорологическую станцию, и останусь при 2-х термометрах с делениями в 1,3 миллиметра на градус, из которых у одного еще и ртуть постоянно разрывается.

Что же до моего собственного термометра Westberd № 59, то 29 мая он разбит. Мы ездили с И. С. Поляковым на берег к серным ключам, когда полил страшный ливень. Крыша павозка сильно протекла над моим столом, а потому бывшие на павозке принялись соби-

рать всё со стола. Когда мы вернулись, то нашли термометр — единственный порядочный, имевшийся у нас, — с разбитой трубкой.

Особенно ощутителен недостаток *minimum* термометра. Вы знаете, какое резкое различие представляют температуры дня и ночи, между тем в 6 часов солнце уже так высоко и так успевает нагреть землю, что мы не имеем никакого понятия о температуре ночью, можем только в общих словах сказать, был ли мороз или нет.

Вчера г. Машинский определил, графически, положение истинного меридиана, которое я просил его сделать для определения склонения магнитной стрелки и для поверки наших часов. Меридиан определен очень точно, насколько этого можно желать от графического способа, ряд наблюдений, сделанных с 8 часов утра до 4 вечера, дал в высшей степени близкие результаты; но нельзя того же сказать о наших буссолях. Буссоль, данная г. Машинскому из Генерального штаба, показывает склонение восточное в 3° , буссоль Сибирского отдела — западное в 2° , как видите, разногласие немалое. Хотя вообще трудно

точно определить склонение без ориентир-буссоли с буссолью Шмалькальдера, не имея алидады, но эта разность в показаниях буссолей зависит не от этого; направленные на одну и ту же точку, они дают различные показания. Но это бы еще ничего, ибо можно было бы предположить, что стрелка буссоли Сибирского отдела, как давно намагниченная, замагнитилась, — скверно то, что даже буссоль Генерального штаба плохо намагничена: качания стрелки очень нерешительны и, несколько раз направленная на одну и ту же точку, она дает результаты, разнящиеся на 2 и 3°. С нетерпением жду следующей почты, авось получатся инструменты от Бауера, если получатся, то их перешлют мне на прииск.

Сибирский вестник. — 1866. — № 22, 28 дек.

26 июня 1866 г., Тихонозадонский прииск
на р. Ныгри

С 12 июня мы находимся в долине *Ныгри*, притока *Вачи*[151], на Тихоно-задонском прииске Ленского товарищества. На днях пришли кони, предназначенные под экспедицию, находившиеся на Крестовской резиденции, и через несколько дней мы отправляемся в путь. Но прежде всего я вам скажу несколько слов о наших занятиях на пути до приисков и на приисках.

От Крестовской резиденции до Тихонозадонского прииска мы проехали 8 дней, сделавши в это время около 250 верст, так как ехать тише было бы неудобно по многим причинам: пришлось бы отнимать и задерживать лишних людей и лошадей у Ленского товарищества, взявшего на свой счет перевозку экспедиции до приисков, съемка же, сделанная по поручению Ленского товарищества чертежником Жаровым, была сделана, как говорили нам, довольно тщательно и с промером, то я решился не делать съемки на этом

протяжении, а проехать его наскоро. При этом имел в виду, что наша съемка от Тихоно-задонского прииска пересечет Витим в его низовьях и свяжется либо с каким-нибудь из астрономических пунктов г-на Шварца на Витиме, либо с его съемкою.

Впоследствии я отчасти пожалел, что мы не имеем более точной съемки этой местности, потому что хотя относительные расстояния на съемке г. Жарова и довольно верны (как я убедился, постоянно имея карту под рукой во время пути), но желательно было бы иметь съемку более подробную и более отчетливую в подробностях.

Вы, конечно, не будете ждать от нас обстоятельного и сколько-нибудь подробного описания местности от Крестовки до приисков: все замечания, сделанные на пути, будут более подробно изложены впоследствии, теперь же скажу только, что, удалясь от Лены, вы скоро вступаете в глухое лесистое предгорье, известняки постепенно становятся более и более кристаллическими, а потом скоро исчезают, сменяясь метаморфическими сланцами, преимущественно глинистыми гнейсами

и гранитами. С этим вместе постепенно меняется и весь характер страны, покатоности становятся круче, пади глубже, речки быстрее несутся и ворочают большие камни, там и сям выступают отроги хребтов, забирающиеся за пределы вертикального распространения древесной растительности. Наивысшие точки мы встретили в вершинах рек *Кололи* и *Тоноды*; они образуют как бы часть цепи, идущей с ю.-з. на с.-в., высокий гребень которой еще белеет снегами, впрочем, вообще эти горы не поднимаются высоко; переезжая гольцы, если не самые высокие, но зато превосходимые немногими частями другого гребня и немногими отдельными точками, я нашел их всех приблизительно равными, около 1450 м (около 4800 ф.). Только один гранитный голец Топторго, как бы центр местного поднятия, возвышался еще метров на 300 над этими гольцами, но он составлял исключение, другие же вершины были почти все одинаковой вышины и не высоко поднимались над общим уровнем горной страны.

Но и в этих гольцах вы не видите ни зубчатых вершин, ни каменистых гребней и т. п.,

напротив того, вершины гольцов сглажены, округлены, как будто по циркулю вычерчены их контуры. Привыкнувши видеть на поверхности гольдов, особенно гранитных или гнейсовых, множество обломков разрушающейся породы, поросших исключительно мхом, я был удивлен, найдя здесь совершенно гладкие поверхности, по которым свободно можно ехать рысью: это не ряд скал, а ряды волнообразно лежащих гор, усыпанных мелкими кварцевыми зернами и разрушающимся полевым шпатом, покрытых порядочным шоссе, где только местами есть пространства, усыпанные небольшими камнями. Только там, где выступают глинистые сланцы, можно еще встретить выходы на поверхность почти вертикально падающих пластов, и склоны их усыпаны большими обломками, но и тут часто вершины совершенно как бы сглажены.

Относительно растительности этой местности, говорит И. С. Поляков, она характеризуется *Pinus cembra* var. *pumilla*, *Betula nana*, *Salix depressa*, видами из родов *Rhododendron*, *Andromeda*, *Vaccinium*, из споровых — видами

мхов и ягелей из родов *Politrichum*, *Sphagnum*, *Cntraria*, из которых виды последних двух родов известны здесь под именем оленьего мха. Лугов в истинном смысле слова нет, а потому в кормовых травах, в злаках здесь страшная бедность, и у местных жителей хорошей кормовой травой считается один из растущих здесь видов *Equisetum*. Но если в злаках здесь чувствуется в этой местности такой недостаток, а в оленьем ягеле большое изобилие, то естественно, что северный олень и кабарга, питающиеся почти исключительно этими растениями, относятся к господствующим животным; олень же находится здесь как в диком, так и в прирученном состоянии. Вообще однообразие в растительности, особенно в пунктах сколько-нибудь возвышенных, порождает однообразие в птицах и зверях. В частности же долины некоторых речек представляют иногда оригинальные явления, так например, долина р. *Хомолхо*, где среди многих других растений мне довелось найти растущую в большом количестве *Saragana jubata*.

Шестидесятый градус широты на Азиатском материке, при высоте от 600 до 900 мет-

ров и более, дает себя заметить в громадных наледях, накопляющихся по некоторым речкам, например, *Кадали*, *Ныйгри* и др., простираясь во всю ширину пади, они тянутся иногда на несколько верст при средней толщине от 1,8 до 2 метров (от 5,9 до 7 ф.) и доходят местами до 2,5 м (8,2 ф.). Вспомнив при этом, что на *Ныгри*, например, от наледи в 4,8 м едва осталось теперь 1,4 м, мы должны будем принять, что наледи к концу зимы достигают громадной толщины — до 9 м, и это на протяжении 6–8 кв. верст, даже и более, если не принимать в расчет небольших перерывов, успевших образоваться к началу июня.

По всему этому пространству мы не встретили никакого населения, кроме зимовщиков на зимовьях Ленского товарищества, зимою посещаемых чрезвычайно смелыми медведями. Тунгусы либо удалились, оттесняемые приисками, их жизнью и заведениями, либо принуждены были окончательно изменить свой образ жизни и род занятий и поселились ближе к приискам. Прежде, при открытии приисков, эта тайга изобиловала зверем, не говорю уже об диких северных оленях, но

и соболя, и белки водилось множество; шум, рубка леса, прокладывание дорог, вырубка больших пространств, разъезды — всё это было причиной удаления зверя. Вместе с этим прииска дали новые заработки тунгусам, теперь они возят сено, на доставку которого заключают подряды, перевозят зимой на оленях тяжести, нанимаются вожаками. Если бы всё это распространилось равномернее между тунгусами, то, быть может, оно вполне бы заменило звериный промысел, но, к сожалению, оно не так. Чтобы обеспечить себе доставку определенного количества сена, золотопромышленники заключают подряды с одним тунгусом, а тот, в свою очередь, раздает работу другим, причем, как везде, ему достается львиная часть дохода, прочие же остаются батраками. Т. е. одни богатеют, обзаводятся домом, всеми принадлежностями русского быта, другие остаются в том же жалком положении, худшем еще потому, что теперь находятся в зависимости от отдельных личностей.

Впрочем, оставляя этот предмет, об котором подробнее буду говорить впоследствии, когда лучше познакомлюсь с тунгусами, буду

продолжать далее.

Дорогой нам часто подолгу приходилось ехать тайгой, обнажений не видно, отлучаться же в сторону версты за две при густоте леса почти невозможно, а потому трудно составить себе понятие, какие породы залегают на этих пространствах. Часто для определения залегающей в данной местности породы приходилось пользоваться россыпями, которые если и дают понятие об том, из чего состоит данный кряж, зато не дают никакого понятия о взаимном расположении частей. Впрочем, я полагаю, что удастся составить петрографическую карту проеханной нами местности, не очень подробную и не лишенную пробелов.

Время, проведенное на Тихоно-Задонском прииске, я посвятил на изучение аллувия и разысканию возможных следов ледникового периода, вопрос, на который снова навело меня несколько явлений, тем более, что отсутствие следов ледникового периода в северо-восточной Азии всегда казалось мне довольно странной аномалией. Но хотя я и собирал все относившиеся до этого вопроса данные, тем не менее я все-таки не мог прийти ни

до какого положительного, определенного результата. Впрочем, я полагаю, что вам вообще не безынтересно будет выслушать беглый обзор фактов.

Во время наших переездов мы поднимались на довольно высокие гольцы, спускались в глубокие, разделяющие их пади, и я нигде не видел явных следов ледников. Правда, поверхности этих гольцов совершенно округлены, сглажены, а выходов на поверхность гранитов или гнейсов, на которых могли бы сохраниться следы ледников, и не видно даже, но где же делись бы морены, если бы они были отложены ледниками? Сколько я ни вглядывался, я нигде не нашел их, а трудно предположить, чтобы все морены непременно были смыты реками. Если есть на гольцах какое-либо указание на следы ледников, то это выбоины в виде котлов глубиною до 3 дециметров и около 0,5 м в диаметре, попадающиеся в довольно твердых гнейсах, но опять, с другой стороны, размеры их слишком ничтожны.

В других местах заставляли задуматься размеры, формы и положение некоторых ва-

лунов. Например, в одной узкой пади около 35–40 м на совершенно пологой покатости, менее 5° , я видел небольшой гранитный валун в 2,8 м, 1,1 м и 0,9 м [152], лежащий на округленном гнейсе, теперь едва выступающим из-под мха; ручей, сочащийся на дне долины менее 1 м шириною, принимая даже в расчет наводнения; трудно верится, чтобы ручей, *промывший такую узкую падь*, мог когда-либо двигать такие валуны. Далее, в долине Ныгри особенно обращает на себя внимание валун из кремнистого сланца длиной в 5,6 м (18,5 ф.). Теперь он уже распался на несколько частей, лежащих тут же, а прежде был еще больше. Конечно, наледи могут служить средством передвижения валунов, хотя и весьма плохим, но само собою, не таких больших, потому что льдина, отломавшаяся от наледи, среди которой сидит камень, все-таки должна быть поднята водою, чтобы передвинуть валун, а для этого нужна глубина, которой Ныгри не могла иметь, судя по ее наносам, которые мы видим в 10 верстах ниже, в разрезе Тихоно-Задонского прииска.

В золотоносном пласте этого последнего

прииска, преимущественно в нижних частях, ближе к породе, из которой состоят склоны гор (глинистый сланец), попадаются валуны до 3,66 куб. м (130 куб. ф.) и более, состоящие из гранита, валуна, метаморфических глинистых сланцев и известняков, лежащих как бы прямою бороздою вдоль разреза; у некоторых из них углы совершенно округлены, у других же сохранились одна или две плоскости, совершенно гладкие, плоские, покрытые параллельными бороздами до 0,3 м (0,5 ф.) дл[ины], а иные и до 0,5 (20 дюймов). Так как валуны были уже раньше обнажены при выработке пласта, во время же теперь производимых работ не было обнажено подобных валунов, то я скорее готов приписать эти борозды посторонним причинам, кайле рабочего и т. п., хотя вы согласитесь, конечно, что трудно сделать кайлою совершенно прямую борозду в 0,5 м и даже в 0,3 м, а еще труднее провести десяток совершенно параллельных борозд. Во всяком случае, я искал более убедительных фактов.

На *Сергиевском* прииске (по р. Хомолхо) я был удивлен, найдя тут обилие больших кам-

ней, имеющих одну или две поверхности как бы отполированные, исцарапанные и изборожденные (это были преимущественно черные мелкокристаллические известняки и глинистые сланцы с слегка округленными углами). Но так как эти камни я нашел в отвале, осмотреть же формации прииска подробнее не имел времени[153], то я не придавал этим царапинам большого значения, приписывая их каким-либо случайным причинам, требующим еще более внимательного исследования. Тогда мне указали на один валун из серого известника с несколько округленными углами, но с одной отполированной поверхностью, покрытой прямыми параллельными бороздами глубиною и шириною около 1,5 и 2 миллиметров и длиною до 0,2 м (8 дюймов). Этот камень никем еще не был тронут, так как он не был обнажен при обрезке борта разреза, а обнажился только вследствие размыва одного ручейка, образовавшегося среди построек. Нижняя его поверхность была еще не отшлифована, но — совершенно гладкая и покрыта бороздами. Вообще замечу, что борозды, попадающиеся на валунах, бывают боль-

шей частью все параллельны, на одном только все борозды — числом более 20 штук — имеют 3 определенных направления, пересекающихся под наибольшими углами 20° и 40° , но нигде нет двух взаимно перпендикулярных борозд. «Не есть ли это следы сдвигов, — думал я. — Едва ли, так как борозды бывают на плоскостях, пересекающихся под различными углами, и даже в таком случае следуют одному общему направлению».

Указывая на эти факты, которые, может статься, могут быть истолкованы и помимо действия ледников, я все-таки полагаю, что на них следовало бы обратить побольше внимания. Впоследствии я буду подробнее говорить об этом предмете и сообщу несколько объяснительных рисунков.

Кроме Тихонозадонского прииска я осмотрел также соседние Прииски Ленского товарищества по *Ныгри* и *Безымянке*, а также побывал на приисках Вознесенском, Успенском и Сергиевском на р. *Хомолхо*. Успенский прииск особенно интересен потому, что работы ведутся в нем на высоте 172 (82 саж.) над уровнем р. *Хомолхо*, в горе, из россыпи, обра-

зовавшейся от разрушения глинистого сланца, в котором находится золото, образуя род сплошного теста с составными частями глинистого сланца.

И. С. Поляков занимался охотой и приготовлением чучел из попадающихся здесь видов из родов *Turdus*, *Picus*, *Motacilla*, *Emberiza*, *Sylvia* и частью *Perrhula*. Чучел ему удалось приготовить до 25 шт. и засушить до 65 видов растений.

Съездивши на Вознесенский прииск, я попросил живущего там доктора К. А. Эйсмонта взять на себя вести в течение лета метеорологический журнал; он охотно взял на себя этот труд, так что во время нашего пути (до конца августа) будет наблюдаться высота барометра, к которой можно будет отнести мои наблюдения во время пути. Тут же я нашел очень ценный материал — журнал, веденный с сентября 1858 г. по настоящее время г-ном управляющим этими приисками М. С. Игнатьевым. Г. Игнатьев записывал три раза в день: утром в 5-м или 6-м часу, в полдень и вечером в 8-м часу показания спиртового термометра, а также состояние атмосферы[154].

Это, конечно, весьма полезный материал, особенно при недостатке сведений о стране от Киренска до Якутска. К сожалению, наблюдения г. Игнатьева не дают никакого понятия о направлении ветра, так как ветер на прииске не дает никакого понятия о действительном направлении ветра; на Хомолхо только и есть 2 ветра — верховой и низовой, и эти два ветра дуют постоянно[155].

На днях я условился с жожаками, и 30 июня мы отправляемся в путь. Так как крестьянин Авдеев, который должен был искать жожаков на Витиме, еще не приехал туда, киренскому же исправнику не было послано из Сибирского отдела просьбы заблаговременно приискать жожаков, то мы обратились к одному тунгусу Константинову (Кудрин тож) с тем, чтобы он приискал нам жожака, знающего путь от *Витима* до *Бомбуйко*. Кудрин привез с собой одного жожака, знающего путь на устье *Муи*. Не доверяя вполне этому жожаку, зная же, напротив того, что Кудрин — такой человек, на которого вполне можно положиться, я стал расспрашивать самого Кудрина, и оказалось, что он сам лучше другого во-

жака знает этот путь. Нам удалось уговорить его идти с нами, и Кудрин с другим вожаком взялись провести экспедицию на устье Муи за 60 руб. с тем, чтобы мы снабдили их провиантом и лошадьми на обратный путь. Мы заключили с ними условие в присутствии и за поручительством помощника старшины Ильи Захарова.

Так как Кудрин имеет здесь некоторые дела по подрядам и говорит, что знает путь только до *Муи*, то он поехал на *Бодойбо*, где постарается найти вместо себя другого знающего человека, который мог бы вести нас и дальше *Муи*, до *Бомбуйко*. Вместе с этим, он возьмет на *Бодойбо* (на резиденции) лодку и людей и заведет ее до устья р. *Тиники*, где мы переправимся через *Витим*. Мы будем держаться следующего пути. Отсюда перевалим в верховье р. *Янкадимо* (*Энгажимо*), пройдем по ней верст 30 и затем перейдем на р. *Тинику* (*Синяка* у г. *Шварца*), по которой и спустимся к *Витиму*. Переехавши здесь *Витим* на лодке, пойдем левым его берегом до р. *Бутуи* (*Витуи* тож). По самой *Бутуе* нельзя идти, но мы пойдем по водораздельному хребту между *Буту-*

ей и *Нерпи* (Керпи у г. Шварца), по тунгусской тропе. Потом, поднявшись по р. *Чайонгро*, притоку *Керпи*, перейдем в вершины *Мамука-на* (Малая Мама у г. Шварца). Здесь перевалим через хребет и направимся либо в вершины *Парамы*, либо к вершине *Колоны* (приток Муи). В первом случае мы сделаем обход, но раньше выйдем к хорошему корму на *Параме* и между *Парамой* и *Муею* и выйдем к поселившимся 2 года тому назад на устье Муи олекминским якутам; здесь мы найдем прекрасные луга и хорошее скотоводство. Далее наши вожаки не берутся вести нас. Нужно знать, до какой степени избалованы здешние вожаки, они берут большую цену и ведут до того пункта, куда захотят, с тем чтобы на следующий год взять столько же и провести еще 50 верст. Если бы не официальность предприятия, то тот же Кудрин не взялся бы вести нас на устье Муи, а повел бы другой, который на днях показал себя. Он попросил сапог. Ему сказали, что он уже получил свои деньги, — тогда вожак взбесился и объявил, что проведет нас два месяца. Впоследствии ему дали, конечно, сапоги, но это показывает вам нра-

вы здешних тунгусов. Тот тунгус, который в прошлом году бросил в гольцах г. Мельникова, шедшего на Нечатку, донныне гуляет себе, и никто ничего с него не ищет, хотя он бросил экспедицию в таком месте, где следы лошадей не могли сохраниться, а экспедиции легко было заблудиться, — следовательно, дело пахло жизнью нескольких людей. Но я имею некоторые основания думать, что тот же Кудрин, если не приищет вожаков на Муе, будучи по условию обязан ждать, пока мы не найдем других вожаков, скорее сам проведет нас на Бомбуйко, конечно, за хороший куш, заплаченный отчасти серебряной монетой. Впрочем, если бы мы даже не нашли вожаков на Бомбуйко, то я полагаю возможным выйти на Ципу, так как здесь уже был г. Орлов. Тогда я полагаю подняться по р. Муе, перевалить через Овокит и выйти на устье *Итыкдекана* (приток р. Овокита, системы Ципы), где находится прииск Кандинского. Тут был в прошлом году г. Лопатин. На том основании, что в этих местах не должно быть кряжей гор, а [расположено] плоскогорье, я полагаю невозможным перейти на брошенные теперь при-

иски по речке Талой. На одном из этих приисков был г. Чистохин, гонявший скот из Читы. Отсюда верст 15 до *Задорного* прииска г. Соловьева на *Усое* (Ушай у г. Шварца), и г. Чистохин ходил отсюда в Читу через *Богдарин* (последний левый приток *Малого Амалата* на карте г. Шварца) от *Малого Амалата* через *Маректу* в вершины *Бойцы*, вверх по *Большому Амалату* на *Бирею* и оттуда на устье *Холоя*, на с. *Телембинское* и оттуда в Читу. Этот последний обход предпринимал он потому, что на устье *Холоя* есть постоянный перевоз через *Витим*; между тем гораздо лучше было бы идти на *Эмурчены* (приток *Витима*), куда ведет, как говорят, дорога из Читы. Тогда всего удобнее было бы с *Муи* перейти через верховье *Тульдун* на верхнее течение *Бомбуйко* (этот путь указывает на своей карточке ныне умерший уже тунгус Максимов, которого показания совершенно сходны с тем, что говорят наши вожаки). Тут желательно было бы найти вожаков из тунгусов, живущих на богатой озерами равнине между *Нироконом* и *Верхней Бомбуйко* (у них был в прошлом году г. Лопатин) и стараться пересечь *Большой*

Амалат, чтобы выйти к устьям *Эмурчен*ов. Если мы встретимся на устье Муи с партией г. Пермикина, то их съемка укажет нам, в каком направлении искать пути.

Во всяком случае, можно полагать, что с устья Муи мы не будем вынуждены вернуться назад.

Состав экспедиции следующий: 3 человека, командированных Сибирским отделом: г. Поляков, топограф г. Машинский и я, нерчинский скотопромышленник г. Чистохин, доверенный Ленского товарищества г. Мельников; при нас 2 бурята из Нерчинском округа, ездившие и прежде с г. Чистохиным, 2 вожака-тунгуса и 4 конюха — итого 13 человек. Под вьюками (из которых главную тяжесть составляют 67 пудов сухарей) идут 30 лошадей и для них 9 запасных — всего 52 лошади.

Таким образом, мы отправляемся на *Мую*, но если бы из Сибирского отдела было заблаговременно написано г. киренскому земскому исправнику с просьбой приискать вожаков, то, конечно, мы имели бы уже вожака с Бомбуйко, — старшине легче приискать знающего вожака, чем частному человеку; меж-

ду тем витимские тунгусы, я твердо убежден в этом из разговоров с витимскими жителями и тунгусами, — бывали на *Эмурчене* или знают тунгусов, живших на Ципе, которые бывали там. Мы же имеем жожака, взятого не из коренных витимских, а скорее из здешних, которые хорошо знают олекминскую систему, а не витимскую.

21 июня получена здесь почта из Иркутска от 7 июня и из Петербурга от 5 мая; между тем все-таки не получены мною инструменты. Уезжая, я убедительно просил г. правителя дел выслать мне инструменты на Крестовскую резиденцию, выставляя на вид, что на показания термометров, столько потерпевших и в дороге, и в музее Сибирского отдела, нельзя полагаться, что еще менее можно полагаться на две запасные трубки, добытые мною в Иркутской гимназии, имевшие другое назначение и которые, следовательно, только по необходимости можно было взять в виде запасных барометрических трубок. Поэтому я просил трубок и металлического барометра. Кроме того, я уведомил Распорядительный комитет о том, каковы наши буссоли[156], и

представляю судить, можно ли хорошо работать с таким инструментом. Мне не выслано ни буссоли, ни трубок, ни металлического барометра, а потому покорнейше прошу Распорядительный комитет просить г. секретаря разъяснить, каким образом могло случиться: 1) что инструменты не получились так долго из Петербурга и 2) почему они не были высланы с одною из двух почт, полученных на прииске до 20 июня?

Оставивши на Вознесенском прииске металлический барометр г-на Рухлова и один термометр (от шкалы барометра Фортена), я остался с 1 ртутным барометром, имеющим 2 запасные трубки, и 2-мя термометрами, из которых один служил на Фортеневском барометре для показания температуры шкалы, а другой — температуры ртути; шарик у него не покрыт, и я принужден был залить его воском. Боясь подвергать единственный запасной термометр случайностям в виде горной речки, я прекратил наблюдения над температурой воды в Ныгри, после того как оставил термометр для наблюдений на Вознесенском прииске.

Состояние буссолей вам известно из моего предыдущего письма.

Посылаю вам:

1) Метеорологический журнал с 15 сентября 1858 г. по 20 июня 1861 г., веденный г. Игнатьевым на Вознесенском прииске на р. Хомолхо, близ устья речки *Имняк* (59° с. ш., 133° в. д., около 2600 а. ф. над уровнем моря).

2) Около 100 образцов горных пород при подробном каталоге.

3) Около 25 чучел птиц.

4) Около 70 видов растений.

5) Около 25 видов насекомых.

Сибирский вестник. — 1867. № 4, 17 апр.

Письмо кн. Кропоткина

Витим на устье р. Темника. (Синяка у г. Шварца).

9 июня 1866 г.

Сегодня мы приехали на берег Витима, сделав 100–120 вер. Мы выехали с Тихоно-Задонского прииска 2 июня и сделали в этот день только 6 вер. вниз по рч. *Ныгри* мимо Павловского прииска и переехали *Вачу* вблизи у *Ныгри*. Таким образом, в 7 дней мы сделали около 110 вер. Сегодня начали перевозить кое-что из своего имущества, а завтра перевезем через *Витим* остальное. К сожалению, дожди, которые лили непрерывно в первых числах июня, а потом постоянно понемногу каждый день, замедлили нашу переправу, так как Витим совершенно полон и затопил берега. Кроме того, дожди развели порядочные грязи, и вязкий[157] ручеек, бегущий со склонов гор, образовал сильные грязи, моховина размокла как губка, кони вязнут, а ручьи полны, так что мы подмочили сухари, частию взятые в кулях за неимением сум, и около 4 пудов должны отдать коням, так как дожди не дали

возможности просушить их. Впрочем, так как мы взяли их на 3 месяца, рассчитывая по 3 ф. в день на всех, то в этом еще нет большой беды. Кони идут порядочно, но людей у нас маловато, 4 конюха и 2 бурята завьючивают 34 вьючных коня и дорогою смотрят за 42 конями, чрезвычайно мы обязаны доверенному компании г. Мельникову и Нерчинскому скотопромышленнику Чистохину, которые вместе с прочими значительно помогают нам. Если же бы мы взяли еще лишнего человека, то надо бы было прибавить 5 коней, то есть вместо 52 лошадей взять 57, что почти нисколько не послужило бы облегчением. Впрочем, принявши в соображение, что дорога местами была очень плоха, всё-таки мы идем недурно и довольно скоро.

От *Вачи*, на которой сохранились следы озер, некогда образовавшихся в ее русле, мы пошли вверх по пади *Чипко*, это узкая дол. прямая падь, покрытая толстым слоем оленьего ягеля, невысоким лесом из лиственницы или, отчасти, кедра и сосны. Постепенно, по мере поднятия вверх по *Чипко*, мы видели, как исчезала сосна, слой мха и ягелей стано-

вился всё толще и толще, всё более был он пропитан водою. В вершине мы увидели себя запертыми высокими гольцами, растительности оставались только следы, ибо склоны гольцов были покрыты исключительно россыпью очень твердого кремнистого сланца, представляя мало элементов выветривания, этот сланец лежит в виде свала по всем скатам, мох выступает на нем только пятнами, листовница, в виде отдельных особей, покрывает площадки. Подъем в нижних частях был так крут, что мы 2 часа поднимались на первый уступ, кони падали и едва не попортили себе ног. Падь *Чипко* идет очень отлого, *Вача* лежит довольно низко над уровнем моря, около 630 м (2100 [ф.]), а голец поднимается на 1360 м (4500 [ф.]), и подъем очень крут. Поднявшись на голец, высота которого равна высоте соседних гольцов, мы пересекли гребень цепи, идущей с ЗЮЗ на ВСВ; тому же направлению следует и другой, значительно низший гранитный гребень, который мы пересекли на другой день, спустились в *Джегдакан* (приток Вачи) и переваливая из его долины в рч. *Альдыки* (системы Вачи). Так как этот

гребель состоит из гранита, подлежащего сильному выветриванию, то тут мы не встретили никаких затруднений; напротив того, спускаясь в *Альдьки*, увидели превосходную растительность по южному склону гор, сосна образует боры, а в пади есть лужайки, покрытые превосходным кормом. Конечно, нужно понимать это относительно, потому что где-нибудь около Иркутска это бы и не считалось лужайкою. Высший же гребень между *Чипко* и *Джегдаканом* представляет страну донельзя дикую; только немногие тунгусы, гонящиеся за диким оленем, на своих домашних оленях поднимаются на самые крутые гольцы, где во время жары, между снегами и в глухих северных распадках скрываются дикие олени ходящие за ними медведи. И немудрено, что среди этой дикой пустыни, годной лишь для оленей и бродячего тунгуса, трудно бывает прокладывать путь коням, особенно с большими вьюками, неизбежными там, где нужно рассчитывать 3 месяца не встретить русского оседлого населения. К счастью, тунгус, не довольствуясь тем, что в любой чаще может пробраться на своем олене,

прокладывает тропы, которые все-таки составляют первый шаг, облегчающий путь в эту дикую страну. Переваливая с *Джегдакана* на *Альдyki*, мы встретили тунгусскую тропу, правда, едва заметную и узнаваемую большею частью только по надломленным березкам, но и это облегчает путь. По этой тропе, да по тропам, пробитым партиями золотоискателей, шли мы вплоть до Витима. По тунгусской тропе перевалили мы чрез низкий, несколько вязкий шлегирь (седловину) в долину *Янкадымо*, вершина которого идет от гольцов в вершинах *Чипко* вместе с *Аннуки-тан* (приток Вачи). Долина *Янкадымо* расширяется значительно, она поросла сосною и есть порядочные луга. Но зато когда мы своротили на рч. *Донакты*, который впадает в *Янкадымо*, то снова пришлось идти по мохосине, в грязях, и мы порядочно измучили коней. По *Датакте* и рч. *Догальдыму* мы перевалили в р. *Темнику*, которая течет в Витим. С перевалом на южную покаточть гор, падающих в Витим, идя по *Танике*, мы встретили некоторую перемену в растительности; после моха мы стали встречать маленькие пространства

с хорошею и сочною травою, торфяники, состоявшие выше из ягелей, тут состоят из мха и наконец, появилась снова черемха, белая береза и местами тополь.

Пройдя по *Тинике* около 40 вер., мы вышли, наконец, на *Витим*, где нашли лодку и другого нашего вожака, Константина, который привел ее с *Бадайбо*. Так как по *Нерпи* корма гораздо лучше, чем по Бутуе (Витуя), то мы отправляемся сперва левым берегом Витима до *Нерпи* и потом вверх по этой последней до *Муи*. Отсюда не знаю еще, куда мы направимся; вожаки говорят, что едва ли возможно будет перевалить хребет, разделяющий *Мую* и *Ципу* с *Бумбуйко*; хотя тунгусы и ходят вверх по речке, впадающей в 7 вер. ниже Мурикона (Муджирикан на карте г. Шварца), но для коней с вьюками, говорят они, этот переход будет труден. Они же предлагают на устье *Муи* переехать на правый берег Витима (у живущих тут якутов есть берестяны) и идти по равнине, идущей по правому берегу Витима на 60 вер. выше *Муи*, затем либо на устье *Дзелинбы* снова переехать на левый берег Витима и идти далее от *Бомбуйко*,

либо продолжать идти правым берегом, пересекая *Калар* в 10 вер. от устья (нужно строить плот) и *Калакас*, который можно перебрести. Отсюда можно будет выйти на устье *Каренги* и по ней идти.

Который путь мы выберем, не знаю, это решится на *Муе*, теперь мы имеем перед собою широкий *Витим*, за которым зеленеют северные склоны предгория того хребта, которого дальние вершины мы видели покрытыми лиловым цветом, и где местами еще можно различить белые полосы снегов. Зато позади нас осталась одна из параллельных цепей, которые наполняют *Олекминско-Витимскую* горную страну.

Сибирский вестник. — 1867. — № 10,
10 июля.

Письмо П. Кропоткина

22 августа 1866 г., Серафимовский прииск
Пишу вам с Серафимовского прииска, куда мы добрались вчера после 50-дневного странствования по тайге. Оказывается, таким образом, что ваше предсказание сбылось; на устье Муи мы нашли тунгусов, возвращавшихся после сенокоса в наши края, к Баунту; из расспросов я убедился, что вместо того, чтобы делать крюк к востоку, к устью Бомбуйко, гораздо удобнее будет сделать другой небольшой крюк к западу (в верстах 80) и выйти на дорогу, по которой постоянно ходит скот из Читы, вместо того, чтобы идти, пересекая Амалат в его нижнем течении, где мы рисковали не найти вожаков и должны были идти тайгой вместо того, чтобы идти дорогой. Наконец, и это главное, я полагал, что гораздо удобнее найти ту дорогу, по которой мог бы идти скот из Читы как для Забайкальских, так и для Олекминских приисков в одном гурте, чем искать такую, где нужно было бы с места отправлять два различных гурта. В настоящее время я чрезвычайно доволен тем, что

избрал именно этот путь. Вам, вероятно, известно, что кони, на которых мы отправились с Тихонозадонского прииска, были очень сухи и слабы, между тем они должны были везти 4½ пуда чистой кладки (следовательно, более 5 пудов), и с первого же дня им пришлось везти на очень крутой голец. Этот голец, за ним несколько других, иногда недостаток корма, наконец, грязи еще более уходили их, так что возможность дать им отдых на прииске, на овсе — для нас чистый клад.

Управляющий Серафимовским прииском г-н Стерехов так обязательно снабдил нас всем, в чем мы нуждались, как-то: овсом, подковами, мясом и т. п., что я не знаю, как благодарить вас за такой радушный прием на вашем прииске. Наконец, мы оставляем здесь зимние сухари и берем лишь нужное нам количество с тем, чтобы взять их, сколько будет нужно, на резиденции г-на Бутаца.

Вы извините меня, если я не буду теперь подробнее писать про проеханный нами путь; вкратце не расскажешь, и пришлось бы исписать несколько листов. Александр Степанович, вероятно, сообщал вам о ходе экспеди-

ции по моим письмам с Витима и Муи, которые я писал в Распорядительный комитет Сибирского отдела; скажу только в общих чертах, что из разговоров с Петром Сильвестровичем я убедился, что и по тому пути, которым мы прошли, прогонять скот будет вполне возможно. Из 600 (приблизительно) верст, пройденных нами, можно насчитать только три действительно худых места: 1) — это подъем на голец в вершинах Чепко (в 20 верстах от Тихонозадонского прииска), подъем, который, как оказалось впоследствии, можно миновать, идя по Джегдалату и делая лишь верст 20 крюка; 2) спуск с хребта, идущего вдоль Муи с северной стороны по р. Уксемукиту, где страшно каменисто и на 40 верст почти нет корма. Но как теперь оказывается, есть другой перевал через этот хребет, несравненно удобнее. Нанятый нами вожаком старик Кудрин уверил нас, что идти по Килане, где мы сперва думали идти, несравненно хуже, чем по Уксемукиту, что там страшные грязи и т. п. Между тем на Муе я узнал от тунгусов, что дорога по Килане несравненно удобнее, чем та, по которой мы

пришли, что там везде есть хорошие корма, что по Уксемукиту, наконец, сами тунгусы никогда не ходят, один старик дивился даже, как мы выбрались в одной падушке. Вообще этот перевал стоил нам двух коней, окончательно испортивших себе ноги и проданных нами тунгусам за 30 руб. Наконец, 3-е худое место — это Ципа, где мы встретили невылазные грязи и непроходимые болота там, где обыкновенно бывают превосходные луга. Но это происходит от необычайных дождей, которые в продолжение 2-х недель шли не переставая в окрестностях Баунта, следовательно, от обстоятельства чисто случайного.

Что касается до Уксемукита, то хотя Петр Сильвестрович находит, что скот может пройти и этим путем, но, по всей вероятности, скот примет другое направление — по Кенане: Так как на Муе есть превосходные луга (якуты сеют ячмень), то можно будет остановить здесь скот и осмотреть другой перевал, который представляет еще ту выгоду, что через него можно выйти к Витиму на устье Бодайбо. Мы подробно расспросили тунгусов про этот перевал (к сожалению, муйские тун-

гусы не знали пути на Бодойбо, а только на устье Витуи (110 верст выше); я даже думал, дойдя с экспедицией до Ципы (где в прошлом году был Лопатин), вернуться по Килане на Витим и таким образом смотреть другой перевал. Но от этого удержали меня и недостаток добрых коней, которых пришлось бы взять три (под меня и под припасы, а тунгус, с которым я хотел ехать, должен был отправиться на олене), и, наконец, опасения за некоторые столкновения, которые могли бы возникнуть в мое отсутствие в нашей семье и иметь неблагоприятные последствия для дела, наконец все-таки было бы не вполне сделано, так как нужно было бы узнать путь, который знают только витимские тунгусы. Вообще теперь это дело находится уже в наших руках, подробно известен путь, и вожаки есть на примете, так что в конце концов я надеюсь, что скот из Забайкалья будет ходить на Олекминские прииски, если тому не помешают другие обстоятельства, как, например, дороговизна скота за Байкалом и т. п. Что же до пути, то хотя мы и пересекли 5 гряд гор, идущих поперек дороги с запада на восток, и

две из этих цепей представляют две гряды скал, почти отвесно падающих к Муе, но тунгусы знают и даже пробили тропы настолько удобные, что если сравнить их вообще с таежными дорогами, то они могут быть названы положительно сносными. Конечно, есть грязи, есть камень, местами довольно крупный, но сразу едва ли возможно, чтобы было иначе. Со временем приищутся, я думаю, более удобные обходы, чащи расчистятся помаленьку, и тогда путь будет таков же, как и остальные таежные дороги.

Мы шли, как видите, очень медленно, дневали 3 дня на Муе, 4 на Ципе, не считая дневок один день, которые мы делали время от времени, но берегли своих коней, которые с места пошли сухими и затем должны были сделать два перевала, о которых я писал выше. Тем не менее мы все-таки потеряли 5 коней. Один повредил себе ногу на Витиме и продан тунгусам за 30 руб., два на Уксемуките (проданы на Муе по 15 руб.), один больной утонул на переправе через Ципу, а одного, присталого, мы бросили на дороге после того, как два раза мы принуждены были оставлять

его простого и затем посылать за ним. Сухарей у нас хватило вдоволь, несмотря на то что случилось подмочить их, а два раза, когда после большого перехода мы все-таки не дошли до доброго корма, я распорядился скормить в оба раза более 10 пудов сухарей, полагая, что выгоднее скормить сухари, чем на другой день бросить одного или двух коней.

Послезавтра мы отправляемся дальше, и так как мы делаем небольшие переходы (большей частью не более 20 верст), то я надеюсь в первой половине сентября быть в Чите, тем более, что теперь уже нигде, по-видимому, не встретится такой худой дороги, какая встретилась, и, наконец, нет перевалов через хребты, которые как бы ни были сравнительно удобны, все-таки утомительны для коней.

Сибирский вестник. — 1866. — № 17, 30 авг.

Примечания

Впрочем, то же явление заметно и на Волге: укажу хоть Козьмодемьянск, крошечный городишка, состоящий из двух-трех улиц с несчастными, перекосившимися домами, со спуском к Волге, сделанным как будто с целью затруднить подъем тяжестей.

[^^^]

2

Такое шоссе существует и по всей Восточной Сибири до Иркутска, где оно устроено стараниями графа Муравьева.

[^^^]

3

И кроме того, земля часто остается в залежи по 15 лет.

[^^^]

4

В нынешнем году травы и здесь удивительно, неслыханно хороши.

[^^^]

fb2: пропущен текст сноски

[^^^]

6

Большую часть небольшими: в три окна на улицу с мезонином.

[^^^]

Цены дороги, если сравнивать их с московскими, но недороги, если принять в расчет долгую дорогу, необходимые предосторожности при перевозке, риск и т. п.

[^^^]

8

Я делаю исключение для университетских городов, где часто попадаются и те и другие деления.

[^^^]

10 руб. в год за чтение всех получаемых журналов, после того как выйдет следующий номер, и книг. Чтение журналов и газет в самой библиотеке для всех бесплатно.

[^^^]

Они проданы кяхтинскому городскому обществу. В Кяхте, как вам известно, мог издаваться «Листок». Издание велось очень добросовестно, и «Листок» был несравненно интереснее наших губернских «Ведомостей» и гораздо полезнее, так как давал следить за ходом китайской торговли. Теперь он прекратил свое существование за смертью Андруцкого. Все здесь жалеют об этом.

[^^^]

Оно находится в руках г. Хаминова.

[^^^]

Голоустная — почтовая станция, севернее Лиственичной и против Прорвы. Обыкновенно пароход ходит так: поднимается вдоль зап. берега до Голоустной, а потом переходит Байкал.

[^^^]

Обыкновенно же пароходы останавливаются за несколько сот сажен и даже за версту.

[^^^]

Крестьянин Нерчинского округа Кузнецов,
Нерчинский купец Истомин и казак Матафонов.

[^^^]

Читинский купец Юдин и кяхтинский купец Немчинов. Г. Юдиным были выставлены канаты, свечи, кожи, пенька, выделанные овчины, стеклянная посуда, мыло и т. п. Читателя, может быть, удивит это разнообразие; но на новом поселении так бывает: является предприимчивый человек, который берется снабжать город решительно всем, от канатов до галантерейных безделушек, конечно, назначает на всё произвольную цену и в несколько лет наживает огромный капитал, получая еще со всех сторон благодарности за то, что снабжал всем нужным.

[^^^]

Крестьянин Нерчинского округа Шевченко. Вообще скота было приведено очень немного, что могло бы показаться странным с первого взгляда, так как здесь разводят огромнейшие количества лошадей и овец; но оно вполне объясняется недостатком сена. Лошадь Шевченко подняла с места 75 пуд. и продолжала идти под тяжестью 216 п. хозяин сам остановил ее. Другие лошади не везли более 170 пуд.

[^^^]

Очень жирное сибирское кушанье, что-то вроде вареников, в которых вместо творогу наложена говядина.

[^^^]

Г-н Повсеместный, говоря об убытках, понесенных от землетрясения, впал в ошибку, называя Ильинскую волость и кудринских бурят очень бедными. Ильинская волость чуть ли не самая богатая, да и кудринские буряты не могут пожаловаться на бедность: убытки, исчисленные административным путем, гораздо меньше, чем на самом деле. Администрация могла исчислить погибший скот, которого погибли огромные массы, могла пересчитать разоренные улусы, но кто исчислит движимое имущество, наконец деньги, затопленные водой?.. Рассказывают, что у одного бурята погибла шуба, рукава которой были набиты ассигнациями.

[^^^]

Бычачью, воловью. Слово «скотское» в Забайкалье относится к быкам. «Скотское мясо» — говядина, в отличие от всякого другого мяса.

[^^^]

Особого рода экипаж, двухколесный и особой конструкции, которая несколько заменяет рессоры.

[^^^]

Впрочем, те же мечтатели думали, что народ, крестьяне-казаки, станут на него подписываться: так он будет полезен для них.

[^^^]

Здесь есть библиотека при клубе, но только по имени. Книг было очень немного, но вот уже несколько лет получают журналы; из них почти все растеряно, остальное в таком виде, что только по шрифту можно определить, к какому журналу принадлежат разрозненные листки.

[^^^]

Два колокольчика — обычай всей Сибири.

[^^^]

Один вол, запряженный в сани, с бурятом, едущим на нем верхом или тянущим его изо всех сил продетой сквозь его ноздри, веревкой, — явление весьма обыкновенное в Забайкалье.

[^^^]

Существенную часть этого населения составляют мещане, до 700 чел. обоего пола, и поселенцы, до 630 чел. Купцов записывалось здесь довольно много, так как город был льготный, а потому число их (с семьями) доходит до 270 чел. На это число приходится нижних чинов до 600 чел. (без семьи около 140 чел.) и служащих с семьями до 470; город, как видите, чиновный. Затем и крестьян, до 120, разночинцев более 200 и духовенства около 20 чел. обоего пола. Наконец для характеристики населения можно еще прибавить, что мужчин в Чите почти вдвое более, нежели женщин.

[^^^]

Эти дома принадлежат: духовенству 9, дворянам и чиновникам 61, купцам 27, мещанам читинским 72, мещанам иногородним 6, разночинцам 32, поселенцам 16, крестьянам 5, нижним чинам 18, итого 246.

[^^^]

Ларей 30, оптовая лавка 1, казенная для продажи железа с Петровского завода 1, гостиниц 2, ренсковых погребов 4, оптовых лавок для продажи вина 2, штофных лавок и питейных заведений 38, торговых бань 2, аптека казенная с правом вольной продажи.

[^^^]

В Чите 51 капитал: 1-й гильдии 1, 2-й — 5, 3-й — 35, временных по 3-й гильдии 10. Из них торгуют в Чите 1-й гильдии — 1, 2-й — 2, 3-й — 15, временных иногородних по 3-й гильдии — 8, временных мещан и крестьян по 3-й гильдии — 2.

[^^^]

Теперь, с перенесением таможи к Иркутску и наложением пошлины на амурские товары, беспошлинно торгуют только по сю сторону Байкала, где и должны распродаваться амурские грузы, так как, при торговле с амурскими купцами в кредит, купцу часто нечем даже заплатить пошлины. Нечего и говорить, как неблагоприятно отзывается это на начинающейся амурской торговле и насколько эта невыгода выкупается таможенными сборами.

[^^^]

12 семейств из мещан, купцов, нижних чинов и лиц духовного звания обрабатывают в окрестностях около 100 дес. земли и накашивают сена до 1650 копен.

[^^^]

Это последнее говорю, судя по рассказам.

[^^^]

Я говорю про первые два станка, которые одни мне знакомы; остальные, говорят, не лучше, местами гораздо хуже.

[^^^]

Нужно было нанять людей на сплав, 20 человек. Через несколько часов нашлось желающих больше, чем сколько нужно, нанялись до Благовещенска за 14 руб., на казенном довольствии, с тем, чтобы быть отправленными оттуда на казенном пароходе, но на собственном довольствии. Большею частью это такой народ, у которого рубашки нет, а сапоги, конечно, отнесены к предметам роскоши. В Благовещенске они надеялись запастись всем нужным; но на другой же день после расчета всё было пропито и растеряно, на пароходы никто не попал, потому что все пьянствовали во время их отхода, наконец и денег не осталось, чтобы ждать следующего парохода. В начале весны, когда пароходы не шли и все пассажиры отправились на лодках, на частные лодки нанимались и за 7 руб.

[^^^]

Провоз бочки спирта от Читы до Сретенска, сухим путем, может стоить не более 25 руб. От Сретенской до Покровской *на пароходе*, не более 20 руб., т. е. по 50 коп. с пуда, или с ведра, т. е. провоз ведра обойдется не более 1 р. 10 к. Положим за всеми расходами, потерями, усышкой и пр., и пр. громадную цену, т. е. 2 руб. Ведро спирта в Чите стоит 7 руб., итого 9 руб. Чистого барыша остается 6 руб. с ведра, т. е. 240 руб. с бочки, не считая того, что провоз может стоить гораздо дешевле.

[^^^]

Оговариваюсь раз навсегда: быть может, я ошибаюсь в названиях народов, живущих по Амуру, так как не имею возможности поверить себе. Называю же их так, как зовут местные жители.

[^^^]

Я говорю про Амур до Благовещенска.

[^^^]

Липовое бревно (сырое) 3 саж. длины, $\frac{3}{4}$ арш. в диаметре, в 7 «резов» — 6 досок и 2 плахи — распиливается в два дня.

[^^^]

Впоследствии я видел такие же кадки у голь-
дов.

[^^^]

Уж не примут медного, покрытого ртутью, пятака за рубль.

[^^^]

40

Вода действительно прибыла, и не на аршин,
а на сажень.

[^^^]

Название этой деревни Горин (от гольдской деревни), но крестьяне зовут ее Горюном.

[^^^]

На пути от Хабаровки до Софийска он, как говорят, заезжал в селение Михайловское. Крестьяне, вероятно, просили о переселении.

[^^^]

Сплав разделяется на рейсы, состоящие каждый из 15–17 барж. Рейс поручается офицеру, которому дается еще помощник.

[^^^]

Но и такие суда не всегда могут пройти.

[^^^]

За баржи, разбитые у берега, стоя на причале.

[^^^]

46

Скоро будет 5 пароходов с 7-ю или 8-ю баржами.

[^^^]

Интересно бы точнее знать, насколько поднимается вода во время таких наводнений, а также быстроту прибыли. Во всяком случае можно сказать, что уровень воды в Амуре поднимается около 2-х сажень, если не более, и в очень небольшие промежутки времени.

[^^^]

Река, впадающая с китайской стороны, до того большая, что она по впадении берет верх над Амуром и на большое пространство окрашивает воды его в молочно-известковый цвет. Про Сунгари носят слухи, что она течет по чрезвычайно плодородным местам, которые богаты скотом, славятся речным жемчугом, даже проходима для пароходов. Конечно, было бы очень интересно снарядить экспедицию, чтобы удостовериться в справедливости этих слухов.

[^^^]

Некоторые из машин уже действуют в настоящее время, от других присланы только некоторые части.

[^^^]

Корреспондент «Русского вестника».

[^^^]

Впрочем, в двадцатых числах сентября вызвался один охотник доставить до Благовещенска 10 000 пуд. муки, а из Благовещенска этот хлеб со вскрытием реки может быть доставлен туда, куда потребуется, до прибытия самых ранних рейсов. Эти же рейсы будут готовы отправиться весною из Сретенска, то есть уже с Шилки, а не с Ингоды. Впрочем, этот хлеб до Благовещенска не дошел, а зазимовал где-то на Амуре.

[^^^]

Весною 1863 г. скот был куплен для сплава в Николаевск по 16 руб. сереб. мон. за штуку, считая наполовину, кажется, быков и коров. Серебро ходило по 1 р. 40 к. На бумажки, следовательно, вышло по 22 р. 40 к.

[^^^]

Говорят, что в нынешнем году они намерены уже сеять ярицу (яровую рожь).

[^^^]

Стоит копеек пятьдесят; бывают длиною от 2 до 3 аршин.

[^^^]

Одежда сплавщиков (солдат первого батальона) в прошлом году представляла очень жалкую картину: на иных то, что носило название рубашки, было не больше как несколько лохмотьев. В прежние года, говорят, на сплавные суммы (так как сплав делается казною в форме коммерческой операции) покупался сплавщиками ситец, доба. Это было совершенно справедливо, потому что если за бытность на сплаве и получатся солдатами какие-то деньги, то уже после сплава. Да, наконец, если б и были деньги, то где же сплавщик купит себе ситцу? Известно, что рейсовые начальники избегают остановок в Благовещенске и больших станицах, чтобы избавить людей от соблазна напиться, наконец, если и останавливаются, то вечером. Тоже известно, что если бы сплавщик пошел покупать себе рубашку, то с него, как с проезжего, взяли бы втридорога.

Холостые же, кроме самих себя да одежды, ничего не имели.

[^^^]

Пароход «Карсаков» — один из лучших на Амуре. Этот пароход 100-сильный (около 90) и сидит, между тем, только 3 фута — это единственный буксирный пароход, который ходит по Шилке. В настоящее время он куплен в казну.

[^^^]

Так как окрестные горы большею частью состоят из гранитов, то весной много падает с горы огромных камней, разрушающихся во время зимы от замерзания просачивающейся воды.

[^^^]

Хотя он во многом походит на образ жизни во многих и многих местах Забайкалья.

[^^^]

Между прочим прибавлю, что я видел одного зобатого китайца в деревне Сахалин против Благовещенска *из местных уроженцев*. Что могло быть причиною образования зоба в такой превосходной, плодородной равнине, как не наследственность?

[^^^]

«Зоб и кретинизм в Нерчинском округе» В.
Дерикера. *Вестн. Геогр. Общ.* 1857. XIX, № 1.

[^^^]

Бесспорно, через несколько времени число зобатых на Аргуни начнет уменьшаться, но не от воды, а от вступления урвцев в брак с жителями прибрежий Аргуни.

[^^^]

Лес иногда заменяется кедровым сланцем, мелким кедровым кустарником.

[^^^]

Небольшая мельница с вертикальным валом, приводящим в движение один жернов.

[^^^]

65

Расстояние между ними не более двух верст.

[^^^]

Пишу это по рассказам.

[^^^]

Предупреждаю только, что чрезвычайно трудно высчитать, во что обходится крестьянам доставка хлеба, — каждый обоз идет по-своему, — не так, как другие, оттого и цены другие; вообще цифры, которые я привожу, только приблизительные; большею частью я старался брать возможно меньшую цифру расхода.

[^^^]

С приближением к Чите сено становится гораздо дороже. На некоторых станциях оно достигало баснословных цен.

[^^^]

Дешевле 3 руб. в месяц (по дороге) не возьмутся кормить взрослого человека.

[^^^]

Опять почти исключительный случай: большую частью возчики стоят 4–5 дней, дожидаясь очереди, и при читинской дороговизне это составляет не менее 4–5 руб.

[^^^]

Деньги за хлеб выдаются вперед или две трети вперед, а оставшаяся треть по предъявлении квитанции.

[^^^]

В степях здесь преимущественно растет трава «острец»; осенью листья его свертываются и образуют комок, внутри которого под оболочкой засохших листьев имеется прекрасное самосушное сено.

[^^^]

В прошлом году оно продавалось в Чите по 10 руб. пуд.

[^^^]

Конечно, рядом с фабричными местностями найдутся и такие, которые будут почти исключительно заниматься хлебопашеством.

[^^^]

Кстати: у монголов скот гораздо крупнее нашего, может быть, оттого, что они не доят коров, и теленок один питается всем молоком своей матери. Так думают, по крайней мере, казаки.

[^^^]

Конечно, они ездят на обыкновенном мужском, бурятском седле.

[^^^]

Большие огороды составляют, впрочем, редкость.

[^^^]

«То есть, вот сколько раз, бывало, прошу я своего Лександр Иваныча, хочь показал бы мне, какая она такая зимняя рожь, — говорила мне одна казачка, — а теперь вот коротко довелось узнать». В Забайкалье сеется почти исключительно яровая рожь, вследствие климатических условий страны.

[^^^]

Припомню читателю, что места, занимаемые 2-м конным полком, лучшие на всем Амуре.

[^^^]

В станицах кусок дабы в 10 арш. достается не дешевле 2 р., 2 р. 30 к., в Забайкалье — 1 р., 1 р. 50 к.

[^^^]

Общее название всякого служащего военного или гражданского в Восточной Сибири.

[^^^]

Частные пароходы, если берут дрова в станциях, где заранее их не было заготовлено, то платят по 3 р.

[^^^]

Чай заменяет всякое питье, и казаки так привыкли к нему, что заболевают, если вынуждены постоянно пить воду. В случае крайности пьют уже отварную воду.

[^^^]

Некоторые, впрочем, привели с собою из Забайкалья довольно значительное количество скота, есть казаки, приводившие в прошлом году до 80 голов рогатого скота.

[^^^]

В нынешнем году маньчжурская пшеница значительно облегчила трудности избавиться от голодовки, грозившей низовьям Амура, после разбития барж. Этому особенно помогло то, что наши отношения к маньчжурским властям были очень дружелюбны, а то стоило амбаню (губернатору) в Айгуне сказать слово, и мы не могли бы купить у маньчжур ни одного фунта муки.

[^^^]

Американский сахар 16 руб. пуд. между тем как в Николаевске он стоит 9 руб. Стеариновые свечи 24 руб. пуд. Сальные — 16–20 руб.

[^^^]

Отчего бы, благо есть типография в Николаевске, не распечатать условий доставки и не разослать их по деревням, не поручая этого дела исправнику?

[^^^]

Многие очень хвалят гавань Находку, на которую пока не довольно обращено внимания.

[^^^]

Обшитые тесом и окрашенные дома составляют необычайную редкость как в Чите, так и в Благовещенске.

[^^^]

Ожидают еще два судна, которые скоро должны прийти.

[^^^]

Прочие батареи строятся ниже.

[^^^]

Общее нарицательное имя, принятое для всех иностранных купцов.

[^^^]

Пуд мяса стоит в нашу бытность 8-10 руб. и то только в нынешнем году, благодаря исключительному случаю привоза; пуд муки ржаной 2 р. 10 к., овощи едятся большею частью привозные, презервованные. По этим ценам можно судить о ценах на все остальное.

[^^^]

Современная летопись. 1864. № 19.

[^^^]

Пишу это на основании расспросов.

[^^^]

Право поселения на Уссури принадлежит походным казакам; теперь обсуждается вопрос — возможно ли допустить сюда посторонних переселенцев и на каких условиях.

[^^^]

Маньчжурский дуб далеко не похож на европейский, лист его имеет другую форму, а самый дуб бывает ниже и большею частью корявый.

[^^^]

1 по 10 июля.

[^^^]

Не выдаю этого своего личного мнения за неоспоримую истину, так как мой обзор был слишком беглый.

[^^^]

В нынешнем году представится возможность заработать деньги доставкой леса из Николаевска.

[^^^]

Отсюда пароходы могут ходить по реке Сунгачани, донельзя извилистой, и по ней входят в бурное озеро Ханка, откуда по нашим постам производится сообщение с Восточным океаном.

[^^^]

Хамар-Дабан, Баргузинские и Байкальские.

[^^^]

Смесь глауберовой соли с поваренною. Оседает в степях Забайкалья в огромных количествах.

[^^^]

На берегу Байкала, в 18 верстах к северо-востоку от Лиственичной. Имеет две плавильные печи, работающие поочередно, 5 мастеровых, выдувающих стекло. Материалы привозятся: кварц из Косой степи на северо-западном берегу Байкала, за Байкальскими горами, а гуджир из Забайкалья — «из-за моря», как здесь говорят.

[^^^]

Эта плата не застраховывает золота, а так — золото, так не мешает подороже взять.

[^^^]

Мы не ездили по ней, но читали и слышали про нее и составили себе убеждение, что пока дорогой ее нельзя еще назвать.

[^^^]

Гладкая, не слишком крутая «покать» между двух утесистых выступов.

[^^^]

Общее название всех служащих, как гражданских, так и военных.

[^^^]

Совр. Лет. 1864 г. № 42-й.

[^^^]

40 верст от Хабаровки.

[^^^]

Обыкновенно серебряный рубль продается в Благовещенске маньчжурам за 1 р. 40 — 1 р. 60 к. Так как в покупке с доставкой он стоит не более 1 р. 15 — 1 р. 20 к., а в год капитал может обратиться два раза, то купцы получают от этой торговли в год от 50 до 70 процентов.

[^^^]

Желающим познакомиться с ныне вымирающим племенем «гультепаков, бузуева тож», и пр., и пр. отсылаю к одному из своих прежних писем в *Совр. Лет.* 1864 г.

[^^^]

Нужно заметить, что много заготовлено плохого, негодного леса.

[^^^]

На одном из станков был дом, да сгорел, теперь строится новый, авось к зиме успеет.

[^^^]

За Байкалом, а теперь, следовательно, и на Амуре хлеб складывается в скирд на самом поле, причем возят его с поля в одно место на *санях*, летом. Затем тут же его молотят зимой и привозят зимой в зерне. Молотят большею частью по мере надобности и, следовательно, бурундуки и всякие полевые мыши успевают-таки вдоволь поесть хлеба.

[^^^]

Начали сеять с 1863 года.

[^^^]

Семена были доставлены из Забайкалья; впрочем, справедливость требует подтверждения того, что на вид семена казались превосходными, и сами хозяева ими обманулись.

[^^^]

Население я считал только хлебопашенное, оставляя в стороне тех из вновь зачисленных, которые не имеют никакого хозяйства.

[^^^]

Трудно представить себе, до чего доходила в Забайкалье замкнутость отдельных речных областей лет десять тому назад; только постоянно встречая теперь ее остатки и выслушивая рассказы старух про то, какой страх наводила недавно поездка хоть в Читу, можно составить себе приблизительные понятия об этой замкнутости.

[^^^]

Линия идет по правому берегу Амура, а Николаевск расположен на левом.

[^^^]

Столбы сделаны из сырого дерева.

[^^^]

В *Воскресном прибавлении* к «Московским Ведомостям».

[^^^]

Высокий хребет, который тянется от севера к югу окраин возвышенной степи Гоби. Полого поднимаясь с запада, он круто склоняется на восток в Маньчжурию.

[^^^]

Казачи на другой же день после выхода в путь подвязали их: «веселее как-то ехать».

[^^^]

Верхняя одежда, пятипольный халат, довольно удобный для верховой езды.

[^^^]

Река Гуюйрл, по другим произношениям Ху-юр. Река Ган впадает в Нонни около Мергена, Нонни в Сунгари, Сунгари в Амур.

[^^^]

Трубочками.

[^^^]

Тарантас, то есть попросту телега на дрогах.

[^^^]

То есть не Айгунь, а вернее — деревушка Са-
халан против Благовещенска, что, впрочем,
всё равно, так как купцы в ней из Айгуни.

[^^^]

Кстати замечу, что, выбирая предметы для торговли сообразно со вкусом монголов, мы часто идем с ними и в Китай и в Маньчжурию, делая этим большую ошибку, так как разница между вкусами монголов и китайцев громадная.

[^^^]

Многие сказали бы большое спасибо редакции Академического Календаря, если бы он был пополнен хорошей таблицей ценности китайских монет. Источники нашлись бы, особенно в английских книгах и журналах.

[^^^]

См. мое письмо из Чинданта в мае 1864 г., помещенное в Современной Летописи «Москов[ских] Ведом[остей]».

[^^^]

Современная летопись. 1864, № 41–45. Зап[иски] Сиб[ирского] Отд[еления Имп. Русского географического общества]. Кн. VIII. Иркутск, 1865.

[^^^]

Легенда о Гысырь-хане переведена с монгольского И. Шмидтом. *Thalen Bogda Gesser Chan's*. Petersb., 1839.

[^^^]

Этого достигают накладыванием тяжести на ветви.

[^^^]

До перевала через хребет дорога шла на восток.

[^^^]

Казачи нашего каравана, возвращающиеся домой по Амуру на пароходе и далее на лошадях, употребили на проезд 40 дней.

[^^^]

Город вблизи Калгана к западу. Калган верстах в ста от Пекина по дороге в Кяхту.

[^^^]

Отправившись в 1866 г. для разыскания скотопрогонного пути из Олекминского округа в Забайкальскую область, пути, нужного золотопромышленникам для прогона скота из Нерчинского округа, я плыл вниз по Лене на купеческом павозке. Лена очень мало еще известна, про нее писали только Эрман и Щукин (в 1841 г.), а потому мне казалось, что не без интереса будут следующие заметки.

[^^^]

Вот цены некоторых товаров на ярмарке: мука ржаная 1 руб. 10 коп., овес 1 руб., пуд табаку 3 руб. 50 коп., 1 фунт табаку 8 коп., аршин деревенского сукна 25 коп., плохие войлочные шляпы 40 коп., кожа дубленая 2 руб. 25 коп., дробь фунт 30 коп., коса 80–90 коп., серп 45–70 коп., сахара пуд 16 руб. (в Иркутске 15 руб.).

[^^^]

За доставку хлеба на частные промыслы (в Крестовую и на Мачу) золотопромышленники платили в 1866 году 1 руб. 80 коп.

[^^^]

Когда я писал это письмо, он прошел на Мачу, «резиденцию» золотопромышленников. Баржа, которую он буксировал, села на мель около Жигаловой и брошена, пароход пошел один. Другой пароход пошел вверх по Витиму с 12 000 пудов груза и пойдет до устья Бодайбо.

[^^^]

Они тронулись около 25 мая, казенные уже сидели в это время по мелям.

[^^^]

Такой же мороз был в 1862 г. в низовьях Аргуни 4 июля.

[^^^]

Вопрос об образовании зоба такой сложный, так мало имеем мы данных, чтобы говорить о нем, что трудно сказать об этом вопросе что-нибудь обстоятельное; впрочем, в другой раз я намерен сообщить несколько не лишенных интереса заметок, собранных мною.

[^^^]

Борис Алексеевич Милютин — издатель иркутской газеты «Сибирский вестник», публицист, юрист. Настоящее письмо, предваряющее публикацию серии писем, было опубликовано вместе с первым из них, однако публикация затянулась, и последние письма печатались тогда, когда П. А. Кропоткина, вышедшего в отставку и уехавшего в Петербург, давно уже не было в Иркутске. — А. Б.

[^^^]

Например, в *Зехиной* и нек. др.

[^^^]

Года три тому назад тут поселились три семейства тунгусов со скотом и полным хозяйством.

[^^^]

Хотя на карте г. Шварца вершины Мамы лежат не к В., а к С. от вершины Ангары, но в трудах Сибирской экспедиции говорится, что к В. от вершины Ангары лежат истоки Мамы.

[^^^]

Хотя г. правитель дел отдела и имел неосторожность отозваться, что бумаги посланы, но 1) в деле о снаряжении Витимской экспедиции не оказалось отпусков этих бумаг и 2) в рассыльной книге не значится, чтобы такие были отправлены, между тем как есть росписной почтового чиновника, принявшего пакет Олекминскому исправнику.

[^^^]

Впадает в Жую; по-видимому, на карте г. Шварца она названа Уага, впрочем, течение ее нанесено не совсем правильно.

[^^^]

9,2 ф., 3,6 ф. и 3 ф.

[^^^]

Я должен был в этот день вернуться на Ныгри, где должны были собраться вожаки.

[^^^]

Доктор К. А. Эйсмонт сверит этот термометр с тем, который я ему оставил.

[^^^]

Вознесенский прииск лежит почти на 120 м (400 ф.) выше Тихонозадонского, высота же последнего, по сравнению с средней высотой барометра в Иркутске в течение июня, по 15-летнему наблюдению г. Щукина, оказалась в 763 м (около 2180 ф.).

[^^^]

Воспользовавшись магнитом, имеющимся на прииске, мы, впрочем, намагнитили свои буссоли. Теперь их показания сходны с показаниями горного компаса, и показания, взятые по одному направлению, каждый раз получаются те же.

[^^^]

По смыслу должно быть «всякий». — А. Б.

[^^^]